

**ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ**

ЕВРАЗИЙСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ ЖУРНАЛ

**Научный журнал
№ 4, 2025**

Издается с 2017 г. Периодичность: с 2018 года 4 номера в год. Индексируется в РИНЦ.

Настоящий научный журнал представляет материалы, освещающие актуальные вопросы общего языкознания, переводоведения, социо- и психолингвистики, функциональной грамматики, когнитивной лингвистики, дискурсологии, русской литературы, литературы народов РФ, зарубежной литературы, лингводидактики, педагогики. Материалы предназначены для широкого круга специалистов в области филологии и педагогики. Статьи рецензируются. Перепечатка без разрешения редакции запрещена, ссылки на журнал при цитировании обязательны.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Шустова Светлана Викторовна – главный редактор, доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет)

Аверина Анна Викторовна – заместитель главного редактора, доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Москва, Московский государственный лингвистический университет)

Андросова Светлана Викторовна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Благовещенск, Амурский государственный университет)

Арустамова Анна Альбертовна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет)

Балакин Сергей Владимирович – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Екатеринбург, Уральский государственный университет путей сообщения)

Белобородова Ниля Сабитовна – доктор педагогических наук, профессор (Россия, г. Бирск, Башкирский государственный университет (Бирский филиал))

Братухин Александр Юрьевич – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет)

Бурдина Светлана Викторовна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет)

Горбунова Наталья Владимировна – доктор педагогических наук, профессор (Россия, г. Ялта, Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского)

Гордиенко Татьяна Петровна – доктор педагогических наук, профессор (Россия, г. Симферополь, Крымский индустриально-педагогический университет им. Ф. Якубова)

Дворцова Наталья Петровна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Тюмень, Тюменский государственный университет)

Евсеева Ирина Владимировна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Красноярск, Сибирский федеральный университет)

Елшанский Сергей Петрович – доктор психологических наук, профессор (Россия, г. Москва, Московский экономический институт)

Зеленина Тамара Ивановна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Ижевск, Удмуртский государственный университет)

Игна Ольга Николаевна – доктор педагогических наук, профессор (Россия, г. Томск, Томский государственный педагогический университет)

Иоселиани Аза Давидовна – доктор философских наук, профессор (Россия, г. Москва, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации)

Каплявик Кира Юрьевна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Москва, Российский университет дружбы народов)

Комарова Юлия Александровна – доктор педагогических наук, профессор (Россия, г. Санкт-Петербург, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена)

Кондаков Борис Вадимович – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет)

Коптева Наталия Васильевна – доктор психологических наук, профессор (Россия, г. Пермь, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет)

Костева Виктория Михайловна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Москва, Российский государственный гуманитарный университет)

Кошкарлова Наталья Николаевна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Челябинск, Южно-Уральский государственный (национальный исследовательский) университет)

Маркова Татьяна Николаевна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Челябинск, Южно-Уральский государственный педагогический университет)

Меньшакова Надежда Николаевна – кандидат филологических наук, доцент (Россия, г. Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет)

Онина Софья Владимировна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Ханты-Мансийск, Югорский государственный университет)

Ореховская Наталья Анатольевна – доктор философских наук, профессор (Россия, г. Москва, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации)

Поздеев Вячеслав Алексеевич – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Сыктывкар, Федеральный исследовательский центр Коми, научного центра Уральского отделения РАН)

Потанина Наталия Леонидовна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Тамбов, Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина)

Прокофьева Лариса Петровна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Саратов, Саратовский государственный медицинский университет им. В. И. Разумовского)

Проскурин Борис Михайлович – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет)

Пузанкова Елена Николаевна – доктор педагогических наук, профессор (Россия, г. Москва, Московская международная академия)

Резанович Ирина Викторовна – доктор педагогических наук, профессор (Россия, г. Воронеж, Воронежский государственный педагогический университет)

Роготнев Илья Юрьевич – кандидат филологических наук, доцент (Россия, г. Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет)

Семененко Наталия Николаевна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Белгород, Старый Оскол, Белгородский государственный национальный исследовательский университет)

Сидорова Ольга Григорьевна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Екатеринбург, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина)

Сыромятников Олег Иванович – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет)

Сюткина Надежда Павловна – кандидат филологических наук, доцент (Россия, г. Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет)

Трофимова Нелли Аркадьевна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет)

Файзиева Галина Владимировна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Астрахань, Астраханский государственный университет)

Фельде Ольга Викторовна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Красноярск, Сибирский федеральный университет)

Фетисов Александр Сергеевич – доктор педагогических наук, профессор (Россия, г. Воронеж, Воронежский государственный педагогический университет)

Хабибуллина Лилия Фуатовна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Казань, Казанский (Приволжский) федеральный университет)

Чернобров Алексей Александрович – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Новосибирск, Новосибирский государственный медицинский университет)

Чугунов Дмитрий Александрович – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Воронеж, Воронежский государственный университет)

Шараков Сергей Леонидович – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Старая Русса, Новгородский государственный объединенный музей-заповедник, Дом-музей Ф. М. Достоевского)

Шачкова Эльвира Вадимовна – доктор педагогических наук, профессор (Россия, г. Ялта, Гуманитарно-педагогическая академия (филиал) Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского)

Шипова Ирина Алексеевна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Москва, Московский педагогический государственный университет)

Шумилова Елена Аркадьевна – доктор педагогических наук, профессор (Россия, г. Краснодар, Кубанский государственный университет)

Юсупова Ляля Гайнулловна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Екатеринбург, Уральский государственный горный университет)

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Гао Чуньюй – профессор (Китай, округ Цицикар, Цицикарский университет)

Ивашкевич Ирина Николаевна – кандидат филологических наук, доцент (Республика Беларусь, г. Минск, Белорусский государственный университет)

Ли Ифан – кандидат филологических наук (Россия, г. Благовещенск, Амурский государственный университет)

Нагзибекова Мехриниссо Бозоровна – доктор филологических наук, профессор (Республика Таджикистан, г. Душанбе, Таджикский национальный университет)

Нижнева Наталья Николаевна – доктор педагогических наук, профессор (Республика Беларусь, г. Минск, Белорусский государственный университет)

Рузиева Лола Талибовна – доктор филологических наук, профессор (Республика Таджикистан, г. Душанбе, Таджикский национальный университет)

Ходжиматова Гулчехра Масаидовна – доктор педагогических наук, профессор (Республика Таджикистан, г. Душанбе, Таджикский национальный университет)

Чжан Цзяньвэнь – кандидат филологических наук (Китай, г. Хэйхэ, Хэйхэйский университет)

Чэнь Шуан – кандидат педагогических наук, профессор (Китай, г. Цзинань, Шаньдунский Женский университет)

Ши Хуншэн (Shi Hongsheng) – профессор (Китай, г. Хэфэй, Научно-исследовательский институт зарубежного страноведения и регионоведения Аньхойского университета, директор Центра по изучению России Аньхойского университета)

Ши Шаньшань – кандидат филологических наук, доцент (Китай, г. Шихэцзы, Институт иностранных языков Университета в Шихэцзы)

Ширнинова Римма Хакимовна – доктор филологических наук, профессор (Узбекистан, г. Ташкент, Национальный университет Узбекистана имени Мирзо Улугбека)

Яхьяпур Марзие – кандидат филологических наук, профессор (Иран, г. Тегеран, Тегеранский университет)

PERM STATE UNIVERSITY

EURASIAN HUMANITARIAN JOURNAL**SCIENTIFIC JOURNAL
No. 4, 2025**

Published since 2017 Frequency: since 2018, 4 issues per year. Indexed in the RSCI.

The journal contains materials covering current issues of general linguistics, translation studies, sociolinguistics, psycholinguistics, functional grammar, cognitive linguistics, discourse, Russian literature, the literature of the peoples of the Russian Federation, foreign literature, linguodidactics, and pedagogics. The materials are intended for a wide range of specialists in the field of philology and pedagogics. Articles are reviewed. Reprinting without permission of the editorial board is prohibited, links to the journal are mandatory when quoting.

EDITORIAL BOARD**Svetlana V. Shustova** – Editor-in-chief, Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Perm, Perm State University)**Anna V. Averina** – Deputy Editor-in-Chief, Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Moscow, Moscow State Linguistic University)**Svetlana V. Androsova** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Blagoveshchensk, Amur State University)**Anna A. Arustamova** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Perm, Perm State University)**Sergey V. Balakin** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Yekaterinburg, Ural State University of Railway Transport)**Nylya S. Beloborodova** – Grand Ph. D. (Education), Professor (Russia, Birk, Bashkir State University (Birk Branch))**Alexander Yu. Bratukhin** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Perm, Perm State University)**Svetlana V. Burdina** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Perm, Perm State University)**Natalia V. Gorbunova** – Grand Ph. D. (Education), Professor (Russia, Yalta, Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky)**Tatyana P. Gordienko** – Grand Ph. D. (Education), Professor (Russia, Simferopol, Crimean Industrial and Pedagogical University named after F. Yakubov)**Natalia P. Dvortsova** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Tyumen, Tyumen State University)**Irina V. Evseeva** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Krasnoyarsk, Siberian Federal University)**Sergey P. Elshanski** – Grand Ph. D. (Psychology), Professor (Russia, Moscow, Moscow Institute of Economics)**Olga N. Igna** – Grand Ph. D. (Education), Professor (Russia, Tomsk, Tomsk State Pedagogical University)**Aza D. Joselin** – Grand Ph. D. (Philosophy), Professor (Russia, Moscow, Financial University under the Government of the Russian Federation)**Kira Yu. Kashlyavik** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Moscow, Peoples' Friendship University of Russia)**Boris V. Kondakov** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Perm, Perm State University)**Julia A. Komarova** – Grand Ph. D. (Education), Professor (Russia, St. Petersburg, The Herzen State Pedagogical University of Russia)**Natalia V. Kopteva** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Perm, Perm State Humanitarian-Pedagogical University)**Victoria M. Kosteva** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Moscow, Russian State University for the Humanities)**Natalia N. Koshkarova** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Chelyabinsk, South Ural State (National Research) University)**Tatiana N. Markova** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Chelyabinsk, South Ural State Pedagogical University)**Nadezda N. Menshakova** – Ph. D. (Philology), Associate Professor (Russia, Perm, Perm State University)**Sofia V. Onina** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Khanty-Mansiysk, Yugra State University)**Natalia A. Orekhovskaya** – Grand Ph. D. (Philosophy), Professor (Russia, Moscow, Financial University under the Government of the Russian Federation)**Vyacheslav A. Pozdeev** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Syktyvkar, Federal Research Center of the Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences)**Natalia L. Potanina** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Tambov, Derzhavin State University of Tambov)**Larisa P. Prokofieva** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Saratov, Saratov State Medical University named after V. I. Razumovsky)**Boris M. Proskurnin** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Perm, Perm State University)**Elena N. Puzankova** – Grand Ph. D. (Education), Professor (Russia, Moscow, Moscow International Academy)**Irina V. Rezanovich** – Grand Ph. D. (Education), Professor (Russia, Voronezh, Voronezh State Pedagogical University)**Ilya Yu. Rogotnev** – Ph. D. (Philology), Associate Professor (Russia, Perm, Perm State University)

Natalia N. Semenenko – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Belgorod, Stary Oskol, Belgorod State National Research University)

Olga G. Sidorova – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Ekaterinburg, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin)

Oleg I. Syromyatnikov – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Perm, Perm State University)

Nelly A. Trofimova – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Saint Petersburg, National Research University Higher School of Economics)

Galina V. Faizieva – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Astrakhan, Astrakhan State University)

Olga V. Felde – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Krasnoyarsk, Siberian Federal University)

Alexander S. Fetisov – Grand Ph. D. (Education), Professor (Russia, Voronezh, Voronezh State Pedagogical University)

Liliya F. Khabibullina – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Kazan, Kazan (Volga Region) Federal University)

Alexey A. Chernobrov – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Novosibirsk, Novosibirsk State Medical University)

Dmitry A. Chugunov – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Voronezh, Voronezh State University)

Sergey L. Sharakov – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Staraya Russa, Novgorod State United Museum-Reserve, F. M. Dostoyevsky House-Museum)

Elvira V. Shachkova – Grand Ph. D. (Education), Professor (Russia, Yalta, Humanitarian and Pedagogical Academy (branch) Crimean Federal University named after Vernadsky)

Irina A. Shipova – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Moscow, Moscow Pedagogical State University)

Lyalya G. Yusupova – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Ekaterinburg, Ural State Mining University)

Nadezda P. Syutkina – Executive Secretary, Ph. D. (Philology), Associate Professor (Russia, Perm, Perm State University)

INTERNATIONAL EDITORIAL BOARD

Irina N. Ivashkevich – Grand Ph. D. (Philology), Associate Professor (Republic of Belarus, Minsk, Belarusian State University)

Mekhriniso B. Nagzibekova – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Republic of Tajikistan, Dushanbe, Tajik National University)

Natalya N. Nizhneva – Grand Ph. D. (Education), Professor (Republic of Belarus, Minsk, Belarus State University)

Gulchehra M. Hodzhimatova – Grand Ph. D. (Education), Professor (Republic of Tajikistan, Dushanbe, Tajik National University)

Gao Chunyu – Professor (China, Qiqihar, Qiqihar University)

Li Yifan – Ph. D. (Philology), (Russia, Blagoveshchensk, Amur State University)

Lola Ruzieva – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Republic of Tajikistan, Dushanbe, Tajik National University)

Zhang Jianwen – Ph. D. (Philology), (China, Heihe University)

Chen Shuang – Ph. D. in Pedagogy, Professor (China, Jinan, Shandong Women's University)

Rimma Shirinova – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Uzbekistan, Tashkent, Mirzo Ulugbek National University of Uzbekistan)

Shi Hongsheng – Professor (China, Hefei, Anhui University Institute of Foreign and Regional Studies, Director of Russian Studies Center, Anhui University)

Shi Shanshan – Ph. D. (Philology), Associate Professor (China, Shehezi, Institute of Foreign Languages of Shehezi University)

Yahyapour Marzieh – Ph. D. (Philology), Professor (Iran, Tehran University)

СОДЕРЖАНИЕ

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ.....	6
<i>И. А. Подюков, Е. Н. Свалова</i> ОТАНТРОПОНИМИЧЕСКИЕ ЗООНИМЫ В ЖИВОЙ РЕЧИ ПЕРМСКОГО КРАЯ.....	6
<i>Е. Ю. Невельсон</i> АНАЛИЗ НОМИНАТИВНОГО ПОЛЯ КОНЦЕПТА ТОЛЕРАНТНОСТЬ.....	14
ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ГРАММАТИКА	21
<i>И. В. Архипова, С. В. Шустова</i> ПОЛИКАТЕГОРИАЛЬНЫЙ СЕМАНТИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС (НА ПРИМЕРЕ КАТЕГОРИЙ ТАКСИСА И ИНСТРУМЕНТАЛЬНОСТИ).....	21
<i>Е. В. Малахова</i> МОДЕЛИРОВАНИЕ В ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ГРАММАТИКЕ: ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ.....	28
<i>И. В. Архипова</i> НЕМЕЦКИЕ КОМПОЗИТЫ КАК АКТУАЛИЗАТОРЫ ТАКСИСА.....	37
<i>Н. П. Сюткина, А. А. Афанасьева</i> КОГНИТИВНЫЙ СЦЕНАРИЙ СИТУАЦИИ КАУЗАЦИИ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ МОДИФИКАЦИИ.....	46
ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ	56
<i>Л. И. Власова, А. Д. Быкова</i> ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ГАЗЕТНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО СТИЛЯ АНГЛИЙСКОЙ РЕЧИ	56
ПСИХОЛИНГВИСТИКА	63
<i>Ю. И. Бедненко</i> КОНЦЕПТОСФЕРА «ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ» В РУССКОЯЗЫЧНОМ ДИСКУРСЕ	63
<i>Бай Линсяо</i> МОДЕЛИРОВАНИЕ АССОЦИАТИВНО-ВЕРБАЛЬНОГО ПОЛЯ КАТЕГОРИИ 幸福 (СЧАСТЬЕ) В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ	71
МИГРАЦИОННАЯ ЛИНГВИСТИКА	77
<i>Е. О. Зубарева, П. П. Чернышева</i> ОСОБЕННОСТИ ТРАНСЛЯЦИИ МИГРАЦИОННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В ЖАНРЕ ВЕРЛИБРА (НА МАТЕРИАЛЕ СТИХОТВОРЕНИЯ ДЖ. СКАРБРО «TENANTRY»).....	77
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ.....	88
<i>Л. В. Серебрякова, А. С. Лыцова</i> ТРАДИЦИИ ПРОСВЕЩЕНИЯ В ПРОЗЕ Э.-Э. ШМИТТА.....	88
<i>Е. В. Погадаева</i> ОБРАЗ АМЕРИКИ В ПОЭЗИИ УОЛТА УИТМЕНА И ПАБЛО НЕРУДЫ: ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ И ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ СХОЖДЕНИЯ И НАЦИОНАЛЬНОЕ СВОЕОБРАЗИЕ.....	99
УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ.....	107

Евразийский гуманитарный журнал. 2025. № 4. С. 6–13.
Eurasian Humanitarian Journal. 2025. No. 4. P. 6–13.

Научная статья
УДК 811.161.1'28
EDN: IRJAPI
doi:10.17072/2587-6589-2025-4-6-13

<https://elibrary.ru/irjapi>

ОТАНТРОПОНИМИЧЕСКИЕ ЗООНИМЫ В ЖИВОЙ РЕЧИ ПЕРМСКОГО КРАЯ

Иван Алексеевич Подюков¹, Екатерина Николаевна Свалова²

^{1,2} Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются языковые особенности, способы образования, функционирование бытующих в устной речи жителей Пермского края кличек животных (собак, кошек, домашнего скота). На материале современной бытовой речи (устная речь города, диалекты) представлены основные тематические группы зоонимов (кинонимы, фелинонимы, клички коров, быков, коз, овец и пр.). Анализируется создание кличек с помощью метафорического переноса «имя человека» → «кличка животного». Подобная антропоморфизация типична для живой речи и служит средством образной интерпретации природных объектов. Отмечены и другие функции антропозоонимов – контактоустанавливающая, эмотивная. Показано характерное для данных зоонимов использование одного и того же имени в качестве клички для разных видов животных. Отмечены некоторые специфические для кличек способы морфемного оформления (активность суффиксов -к, -ик, -яш). Отмечается значительное количество стилистически окрашенных прозвищ, способы их экспрессивного варьирования, что отражает повышенное эмоциональное отношение человека к животным. Показана, связанная с прозвищами-зоонимами, языковая игра. Отмечается наделение клички антропонимом-отчеством, обыгрывание внутренней формы за счет сближения имени собственного с именем нарицательным. Подробно исследуется происхождение кличек-антропонимов из таких источников, как история, фольклор, литература, кинематограф и т. д. Отмечается высокая частность заимствованных номинаций из других языков (прежде всего из английского). Делаются выводы об отражении в антропонимических зоонимах особенностей народного мировосприятия и особенностей общения человека с миром природы. Создание кличек животных предстает как творческий акт, а сами клички передают культурные пристрастия современного человека и языковой вкус эпохи.

Ключевые слова: ономастика, русские зоонимы, принципы номинации животных, локальная специфика зоонимов.

Для цитирования: Подюков И. А., Свалова Е. Н. Отантропонимические зоонимы в живой речи Пермского края // Евразийский гуманитарный журнал. 2025. № 4. С. 6–13. <https://doi.org/10.17072/2587-6589-2025-4-6-13>. EDN: IRJAPI

Финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-00314 «Ономастический портрет современного промышленного региона».

Original article

OTANTHROPONYMIC ZOONYMS IN THE LIVING SPEECH OF THE PERM REGION

Ivan A. Podyukov¹, Ekaterina N. Svalova²

^{1,2} Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm, Russia

Abstract. This article examines the linguistic characteristics, methods of formation, and functioning of animal nicknames (dogs, cats, livestock) used in the oral speech of residents of the Perm Krai. Using material from modern everyday speech (urban speech, dialects), the main thematic groups of zoonyms (cinonyms, felinonyms, nicknames for cows, bulls, goats, sheep, etc.) are presented. The creation of nicknames through the metaphorical transfer of “person's name” → “animal nickname” is analyzed. Such anthropomorphization is typical of everyday speech and serves as a means of figuratively interpreting natural objects. Other functions of anthropozoonyms are also noted, including contact-establishing and emotive ones. The use of the same name as a nickname for different animal species, which is characteristic of these zoonyms, is demonstrated. Some methods of morphemic formation specific to nicknames are noted (the activity of the suffixes -k, -ik, -yash). The significant number of stylistic nicknames and their expressive variations are noted, reflecting a heightened human emotional relationship with animals. The language play associated with zoonym nicknames is demonstrated. Specifically, the attribution of a patronymic anthroponym to a nickname is noted, as is the play on internal form by aligning a proper name with a common noun. The origins of anthroponym nicknames are explored in detail, drawing on sources such as history, folklore, literature, cinema, and others. A high frequency of borrowed nominations from other languages (primarily English) is noted. Conclusions are drawn about how anthroponymic zoonyms reflect the peculiarities of popular worldviews and the specifics of human interaction with the natural world. The creation of animal nicknames is presented as a creative act, and the nicknames themselves convey the cultural preferences of modern humans and the linguistic tastes of the era.

Keywords: Onomastics, Russian zoonyms, principles of animal nomination, local specificity of zoonyms..

For citation: Podyukov I. A., Svalova E. N. Otanthroponymic Zoonyms in the Live Speech of the Perm Region. Eurasian Humanitarian Journal. 2025;4:6-13. (In Russ.). <https://doi.org/10.17072/2587-6589-2025-4-6-13>. EDN: IRJAPI

Funding: The study was supported by grant No. 25-28-00314 from the Russian Science Foundation “Onomastic portrait of a modern industrial region”

Введение

Теоретическое осмысление проблем зоонимики – одно из актуальных направлений современной ономастики. Активно исследуется функционирование кличек животных, лингвокультурологический, лингвогеографический и социолингвистический аспекты зоонимии. Выраженный в ономастике интерес к зоонимии объясняется осознанием ее специфики, которая хорошо заметна в региональных традициях. Пермские исследования зоонимии единичны. Так, в описании зоонимов одного из уральских поселений [Боброва 2019] отмечается многообразие способов формирования современного зоонимикона, специфичность некоторых частных моделей образования местных зоонимов. Материал, исследуемый в настоящей статье, – пермские зоонимы, собранные в разных территориях Пермского края и в г. Пермь. В работе предпринимается попытка исследования одного из активных процессов образования зоонимов – создание кличек животных на базе личных имен человека.

Основная часть

Особенности семантики зоонимов

В анализе свойств зоонимов авторы исходят из того, что информационный потенциал имен собственных имеет свою специфику. Он связан с их особым значением, которое во многом условно и предполагает отсылку к ситуации, контексту употребления имени. Дейктичность значения имен собственных в определенной степени компенсируется выраженностью в имени энциклопедической информации, заданной происхождением, культурным смыслом слова, так или иначе отражающим разные уровни культуры (мифология и фольклор, история, литература и кинематограф). Имена собственные, которые считаются семантически ущербными, тем не менее наделены культурно-энциклопедическим смыслом, оформленным не в твердых значениях, а в виде семантической ауры. В этом плане, например, можно говорить о бытовых ассоциациях простого (традиционного) имени (часто

отмечается у дворовых и бездомных собак типа *Шарик, Жучка, Бобик, Тузик, Барбос*) и более «культурных» смыслах редкого имени иностранного происхождения для домашних ухоженных, породистых собак (*Джеск, Альма, Джим* [Гусева 2002: 101, 102]). Интерпретация клички животного нередко выступает как ассоциативно-психологический процесс определения ее смысла, человек зачастую следуя интуиции выбирает питомцу имя и впоследствии как бы обнаруживает логичность своего выбора.

На семантическое своеобразие зоонимов указывает наличие большого количества «широкозначных» кличек. Однозначную привязку к конкретному виду животного имеют «сугубо коровьи» клички *Майка, Зорька, Марта* (исключение в наших материалах – кличка собаки, которую щенком нашли на улице в марте); конские – *Орлик, Гнедко*; кошачьи – *Мурка, Буся*; собачьи – *Шарик, Тузик*. Известны определенные требования к выбору имени: кошке часто выбирают кличку с свистяще-шипящими звуками (*Муська, Кася, Симка*), для охотничьей собаки лучше подходит номинация с колоритом леса, севера (*Уралко, Вишера, Тайга*).

Как показывают материалы последнего времени, один и тот же зооним может относиться к животным разного вида. *Каштанкой* может быть названа собака (г. Пермь) и лошадь (с. Бым Кунгурского района; кобыла каштановой масти, то есть с коричневатым оттенком красного цвета, с блеском); *Белка* – кошка, лошадь, собака; *Роза* – свинья, корова; *Снежок* – пёс, конь; *Муха* – кличка карело-финской лайки (сокращение от паспортного имени *Черёмуха рыжий охотник* / г. Пермь), имя *Муха* также дают кобыле, корове светлой масти, часто с темным пятном. Корова, коза, овца, кошка могут носить кличку *Манька* (имя подчеркивает пол животного), кличку *Даша* нередко получают корова и коза, кличку *Лиза* – овца (в нашей коллекции это также кличка беспородной крупной собаки). *Васькой* называют быка (Васька у нас бык. Имя простое, мужицкое. Бычок сильный вырос, как раз Васька, д. Поповка Березовского района), собак и, конечно, котов; имя *Иван-Ваня* получают кот и собака.

В процессе именования животных большое значение имеет историко-культурологический контекст. И. В. Островерхая, изучая фелисонимы (собственные имена кошек) [Островерхая 2023] ссылается на А. С. Марудову и отмечает, что «имя домашнего животного является определённым культурным символом, знаком, говорящим о социальной и культурной принадлежности человека, выбравшего это имя» [цит. по Марудова 2017: 111]. В сфере современной зоонимии представлены имена самого разнообразного характера – мифологические, исторические, фольклорные, литературные и пр. Зоонимы образуются от разных групп имен собственных и в их создании задействованы разные культурные коды, от флористического и фаунического до гастрономического и компьютерного: коровы *Берёза, Настойка*, конь *Орлик*, пёс *Ликер, Шнапс*, кот *Вискарик*, собака *Флешка, Аська, Чип*.

Образование антропонимических зоонимов

Имена собственные нередко используются для создания онимов. Географический код использован во многих кличках на основе топонимов: *Германия, Гера* (собака доберман, г. Пермь / Мама моего молодого человека назвала добермана Германия, сокращенно – Гера. Тетя Юлия сказала, что собака получила такую кличку в честь страны, в которой порода была выведена, но лично я ещё не встречала клички-страны), *Женева* (собака аргентинский дог / г. Пермь), *Вегас* (от англ. и исп. Las Vegas – город на западе США, в штате Невада; известен азартными играми; хозяин любил играть в покер / д. Кузнечиха Осинского района). Эта группа представлена также кличками *Дон* (собака, восточно-европейская овчарка / г. Пермь), *Урал* (собака, лайка, г. Пермь), *Вишера* (собака, лайка, г. Пермь), *Байкал* (собака, без породы / Моим родителям предложили взять щенка, у него были очень красивые голубые глаза. Именно за его глаза родители называли его Байкал. / г. Пермь), *Парма* (кличка лайки / Кудымкарский район) и т. д. Географические клички от названия рек, гор особенно часто получают промысловые собаки.

Клички от имен (мифических, литературных, личных) один из самых многочисленных разрядов в зоонимии. По своей сути, осуществляемый кличкой перенос свойств человека на животное – отголосок древнего мышления. Со временем такой перенос стал одним из языковых приемов порождения метафор, оценивается как инструмент познания, как «реликтовый момент сознания, как то, что осталось в наследство от примитивных форм мышления» [Титова 2010: 173].

Теонимическая группа зоонимов представлена именами Зевс, Аврора, Марс, Ника: *Зевс* – кличка собаки чихуахуа / г. Пермь / Получил кличку из-за громкого лая, несмотря на очень маленький размер; *Ника* – пчелиная семья (лучшая на пасеке) / с. Уинское (родственно греческому «νίκη» (никэ) «победа», часто дают успешной пчелиной семье: У каждого пчеловода есть своя любимая семья, пчеловод называет свои улья по именам. Я вот сам свою семью называл Ника. Почему? Потому что она давала очень много в сезон мёда. Она была продуктивнее, чем другие семьи. / п. Кукуштан Пермского края; такую кличку дают и корове, кобыле (обычно вожаку в стаде); *Аврора* – корова (созвучное с *корова*, типологически совпадает с распространенной кличкой коров *Зорька*, от описательного обозначения животного светло-красной или бурой масти), *Марс* – собака, йоркширский терьер / г. Пермь, также *Марс* – кличка кота / г. Пермь / Назвали в честь планеты Марс (часто дают кошкам по окрасу – чёрно-белому, реже коричневому).

Кличка животного может происходить от имени **исторической** личности. Имя царя, правителя *Грозный* – кличка собаки / За суровый нрав в честь русского царя Ивана Грозного / Пермский край), *Цезарь* и *Гай* (клички золотистых ретриверов, проживающих в одной семье – части имени древнеримского государственного и политического деятеля, полководца / г. Пермь; примечательно, что владелицу собак зовут Юлия), кличка быка *Никита Сергеевич* в честь первого секретаря ЦК КПСС (с. Ашап Ординского р-на), кличка рыжей собаки *Чубайс* в честь советского и российского политического деятеля (г. Кудымкар), кличка племенного хряка *Юрий Гагарин* в честь летчика-космонавта, первым совершившего полёт в космос; имя человека, в честь которого названы улицы, площади, города, здесь выделяет исключительность животного (Хряк у нас Юрий Гагарин. Отовсюду везут к нему самочек / с. Нердва Карагайского р-на).

Большая группа зоонимов – это литературные и фольклорные имена, в том числе содержащие отсылку к фильмам и мультфильмам, в которых они использованы: *Буйан* (кот / г. Пермь / устаревшее мужское древнерусское имя; Это наш первый кот в семье. Назвали так в честь мифологического острова, первая земля – первый кот), *Алиса* (кошка / г. Пермь / по имени героини сказки Льюиса Кэрролла), мужское имя латинского происхождения полководца Западно-Римской империи *Бонифаций* – кличка поросёнка (г. Красновишерск) и кличка собаки породы пекинес (г. Пермь), кличка кота *Шерлок* (Кунгурский район), кличка коровы *Золушка*, кличка чёрного пуделя *Чарлик* (Кудрявый смешной, может отец в честь Чарли Чаплина назвал, не знаю / г. Красновишерск), кличка собаки *Тотошка* (персонаж сказочного цикла Лаймена Фрэнка Баума о стране Оз, а также написанных по их мотивам произведения Александра Волкова об Изумрудном городе / Пермский край), кличка рыбки-бойцовского петушка *Немо* (Посмотрев в детстве мультфильм «В поисках Немо», я сразу поняла, как хочу назвать рыбку. / г. Пермь), *Клеопатра* (собака, йоркширский терьер, которого назвали по имени любимой героини из фильма «Мумия». / г. Пермь).

Кроме того в качестве кличек домашних животных хозяева нередко выбирают заимствованные имена типа *Грей* – кличка собаки / г. Пермь, *Голди* (собака породы золотистый ретривер / г. Пермь). В этих номинациях очевидна двойная мотивация: заимствованное личное имя + именование по окрасу животного англ. grau или grey (серый), goldy (похожий на золото, золотистый). Среди заимствованных кличек можно отметить следующие: *Джексон* – кличка собаки породы доберман (Девушка очень любила актера из сериала «Сверхъестественно» и назвала в честь него собаку / г. Пермь), *Джессика* (собака

самоед / Так как ее забирали из питомника, нужно было придумать имя на определенную букву, в нашем случае это была буква «Д». Я пересмотрела все имена на букву «Д» в интернете, и именно это мне приглянулось. / г. Пермь), кличка коровы *Грета* (Пермский край – вариант имени Маргарита), кличка немецкой овчарки *Герда* (д. Кузнечиха Осинского района) – ср. кличка американского стаффордширского терьера (6 лет) *Герда Ивановна* (отчество по имени хозяина) / п. Култаево Пермского района. Последний пример также иллюстрирует двойную мотивацию: *Герда* – немецкое личное имя, которое в русском языке приобрело популярность после выхода в свет сказки Андерсена «Снежная королева».

Основная причина использования личных имен человека для именования животного мотивирована психологически – желанием общаться с прирученными животными, ощущая свое единение с природой. Антропонимы-клички составляют значительную часть русского онимикона. По подсчетам исследователей, примерно 8 % от общего количества кличек животных образовано от личных имен человека, например, в разных районах Ярославской и Вологодской областей отыменные прозвища коров составляют в целом около 7 % от всех кличек [Чайкина, Варникова 2012].

Зафиксированные в г. Перми и Пермском крае антропоморфные клички (например, *Ваня* (собака, такса / г. Пермь), *Тамара* (собака, чёрный спаниель / г. Пермь), *Вадик* (кот, мейн-кун / г. Пермь), *Светлана* (корова / с. Ашап Ординского р-на), *Гриша* (волнистый попугай / 4 года / г. Пермь) демонстрируют явное желание очеловечивая животное, как бы выделить его из природного мира и сделать существом социальным; ср. в Челябинске в одной семье три золотистых ретривера имеют антропоморфные клички – *Лара*, *Катя* и *Денис* [из личного архива авторов], которые, вероятно, дал собакам маленький ребенок. Вообще дети как авторы кличек для питомцев выбирают те имена, которые вызывают у них положительные эмоции. Однако известен запрет на выбор для животного человеческого имени, в этом случае кличка может несколько изменяться, чтобы отдалиться от своего социального назначения – например, *Тошка* (козёл / Родился козлик, дети назвали Антошкой. А я почему-то с детства помню, что человеческими именами нельзя называть животных, поэтому первую букву отбросила и назвала Тошка / г. Красновишерск); ср. *Тоша* – кличка попугая (Когда привезли попугая из зоомагазина и посадили в клетку, начали придумывать кличку, смотрели на него и думали: «какой же он худой, как тошнотик», от слова «тошнотик» и придумали кличку «Тоша» / с. Сылвенск Кунгурского района).

Следует представить тематические группы антропоморфных зоонимов и отметить в частности, универсальные (для разных животных) клички и единицы, выявленные как номинация только определенного вида животного. Так, для именования и кошек и собак мужского пола используются имена *Алексей* (*Лёша*, *Алёшка*) – *Алексей* (кот / без породы / 18 лет / г. Пермь), *Лёша* (собака, среднеазиатская овчарка / кобель / г. Пермь), *Лёша*, *Алёшка* (кот / Такой красивый, очень пушистый, лохматый / г. Пермь); *Кузьма* (*Кузя*) – *Кузя* (собака, йоркширский терьер / г. Пермь), *Кузьма* (кот / без породы: ср. развернутое объяснение выбора клички – Этого кота приютила мама, мы взяли его, когда ему уже было около года. Кот оказался очень умным, словно вовсе и не кот, а человек (д. Большая Мось Пермского района); *Семён*: *Семён* (собака, той-терьер / г. Пермь), *Семён* (кот / д. Кузнечиха Осинского района).

Универсальность имени прослеживается и в использовании других номинаций: *Павел* / *Паша* (собака, без породы / г. Пермь) и *Паша* – лось, лесной обыкновенный (Назвали Паша, потому что так звали человека, который его спас и нам предложил забрать. / г. Пермь); коза *Люська* (г. Пермь) и курица-несушка *Люся* (На завод в 90-х гг. забежала курица, мужики поймали ее и хотели сварить из нее суп, но мой папа ее выкупил и привез домой, потому что ему стало жалко бедную курицу. В доме она стала очень послушной, всегда чувствовала скорый приход папы с работы, и мама по ее реакции тоже понимала, что папа скоро придёт. / г. Пермь); *Зоя* – бенгальская кошка (У меня вот подруга детства есть, мы с ней вместе в школе учились, вместе в одном классе, и до сих пор встречаемся, хотя нам уже под

девянносто. Она никогда не живёт без кошек и собак. У ней до сих пор есть кошка бенгальская, зовут её Зоя. / г. Пермь), *Зоя* – свинья (с. Ашап Ординского р-на) и *Зойка* – корова (У неё была корова Зойка. Потому что... У неё на лбу была, знаешь, как звёздочка такая. Она была рыжая. И на лбу у неё была розочка. Ой, звёздочка. И вот называли её Зойка. / г. Пермь).

В качестве клички используется антропоним-полное имя: *Филипп* (кот, шотландская порода / 9 лет / Поначалу крошку-котёнка называли Фунтиком, но эта кличка оказалась чересчур несерьёзной для такого статного с юности кота, а потому малыша переименовали в Филиппа / г. Пермь), *Григорий* (кот / И я вот так перед отцом стою и говорю: «Пап, пап, ну как мы его назовем»? Он сидел долго, молчал, молчал и потом говорит: «Григорий, если не Григорий, больше мне никого не надо» / г. Пермь), *Степан* (собака / помесь, мелкая собачка / г. Пермь и собака / без породы, крупная / г. Пермь), *Борис* (собака / хаски / кобель / г. Пермь), *Таисия* (собака / Вот у нас собачка маленькая. На Таисию похожа, такая жопа толстая у нее. Ну такая она, видишь, какая-то неуклюженькая, полненькая, ножки коротенькие... / г. Пермь), *Аркадий* (кот / Кот шикарный был просто, он такой аристократ. Собственно, из-за этого мы называли его Аркадий. / г. Пермь), *Захар* (бык / г. Пермь), *Кира* (кошка / без породы / 8 лет / г. Пермь), *Олеся* (кошка / без породы / г. Чернушка).

Активный процесс – использование в качестве клички иностранного имени: пёс *Вальтер* (овчарка), лошадь *Флю* (*Флюша* – п. Ферма Пермского края) от женского французского имени Флёр). Обычная практика в этом случае – присвоение клички породистому животному: *Джаспер* (как и Каспар / Гаспар – из персидского «хранитель сокровищ»), *Стар*, *Беллона* (латинское женское имя, обозначающее покровительницу воинов), *Эсмеральда* (испанское женское имя – «изумруд»), *Бонни* (шотландское имя, в переводе «милый», «красивый»), *Дейзи* (персонаж мультфильма, от английского «ромашка»). Фон для этого класса кличек – современная англоязычная культура.

Варьирование отыменных зоонимов

В живой речи отмечается разнообразие средств повышения экспрессивности кличек. Зачастую в именовании животных наблюдается языковая игра, когда, к примеру, серый кот сибирской породы получает вариативные формы клички *Серёга* и одну из уменьшительно-ласкательных форм имени Сергей *Серый* – (По паспорту его звали Вениамин, но это имя не прижилось, хоть и пытались первое время так его называть. Стали звать Серёгой или Серым из-за его окраса. / г. Пермь). Примером языковой игры, вероятно, можно считать и именование животного по имени-отчеству подобно человеку: *Тимофей Алексеевич* (кот, мейн-кун / Тимофей Алексеевич, потому что мой молодой человек, его зовут Алексей / г. Пермь), патронимическая формула (*Василий Васильевич* / кот / д. Кузнечиха Осинского района), *Василий Петрович* (кот, без породы / 15 лет / Сначала звали Васей, со временем заметили, что он очень умный для кошек. Стал полноправным членом семьи, зовут уважительно, с отчеством. Отчество, наверно, наугад взяли. / г. Пермь). С удвоением имени интересен рассказ информанта – Так, ну, у меня есть кошка Семён. Изначально мы называли её Маруся. Нам почему-то показалось что это неплохое имя для кошки и поначалу мы её так и называли, но со временем мой отец начал как-то играть с именем, то есть Марусеня, Сеня, Семён, Семён Семёныч, как-то вот так вот пошло и со временем мы стали называть нашу кошку Семён, а не Маруся. (г. Пермь). В Прикамье, как и в целом в России, типичны построенные по патронимической модели клички *Тихон Иванович* (кот / без породы / 10 лет / г. Пермь). См. также о кличках по структуре имя + отчество типа кошка *Евдокия Абрамовна*, кот *Василий Павлович*, кот *Мусик Васильевич*, свинья *Оксинья Ивановна*, поросенок *Борис Иванович*, петух *Пётр Иванович* [Поротников 1972].

Примером языковой игры являются клички *Санечка* (кличка лошади, сокр. от Сан-Кристия / п. Ферма Пермского края), *Катя* (кличка лошади, сокр. от Канада / п. Ферма Пермского края), *Коля* (Кличка лошади, сокр. от Ледокол / п. Ферма Пермского края, *Тихонидзе* (кличка кота – Когда только родился тихий такой был, называли Тиша, с возрастом

отъелся, носиться стал, кружки со стола собирать и стали Тихонидзе называть. / г. Пермь). Гипористические формы среди зоонимов в отличие от антропонимов в основном теряют свою экспрессивность – кошка *Машка* (г. Пермь) и свинья *Машка* (с. Ашап Ординского р-на); собака (сука) породы ирландский сеттер *Васька* (г. Пермь), свиньи *Нинка* и *Любка* (с. Ашап Ординского р-на), *Надька* (собака, без породы / названа в честь жены / д. Трун Чернушинского района), *Файка* (кошка, без породы / г. Чернушка).

В то же время (в «разговоре» с животным) эта экспрессивность может проявляться – кличка коровы *Дунька* (А у неё коровья личико, так похожа на Дуньку...». / г. Пермь). Можно говорить об особых средствах экспрессивизации: *Жучка* – *Жукенька* (с. Карагай) с уменьшительным суффиксом, **стилистически сниженный синоним** имени Пётр – бык *Петруха* (Кунгурский район), *Дусик* (кот, без породы / г. Пермь), *Кирюша* (собака, сибаину / г. Пермь), *Ильюша* (собака, золотистый ретривер / г. Пермь), кот *Федяша* (с. Ашап Ординского р-на), *Тишенька*, *Тишунечка* (кот / г. Пермь).

Единичные в нашей коллекции клички: *Фила* (черепаха / Принадлежит Филиппу (Фил) / г. Пермь), *Варя* (собака, помесь хаски и корги / г. Пермь), *Вадик* (кот, мейнкун / г. Пермь), *Стас* (собака, без породы / крупный кобель / д. Большая Мось Пермского района), *Вова* (кот / г. Пермь).

Заключение

Зоонимы отантропонимического образования выражают значимый фрагмент ценностной картины мира. Они заключают в себе интерпретацию животного мира, приписывают животным культурно-исторические качества. Эти характеристики составляют дополнительный информативный компонент значения, носят социальный, моральный, психофизиологический смыслы. С их помощью животное оценивается как член семьи, как существо с вполне очевидными положительными или отрицательными качествами (сильный, верный, тихий, глупый, трусливый, прожорливый и пр.). Образованные от личных имен клички нередко становятся предметом языковой игры.

Использование имени человека в качестве клички животного указывает на тесную связь зоонимии с антропонимией. В современных условиях повышенного антропогенного воздействия на природу все яснее становится мысль о том, что человек не может существовать и развиваться вне природы, которая для него имеет не только хозяйственное, но и нравственное, эстетическое значение. Создание кличек животных предстает как творческий акт, а сами клички передают культурные пристрастия современного человека и языковой вкус эпохи.

Список литературы

1. Боброва М. В. Современный сельский зоонимикон в деривационном аспекте // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2021. Т. 13. Вып. 2. С. 5–13.
2. Гусева Е. Г. Традиционные и частотные клички животных в языковой картине мира современного горожанина // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2002. № 4. С. 91–104.
3. Марудова А. С. Наименования животных как объект ономастических исследований // Вестник Белорусского государственного педагогического университета. Серия 1: Педагогика. Психология. Филология. 2017. № 2 (92). С. 108–112.
4. Островерхая И. В. Фелисонимы: мотивы номинации // Преподаватель XXI век. 2023. № 3. Часть 2. С. 398–411.
5. Поротников П. Т. Из уральской зоонимии // Восточнославянская ономастика. М., 1972. С. 210–250.
6. Титова Т. А. Антропоморфизм как форма познания мира // Ученые записки Казанского государственного университета. Гуманитарные науки. 2010. Т. 152. Кн. 1. С. 172–179.
7. Чайкина Ю. И., Варникова Е. Н. Антропозоонимы // Вестник Череповецкого государственного университета. 2012. № 2. Т. 2. С. 144–147.

References

1. Bobrova M. V. Sovremennyy sel'skiy zoonimikon v derivatsionnom aspekte [Modern rural zoonymicon in the derivational aspect]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Bulletin. Russian and Foreign Philology]. 2021, vol., 13, iss., 2, pp. 5-13. (In Russ.).
2. Guseva E. G. Traditsionnyye i chastotnyye klichki zhivotnykh v yazykovoy kartine mira sovremennogo gorozhanina [Traditional and frequent animal names in the linguistic worldview of a modern city dweller]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9. Filologiya* [Bulletin of Moscow University. Series: Philology]. 2002, no. 4, pp. 91-104. (In Russ.).
3. Marudova A. S. Naimenovaniya zhivotnykh kak ob'yekt onomasticheskikh issledovaniy [Animal names as an object of onomastic research]. *Vestnik Belorusskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya 1: Pedagogika. Psikhologiya. Filologiya* [Bulletin of the Belarusian State Pedagogical University. Series 1: Pedagogy. Psychology. Philology]. 2017, no. 2 (92), pp. 108-112. (In Russ.).
4. Ostroverkhaya I. V. Felisonimy: motivy nominatsii [Felisonyms: reasons for nomination]. *Prepodavatel' XXI vek* [Teacher of the KSU century]. 2023, no. 3, part 2, pp. 398-411. (In Russ.).
5. Porotnikov P. T. Iz ural'skoy zoonimii [From Ural zoonymy]. *Vostochnoslavyanskaya onomastika* [East Slavic onomastics]. Moscow, 1972, pp. 210-250. (In Russ.).
6. Titova T. A. Antropomorfizm kak forma poznaniya mira [Anthropomorphism as a form of knowledge of the world]. *Uchenyye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnyye nauki* [Scientific Notes of Kazan State University. Humanities]. 2010, vol., 152, book 1, pp. 172-179. (In Russ.).
7. Chaykina YU. I., Varnikova E. H. Antropozoonimy [Anthropozoonyms]. *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Cherepovets State University]. 2012, no. 2, vol., 2, pp. 144-147. (In Russ.).

Сведения об авторах

- И. А. Подюков** – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего языкознания, русского и коми-пермяцкого языков и методики преподавания языков, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет;
- Е. Н. Свалова** – кандидат филологических наук, доцент, кафедра общего языкознания, русского и коми-пермяцкого языков и методики преподавания языков, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет.

Information about the authors

- I. A. Podyukov** – Grand Ph. D. (Philology), Professor, Professor of the Department of General Linguistics, Russian and Komi-Permyak Languages and Methods of Language Teaching, Perm State Humanitarian Pedagogical University;
- E. N. Svalova** – Ph. D. (Philology), Associate Professor, Department of General Linguistics, Russian and Komi-Permyak Languages and Methods of Language Teaching, Perm State Humanitarian Pedagogical University.

Статья поступила в редакцию 10.05.2025; одобрена после рецензирования 20.06.2025; принята к публикации 25.08.2025.

The article was submitted 10.05.2025; approved after reviewing 20.06.2025; accepted for publication 25.08.2025.

Евразийский гуманитарный журнал. 2025. № 4. С. 14–20.
Eurasian Humanitarian Journal. 2025. No. 4. P. 14-20.

Научная статья
УДК 811.116.1'37
EDN: CQYKFM
doi:10.17072/2587-6589-2025-4-14-20

<https://elibrary.ru/cqykfm>

АНАЛИЗ НОМИНАТИВНОГО ПОЛЯ КОНЦЕПТА ТОЛЕРАНТНОСТЬ

Елена Юрьевна Невельсон

Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия,
elena.nevelson@gmail.com

Аннотация. В предлагаемой статье приводится исследование номинативного поля концепта ТОЛЕРАНТНОСТЬ. Актуальность данного исследования обусловлена тем, что его результаты применимы для создания инструментария в целях изучения и моделирования лингвотолерантности в конфликте. В статье проводится лексикографический анализ слова *толерантность*, в результате которого были выделены основные признаки толерантности во взаимоотношениях между людьми. Синонимический ряд, раскрывающий содержание слова *толерантность* включает в себя такие понятия, как «терпение», «терпимость», «терпеливость». В определениях толерантности подчеркивается уважительное отношение к людям, отличающимся от субъекта коммуникации. Отличия могут быть религиозного, этнического, расового, мировоззренческого, культурного и иного характера. Лексикографический анализ слова *толерантность* показал, что при описании «толерантности» как личностной характеристики, прослеживаются такие ее аспекты, как уверенность в себе, выдержка и самообладание. Естественнаучное толкование слова *толерантность* также получило свое отражение в тех определениях, где речь идет о взаимоотношениях между людьми. В ходе анализа выявилось, что наряду с положительными, слово *толерантность* имеет и отрицательные коннотации: невзыскательность, нетребовательность, снисходительность, снисхождение. Толерантность в словарях наук, связанных с воспитанием, трактуется как «воздержание от причинения вреда», «исключение агрессии по отношению к другому», а также «отсутствие критики, дискриминации и преследования». Такое понимание толерантности («от противного») помогает понять, что не является толерантностью. Рассматривая «толерантность» как способ реагирования на конфликт (способ поведения в конфликте) особый акцент делается на применение мягких способов воздействия на того, чье поведение невозможно ни понять, ни принять, а также рекомендации действовать преимущественно методами разъяснения и убеждения.

Ключевые слова: лингвотолерантность, толерантность, конфликтология, уважение, концепт, лексикографический анализ.

Для цитирования: Невельсон Е. Ю. Анализ номинативного поля концепта ТОЛЕРАНТНОСТЬ // Евразийский гуманитарный журнал. 2025. № 4. С. 14–20. <https://doi.org/10.17072/2587-6589-2025-4-14-20>. EDN: CQYKFM

Original article

THE ANALYSIS OF THE NOMINATIVE FIELD OF THE CONCEPT TOLERANCE

Elena Yu. Nevelson

Perm State University, Perm, Russia, elena.nevelson@gmail.com,

Abstract. The proposed article presents a study of the nominative field of the concept TOLERANCE. The relevance of this study is conditioned by the fact that its results are applicable to the creation of the tools for studying and modeling linguistic tolerance in conflict. The article provides a linguographic analysis of the word *tolerance* which resulted in identifying the main features of tolerance in relationships between people. The synonymous set that reveals the content of the word *tolerance* includes such concepts as “patience”, “tolerance”, “forbearance”. A respectful attitude towards people who are different from the subject of communication are emphasized in the definitions of tolerance. The differences can be of a religious, ethnic, racial, ideological, cultural or other nature. A linguographic analysis of the word *tolerance* shows that when describing “tolerance” as a personal characteristic, such aspects as self-confidence, endurance, and self-control can be traced. The natural scientific interpretation of the word *tolerance* is also reflected in those definitions of tolerance that deal with relationships between people. The analysis has revealed that the word *tolerance* has both positive and negative connotations: undemandingness, indulgence, condescension. In the dictionaries of sciences related to education, tolerance is defined as “refraining from causing harm,” “exclusion of aggression towards others,” and also “absence of criticism, discrimination, and persecution.” This understanding of tolerance (“by contradiction”) gives us an awareness of what tolerance is not. When considering “tolerance” as a way of responding to conflict (a way of behaving in conflict), special emphasis is placed on the use of mild methods of influencing someone whose behavior cannot be understood or accepted, as well as recommendations to act primarily applying methods of explanation and persuasion.

Keywords: linguistic tolerance, tolerance, conflict studies, respect, concept, linguographic analysis.

For citation: Nevelson E. Yu. Analysis of the Nominative Field of the Concept Tolerance. Eurasian Humanitarian Journal. 2025;4:14-20. (In Russ.). <https://doi.org/10.17072/2587-6589-2025-4-14-20>. EDN: CQYKFM

Введение

Номинативное поле концепта представляет собой «совокупность языковых средств, объективирующих (вербализующих, репрезентирующих, овнешняющих) концепт в определенный период развития общества» [Попова, Стернин 2007: 47] и во многом определяется совокупностью стереотипов, представлений носителей языка. Необходимость исследования номинативного поля концепта ТОЛЕРАНТНОСТЬ обусловлена рядом причин. С момента активного употребления термина «толерантность» в российском обществе наблюдается динамика в его семантике.

В последнее время часто можно встретить увеличение доли негативных коннотаций, связанных с этим термином. Термин «толерантность» активно употребляется в международных и нормативных документах, связанных с практикой управления конфликтами.

В отечественной лингвистике наблюдается увеличение количества исследований, связанных с лингвотолерантностью, которую понимают как некую противоположность лингвоконфликтогенности. Вместе с тем, остается малоизученным вопрос, связанный с сущностью и содержанием лингвотолерантности в конфликте, что затрудняет решение многих вопросов, касающихся практического применения идей, ценностей и конкретных техник, способствующих профилактике, урегулированию и разрешению конфликтов. Изучение лингвотолерантности в конфликте позволяет моделировать инструментарий для этих целей, а также использовать ее как коммуникативную технологию.

Основная часть

Для построения номинативного поля концепта в когнитивной лингвистике предлагается выявить ядро и периферию номинативного поля. Ядро номинативного поля устанавливается «через синонимическое расширение ключевого слова (используются словари синонимов и фразеологические словари)» и «через анализ контекстов, в которых номинируется исследуемый концепт (художественные, публицистические тексты)» [Попова, Стернин 2007: 126]. Однако для целей нашего исследования важно не столько построение, сколько анализ фрагментов номинативного поля, существующих в сознании носителей русского языка. Поэтому анализ номинативного поля концепта ТОЛЕРАНТНОСТЬ состоит из двух этапов: лексикографический анализ слова «толерантность» и свободный ассоциативный эксперимент, проведенный в сетевой форме.

В данной статье представлены результаты лексикографического анализа слова *толерантность*. Толковый словарь Ушакова определяет «толерантность» как терпимость [Толковый словарь Ушакова Д. Н. Ушаков, 1935–1940]. Согласно Новому объяснительному словарю синонимов русского языка, терпение, терпеливость – это «способность человека, подвергающемуся воздействию неприятных факторов, которые выводят его из внутреннего равновесия, или причиняют ему физическую боль, постоянным усилием воли сохранять контроль над своим поведением» [Новый объяснительный словарь синонимов русского языка 2003: 1152].

В Словаре иностранных слов русского языка «толерантность» трактуется, как «веротерпимость, то есть допущение государством, кроме господствующей церкви, отправления веры и богослужений других исповеданий» [Словарь иностранных слов русского языка]. В словаре русских синонимов под словом *толерантность* подразумевается «либерализм, терпение, мягкость, терпимость, либеральность, невзыскательность, нетребовательность, снисходительность, снисхождение» [Словарь русских синонимов].

Очевидно, что в процессе освоения этого слова в русском языковом пространстве произошло расширение семантического поля слова «толерантность»: если изначально толерантность трактовалась преимущественно как терпимость (в том числе религиозная), то в современном понимании слово «толерантность» имеет широкий спектр значений, не являющихся синонимами. Так, невзыскательность и либерализм – это не одно и то же, равно как не являются тождественными понятия «либеральность» и «нетребовательность». Определение слова *толерантность* в философии традиционно имеет более глубокое толкование.

В Словаре философских терминов категория толерантность (от лат. *tolerantia* – терпение, терпеливость) определяется как нравственное качество, характеризующее отношение к человеку, принадлежащему к другой расе, национальности, культурной традиции, религиозной конфессии как к равно достойной личности [СФТ 2005: 590-592]. В философском энциклопедическом словаре 2010 г. слову *толерантность* дается два определения:

- 1) «терпимость к иному рода взглядам, нравам, привычкам»;
- 2) «способность организма переносить неблагоприятное влияние того или иного фактора среды» [ФЭС 2010].

Лексикографический анализ слова *толерантность* на примере ФЭС показывает, что оно имеет два разных значения в социальных и естественнонаучных дисциплинах. В том же определении ФЭС раскрывает содержание первого варианта определения, отмечая, что «толерантность необходима по отношению к особенностям различных народов, наций и религий. Она является признаком уверенности в себе и сознания надежности своих собственных позиций, признаком открытого для всех идейного течения, которое не боится сравнения с другими точками зрения и не избегает духовной конкуренции» [ФЭС 2010].

После 1995 г. в российской науке произошел всплеск интереса к исследованию толерантности как социального и психологического явления. В международных документах ООН толерантность трактуется как «...уважение, принятие и правильное понимание богатого многообразия культур нашего мира, наших форм самовыражения и способов проявлений человеческой индивидуальности...» [Декларация принципов терпимости 1995]. В Энциклопедии социологии слову *толерантность* придается три значения: 1) «терпимость к чужому образу жизни, поведению, обычаям, чувствам, мнениям, идеям, верованиям»; 2) «выносливость по отношению к неблагоприятным эмоциональным факторам»; 3) «отсутствие или ослабление реагирования на какой-либо неблагоприятный фактор в результате снижения чувствительности к его воздействию» [Энциклопедия социологии 2009].

В «Педагогическом словаре по темам» дается такое определение «толерантности»: «это признание единства и многообразия человечества, взаимозависимость всех от каждого и каждого от всех, уважение прав другого (в том числе права быть другим), а также воздержание от причинения вреда, т. к. вред, причиняемый другому, означает вред для всех

и для самого себя» [Педагогический словарь по темам]. В Словаре по биомедицинской этике под «толерантностью» понимается «терпимость к иным взглядам, мнениям, нормам поведения, общения и деятельности, отличным от тех, которых придерживается конкретный человек или общество в целом; выдержка, самообладание, способность к взаимному пониманию и согласованию разнородных интересов» [Словарь по биомедицинской этике].

В словаре по этике, изданном еще в 1989 г., когда толерантность понималась только как терпимость, указывается на то, что это «моральное качество, которое выражается в стремлении достичь взаимного понимания и согласования разнородных интересов и точек зрения без применения давления, преимущественно методами разъяснения и убеждения». [Словарь по этике 1989: 351]. В социальной работе толерантность определяется как «признание правомерности культурных, религиозных, расовых и прочих различий между индивидами, группами и социальными общностями, терпимое отношение к проявлениям непохожести во внешнем виде, поведении, ценностных ориентациях и т. д. других людей» [РЭСР 1997: 349].

В конфликтологии толерантность трактуется двояко: как фундаментальный принцип человеческого общежития, предусматривающий терпимость, снисходительность к кому-нибудь, чему-нибудь; как исключение агрессии по отношению к другому [Дмитриев 2012: 51, 52]. В глоссарии первого российского учебника по конфликтологии толерантность определяется как «отсутствие или ослабление реагирования на какой-либо конфликтотенный фактор» [Анцупов, Шипилов 1999: 537].

Согласно словарю науки [Сарыбеков, Сыдыкзанаров 2008: 388], толерантность (от латинского *tolerantia* терпение) «определяется как ценность и социальная норма гражданского общества, проявляющаяся в праве быть различными всех индивидов гражданского общества; обеспечении устойчивой гармонии между различными конфессиями, политическими, этическими и другими социальными группами; уважении к разнообразию различных мировых культур, цивилизаций и народов; готовности к пониманию и сотрудничеству с людьми, различающимися по внешности, языку, убеждениям, обычаям и верованиям». Это определение взято из Декларации принципов толерантности, утвержденной резолюцией 5.61 Генеральной конференции ЮНЕСКО от 16 ноября 1995 г.

В Большой Российской энциклопедии толерантность (от лат. *tolerantia* – терпимость), описывается А. А. Гусейновым как «неагрессивные отношения между людьми, которые придерживаются разных ценностных позиций». По мнению автора, «речь идет о таких ценностных различиях, которые не ограничиваются индивидуальными особенностями оценок и поведения в рамках одних и тех же принципов, но охватывают сами принципы, включая верования, убеждения, традиции и обычаи». Автор отмечает, что «для толерантности характерно отсутствие у субъекта корректирующего воздействия (критики, дискриминации, преследования) по отношению к взглядам и действиям, которые воспринимаются и оцениваются им сугубо негативно». В качестве вывода А. А. Гусейнов констатирует, что «толерантность является адекватным способом публичного поведения в ситуации религиозного, этнического, расового, мировоззренческого и культурного многообразия общественного организма» [БРЭ].

Лексикографический анализ слова *толерантность* показал, что для целей нашего исследования можно выделить основные признаки толерантности во взаимоотношениях между людьми.

1. Толерантность традиционно соотносят со такими понятиями, как терпение, терпимость, терпеливость. Речь идет об отношении к другим людям, нравственном принципе и личностной характеристике.

2. В определениях толерантности подчеркивается *уважительное* отношение к людям, отличающимся от субъекта коммуникации. Отличия могут быть религиозного, этнического, расового, мировоззренческого, культурного и иного характера (взгляды, нравы, привычки, поведение). Это отношение как к равному, несмотря на возможные сложности во взаимодействии.

3. Толерантность предполагает уверенность в себе. Толерантный человек – это сильный человек, сознающий «надежность своих собственных позиций» [ФЭС 2010].

4. Естественнонаучное толкование слова «толерантность» получила свое отражение и в тех определениях толерантности, где речь идет о взаимоотношениях между людьми. В этом случае под толерантностью понимается «выносливость по отношению к неблагоприятным эмоциональным факторам», или даже «отсутствие или ослабление реагирования на какой-либо неблагоприятный фактор» [Энциклопедия социологии 2009].

5. Толерантность в словарях наук, связанных с воспитанием, трактуется как «воздержание от причинения вреда» [Педагогический словарь по темам], «исключение агрессии по отношению к другому» [Дмитриев 2012: 51, 52], также «отсутствие критики, дискриминации и преследования» [БРЭ]. Такое понимание толерантности («от противного») помогает понять, что *не является* толерантностью.

6. Этический аспект слова «толерантность» традиционно описывает нравственные качества, присущие толерантному человеку: «выдержка, самообладание, способность к взаимному пониманию и согласованию разнородных интересов» [Словарь по биомедицинской этике], «воля сохранять контроль над своим поведением» [Новый объяснительный словарь синонимов русского языка 2003]

7. Наряду с положительными слово *толерантность* имеет и отрицательные коннотации: «невзыскательность, нетребовательность, снисходительность, снисхождение» [Словарь русских синонимов].

Для целей нашего исследования представляет интерес вопрос о способах реагирования на конфликтогенные факторы. Лексикографический анализ слова *толерантность* указывает на то, что при взаимодействии с людьми необходимо применять «мягкие способы воздействия на того, чье поведение невозможно ни понять, ни принять» [Дмитриев 2012: 51, 52], действуя «преимущественно методами разъяснения и убеждения» [Словарь по этике 1989:351].

Заключение

Для изучения сущности и содержания лингвотолерантности в конфликте необходимо комплексное исследование номинативного поля концепта ТОЛЕРАНТНОСТЬ, включающее лексикографический анализ слова толерантность и свободный ассоциативный эксперимент, проведенный в сетевой форме.

Лексикографический анализ слова толерантность показал, что для целей нашего исследования можно выделить основные признаки толерантности во взаимоотношениях между людьми: терпение, терпимость, терпеливость; уважительное отношение к людям, уверенность в себе; выдержка, самообладание, способность к взаимному пониманию и согласованию разнородных интересов; выносливость по отношению к неблагоприятным эмоциональным факторам; исключение агрессии по отношению к другому; невзыскательность, нетребовательность, снисходительность, снисхождение; необходимость применять мягкие способы воздействия на того, чье поведение невозможно ни понять, ни принять, действуя преимущественно методами разъяснения и убеждения.

Результаты анализа номинативного поля концепта ТОЛЕРАНТНОСТЬ позволяют создать инструментарий для изучения и моделирования лингвотолерантности в конфликте.

Список литературы

1. Большая Российская энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru/c/tolerantnost-cd2127> (дата обращения: 20.02.2025).
2. Дмитриев А. В. Конфликтология : краткий терминологический словарь. СПб. : СПбГУП, 2012. 66 с.
3. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Изд. 2 испр. и доп. / под общим руководством академика Ю. Д. Апресяна. М. : Школа «Языки славянской культуры», 2003. 1448 с.

4. Педагогический словарь по темам. URL: <https://rus-pedagog-themes-dict.slovaronline.com/233-%D1%82%D0%BE%D0%BB%D0%B5%D1%80%D0%B0%D0%BD%D1%82%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82> (дата обращения: 21.02.2025).
5. Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика : монография. М., АСТ: «Восток-Запад» 2007. 314 с.
6. Российская энциклопедия социальной работы / под ред. Панова А. М., Холостовой Е. И. Том II. М. : Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 1997. 405 с.
7. Сарыбеков М. Н., Сыдыкзанаров М. К. Словарь науки. Общенаучные термины и определения, науковедческие понятия и категории : учебное пособие. Изд. 2-е доп. и перераб. Алматы : Триумф «Т», 2008. 504 с.
8. Словарь иностранных слов русского языка. URL: https://dic.academic.ru/contents.nsf/dic_fwords/ (дата обращения: 20.02.2025).
9. Словарь по этике / под ред. А. А. Гусейнова и И. С. Кона. 6-е изд. М. : Политиздат, 1989. 447 с.
10. Словарь русских синонимов. URL: https://dic.academic.ru/contents.nsf/dic_synonims/ (дата обращения: 20.02.2025).
11. Словарь по биомедицинской этике. URL: <https://946.slovaronline.com/135-%D1%82%D0%BE%D0%BB%D0%B5%D1%80%D0%B0%D0%BD%D1%82%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C> (дата обращения: 21.02.2025).
12. Словарь философских терминов / Научная редакция профессора В. Г. Кузнецова. М. : ИНФРА-М, 2005. XVI. 731 с. (Библиотека словарей «ИНФРА-М»). XVI. 731 с.
13. Советская историческая энциклопедия. Историческая энциклопедия. М. : Советская энциклопедия. 1973–1982. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/sie/17844> (дата обращения: 27.02.2025).
14. Толковый словарь Ушакова. Д. Н. Ушаков. 1935–1940. URL: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/ushakov/> (дата обращения: 20.02.2025).
15. Философский энциклопедический словарь. 2010. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/3483 (дата обращения: 20.02.2025).
16. Энциклопедия социологии. 2009. URL: <https://sociology.niv.ru/doc/encyclopedia/socio/index.htm> (дата обращения: 21.02.2025).

References

1. Bol'shaya Rossiyskaya Entsiklopediya [The Great Russian Encyclopedia]. (In Russ.). Available at: <https://bigenc.ru/c/tolerantnost-cd2127> (accessed: 20.02.2025).
2. Dmitriyev A. V. Konfliktologiya [Conflictology]. Saint Petersburg, SPbGUP, 2012, 66 p. (In Russ.).
3. Novyy ob'yasnitel'nyy slovar' sinonimov russkogo yazyka [A new explanatory dictionary of Russian synonyms]. 2th ed., under the leadership of Academician Yu. D. Apresyan. Moscow, Shkola "Yazyki slavyanskoy kul'tury", 2003, 1448 p. (In Russ.).
4. Pedagogicheskiy slovar' po temam [Pedagogical dictionary by topic]. (In Russ.). Available at: <https://rus-pedagog-themes-dict.slovaronline.com/233-%D1%82%D0%BE%D0%BB%D0%B5%D1%80%D0%B0%D0%BD%D1%82%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82> (accessed: 21.02.2025).
5. Popova Z. D., Sternin I. A. Kognitivnaya lingvistika [Cognitive linguistics]. Moscow, AST: "Vostok-Zapad", 2007, 314 p. (In Russ.).
6. Rossiyskaya entsiklopediya sotsial'noy raboty [Russian Encyclopedia of Social Work]. Edited by Panova A., Moscow, Kholostovoy E. I., vol. II, Moscow, Izdatel'sko-torgovaya korporatsiya "Dashkov i K°", 1997, 405 p. (In Russ.).
7. Sarybekov M. N., Sydykzanarov M. K. Slovar' nauki. Obshchenauchnyye terminy i opredeleniya, naukovedcheskiye ponyatiya i kategorii [Dictionary of Science. General scientific terms and definitions, science concepts and categories.]. 2th ed., Almaty, Triumf "T", 2008, 504 p. (In Russ.).
8. Slovar' inostrannykh slov russkogo yazyka [Dictionary of foreign words in the Russian language]. (In Russ.). Available at: https://dic.academic.ru/contents.nsf/dic_fwords/ (accessed: 20.02.2025).
9. Slovar' po etike [Dictionary of Ethics]. Edited by A. A. Guseinov and I. S. Kon, 6th ed.. Moscow, Politizdat, 1989. 447 p. (In Russ.).
10. Slovar' russkikh sinonimov [Dictionary of Russian synonyms]. (In Russ.). Available at: https://dic.academic.ru/contents.nsf/dic_synonims/ (accessed: 20.02.2025).

11. Slovar' po biomeditsinskoy etike [Dictionary of Biomedical Ethics]. (In Russ.). Available at: <https://946.slovaronline.com/135-%D1%82%D0%BE%D0%BB%D0%B5%D1%80%D0%B0%D0%BD%D1%82%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C> (accessed: 21.02.2025).
12. Slovar' filosofskikh terminov [Dictionary of philosophical terms]. Scientific editorial board of Professor V. G. Kuznetsov, Moscow, INFRA-M, 2005, XVI, 731 p. (In Russ.).
13. Sovetskaya istoricheskaya entsiklopediya. Istoricheskaya entsiklopediya [Soviet Historical Encyclopedia. Historical Encyclopedia]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya, 1973-1982. (In Russ.). Available at: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/sie/17844> (accessed: 27.02.2025).
14. Tolkovyiy slovar' Ushakova. D. N. Ushakov [Ushakov's Explanatory Dictionary. D. N. Ushakov]. 1935-1940. (In Russ.). Available at: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/ushakov/> (accessed: 20.02.2025).
15. Filosofskiy entsiklopedicheskiy slovar' [Philosophical Encyclopedic Dictionary]. 2010. (In Russ.). Available at: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/3483 (accessed: 20.02.2025).
16. Entsiklopediya sotsiologii [Encyclopedia of Sociology]. 2009. (In Russ.). Available at: <https://sociology.niv.ru/doc/encyclopedia/socio/index.htm> (accessed: 21.02.2025).

Сведения об авторе

Е. Ю. Невельсон – старший преподаватель, кафедра социальной работы и конфликтологии, Пермский государственный национальный исследовательский университет.

Information about the author

E. Yu. Nevelson – Senior Lecturer, Department of Social Work and Conflictology, Perm State University.

Статья поступила в редакцию 10.04.2025; одобрена после рецензирования 20.04.2025; принята к публикации 25.06.2025.

The article was submitted 10.04.2025; approved after reviewing 20.04.2025; accepted for publication 25.06.2025.

Евразийский гуманитарный журнал. 2025. № 4. С. 21–27.
Eurasian Humanitarian Journal. 2025. No. 4. P. 21-27.

Научная статья
УДК 811.112.2'37
EDN: CGUOCS
doi:10.17072/2587-6589-2025-4-21-27

<https://elibrary.ru/cguocs>

ПОЛИКАТЕГОРИАЛЬНЫЙ СЕМАНТИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС (НА ПРИМЕРЕ КАТЕГОРИЙ ТАКСИСА И ИНСТРУМЕНТАЛЬНОСТИ)

Ирина Викторовна Архипова¹, Светлана Викторовна Шустова²

¹ Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Россия,
irarch@yandex.ru

² Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия,
lanaschust@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию таксисного поликатегориального семантического комплекса в немецком языке, в частности инструментально-таксисного и медиально-таксисного семантических субкомплексов одновременности. На материале высказываний с инструментальными предлогами, отобранных из Лейпцигского национального корпуса и Электронного словаря немецкого языка, анализируется феномен межкатегориальной инклюзии функционально-семантических категорий таксиса и инструментальности. В работе доказывается, что синкретичное объединение данных полей детерминирует актуализацию инструментально-таксисных значений в конструкциях с предложными девербативами. Выявляется полицентрическая структура функционально-семантического поля инструментальности, включающего два микрополя: предметную и непредметную инструментальность. На примере многочисленных контекстов демонстрируются прототипические элементы инструментально-таксисных конструкций – предлоги *mit*, *durch*, *unter*, *mittels*, *per*, акциональные и процессуальные девербативы, а также глаголы физического и психического воздействия. Особое внимание уделяется дифференциации трех типов инструментальных ситуаций: регулятивной, исполнительской и результативной, каждая из которых проявляет синкретизм с другими категориями – модальностью, каузальностью и кондициональностью. Данная статья вносит определенный вклад в развитие теории функциональной грамматики, предлагая системное описание механизмов актуализации таксисных значений в их взаимодействии с инструментальными и медиальными семантическими компонентами в немецком языке. Перспективы исследования связаны с развитием концепции таксисного поликатегориального семантического комплекса посредством включения дополнительных функционально-семантических категорий.

Ключевые слова: поликатегориальный семантический комплекс, таксис, инструментальность, инструментально-таксисный семантический субкомплекс, медиально-таксисный семантический субкомплекс, таксисное значение, одновременность.

Для цитирования: Архипова И. В., Шустова С. В. Поликатегориальный семантический комплекс (на примере категорий таксиса и инструментальности) // Евразийский гуманитарный журнал. 2025. № 4. С. 21–27. <https://doi.org/10.17072/2587-6589-2025-4-21-27>. EDN: CGUOCS

Original article

POLYCATEGORIAL SEMANTIC COMPLEX (USING THE CATEGORIES OF TAXIS AND INSTRUMENTALITY)

Irina V. Arkhipova¹, Svetlana V Shustova²

¹ Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia, irarch@yandex.ru

² Perm State University, Perm, Russia, lanaschust@mail.ru

Abstract. This article examines the taxis polycategorical semantic complex in German, specifically the instrumental-taxis and medial-taxis semantic subcomplexes of simultaneity. Using utterances with instrumental prepositions selected from the Leipzig National Corpus and the Electronic Dictionary of the German Language, the phenomenon of intercategory inclusion of the functional-semantic categories of taxis and instrumentality is analyzed. The paper demonstrates that the syncretic unification of these fields determines the actualization of instrumental-tactical meanings in constructions with prepositional deverbatives. A polycentric structure of the functional-semantic field of instrumentality is revealed, including two microfields: objective and non-objective instrumentality. Using numerous contexts as examples, prototypical elements of instrumental-tactical constructions are demonstrated – the prepositions mit, durch, unter, mittels, per, actional and procedural deverbatives, as well as verbs of physical and mental influence. Particular attention is paid to the differentiation of three types of instrumental situations: regulative, performative, and resultative, each of which exhibits syncretism with other categories – modality, causality, and conditionality. This article contributes to the development of functional grammar theory by offering a systematic description of the mechanisms for actualizing taxis meanings in their interaction with instrumental and medial semantic components in the German language. Prospects for research relate to the development of the concept of a taxis polycategorical semantic complex through the inclusion of additional functional-semantic categories.

Keywords: polycategorical semantic complex, taxis, instrumentality, instrumental-tactical semantic subcomplex, medial-tactical semantic subcomplex, taxis meaning, simultaneity.

For citation: Arkhipova I. V., Shustova S. V. Polycategorical Semantic Complex (Using the Categories of Taxis and Instrumentality). Eurasian Humanitarian Journal. 2025;4:21-27. (In Russ.). <https://doi.org/10.17072/2587-6589-2025-4-21-27>. EDN: CGUOCS

Введение

В работах современных исследователей термин «категориальный семантический комплекс» трактуется как «совокупность семантических категорий, функционально объединенных общей целью, общим предназначением, общей интенциональностью и актуализацией таких значений, которые возникают на пересечении двух и более категорий» [Архипова 2021, 2023, 2024, 2025; Бондарко 2011; Сюткина 2019, 2024; Шустова 2021, 2025]. Таксисный поликатегориальный семантический комплекс представляет собой систему разноуровневых языковых средств, объединенных двумя фундаментальными характеристиками: 1) общим семантическим содержанием, выражающим хронологические отношения одновременности / разновременности; 2) единой функциональной направленностью на актуализацию таксисной категориальной семантики одновременности, предшествования или следования. Формирование таксисных семантических субкомплексов происходит в результате межкатегориального взаимодействия категории таксиса с другими функционально-семантическими категориями и субкатегориями, включая темпоральность, аспектуальность, итеративность, квантитативность, каузальность, concessiveness, консекутивность и инструментальность.

Основная часть

В рамках настоящего исследования рассматривается таксисный поликатегориальный семантический комплекс, характеризующийся интегративным типом взаимодействия категории таксиса с другими функционально-семантическими категориями. Таксис образует диффузные сегменты пересечения и объединения с темпоральностью, аспектуальностью, итеративностью, квантитативностью и каузальностью, формируя темпорально-таксисные, аспектуально-таксисные, итеративно-таксисные, квантитативно-таксисные и каузально-таксисные семантические комплексы [Архипова 2021: 24]. В данной связи целесообразно выделять две разновидности поликатегориальных семантических комплексов: (1) «близкие»

комплексы, включающие таксис – темпоральность, таксис – аспектуальность, таксис – итеративность, таксис – временная локализованность; (2) комплексы, образованные «неблизкими» категориями: таксис – квантитативность, таксис – каузальность, таксис – инструментальность, таксис – концессивность, таксис – кондициональность, таксис – финальность, таксис – консекутивность [там же: 25].

Выдающийся отечественный лингвист А. В. Бондарко рассматривает группировку функционально-семантических полей аспектуальности, темпоральности, временной локализованности, таксиса и временного порядка как аспектуально-темпоральный комплекс [Бондарко 2011: 96]. В предлагаемой концепции прослеживается многомерность отношений дифференциации и интеграции различных аспектов языковой репрезентации темпоральной идеи. Каждая из функционально-семантических категорий в процессе функционирования своих элементов оказывается связанной, по крайней мере, с частью других категорий в составе данного аспектуально-темпорального единства [там же].

Следуя концепции А. В. Бондарко, мы выделяем темпорально-аспектуально-таксисный поликатегориальный семантический комплекс (в дальнейшем – таксисный поликатегориальный семантический комплекс). В рамках данного комплекса предлагается дифференциация одиннадцати поликатегориальных семантических субкомплексов, актуализирующих различные таксисные категориальные значения одновременности и разновременности: (1) темпорально-таксисный; (2) итеративно-таксисный; (3) фазово-таксисный; (4) квантитативно-таксисный; (5) модально-таксисный; (6) инструментально-таксисный / медиально-таксисный; (7) кондиционально-таксисный; (8) каузально-таксисный; (9) концессивно-таксисный; (10) консекутивно-таксисный; (11) финально-таксисный.

В данной статье на материале немецкого языка подробно рассматриваются инструментально-таксисный и медиально-таксисный семантические субкомплексы одновременности. Материалом исследования явились немецкие высказывания с инструментальными предлогами, полученные методом направленной выборки из электронной базы Лейпцигского национального корпуса (LC) и Электронного словаря немецкого языка (DWDS).

Функционально-семантические категории таксиса и инструментальности находятся в отношениях межкатегориальной взаимосвязи при репрезентации инструментально-таксисной категориальной ситуации одновременности. Синкретичное объединение данных полей позволяет определить их взаимодействие как модель межкатегориальной инклюзии. Данный синкретизм детерминирует актуализацию инструментально-таксисных значений в высказываниях с предложными девербативами при участии предлогов инструментальной семантики. Функционально-семантическое поле инструментальности характеризуется полицентрической структурой и включает два микрополя: «средство – предмет – орудие» и «средство – непредмет – способ» [Ямшанова 1991: 146]. Предметная инструментальность репрезентирует материальные объекты, тогда как непредметная – процессуальные действия-способы.

1) *Er bearbeitet dieses harte, spröde Material **durch Schneiden, Sägen und Schleifen**, und er legt es zum Schmelzen in den Ofen (LC).* (Он обрабатывает этот твердый, хрупкий материал **посредством резки, пиления и шлифовки** и помещает его в печь для плавления) (здесь и далее – перевод авторов).

2) *Die Hölzer werden auf der Ziehbank eingespannt und erhalten **durch Schneiden mit dem Schneidmesser** ihre Form (DWDS).* (Древесина закрепляется на протяжном станке и приобретает форму **посредством резки резак**ом).

Прототипическими элементами инструментально-таксисных конструкций выступают предлоги *mit, durch, unter, mittels, per*, акциональные и процессуальные девербативы, а также глаголы физического и психического воздействия.

3) *Mit dem Heben und Senken der Tragflächen* wurde der verbleibende Treibstoff in die Leitungen gelenkt, um weiterfliegen zu können (LC). (*Посредством подъема и опускания крыльев* оставшееся топливо направлялось в трубопроводы, чтобы можно было продолжить полет).

4) *Durch das Drehen des Handgelenks* erzeugt Boll, der den Ball sehr früh trifft, eine starke Rotation und Beschleunigung (LC). (*Посредством поворота запястья* Болл, который очень рано касается мяча, создает сильное вращение и ускорение).

Глаголы целенаправленного действия включают пять типов: психического воздействия, речевого воздействия, неречевого воздействия, физического воздействия и социальной поведенческой активности [Ямшанова 1991: 86-89]. Инструментальная ситуация реализуется в трех вариантах: регулятивном («цель – средство»), исполнительском («целенаправленное действие – средство его осуществления») и результативном («средство – результат») [там же].

При актуализации исполнительской ситуации наблюдается синкретизм инструментального и модального значений.

5) *Diese hatten sich zuvor durch das gewaltsame Öffnen eines Fensters* Zugang in das Haus verschafft (LC). (Они ранее проникли в дом *посредством насильственного открытия окна*).

6) *Bühnenbild oder Handlungsabläufe* lassen sich auf diese Weise einfach und intuitiv *durch Verschieben der entsprechenden Stellvertreter* verändern (DWDS). (Декорации или последовательности действий могут быть легко и интуитивно изменены таким образом *посредством перемещения соответствующих заместителей*).

7) *Durch das Klopfen auf bestimmte Meridian-Punkte* werden Blockaden und negative Gefühle psychologisch «umgekehrt» (LC). (*Посредством постукивания по определенным меридианным точкам* психологически «устраняются» блокировки и негативные чувства).

Результативная ситуация демонстрирует связь с каузальностью.

8) *Es erhält aber Glanz und Schwung durch regelmässiges Schneiden und durch die Anwendung von speziellen Pflegeprodukten wie Haarkuren* (LC). (Оно приобретает блеск и упругость *посредством регулярной стрижки и применения специальных средств ухода, таких как кондиционеры для волос*).

Регулятивная ситуация проявляет синкретизм с кондициональностью.

9) *Sie ermöglichen zum Beispiel eine kontrollierte natürliche Lüftung durch das automatisierte Öffnen und Schließen der Fenster bei Bedarf* (LC). (Они обеспечивают, например, контролируемую естественную вентиляцию *посредством автоматического открывания и закрывания окон при необходимости*).

10) *Der Einstieg in die dritte Sitzreihe* wird *durch Ziehen eines Hebels* ermöglicht, der die zweite Sitzreihe nach vorn gleiten lässt (LC). (Доступ к третьему ряду сидений обеспечивается *посредством потягивания рычага, который позволяет второму ряду сидений сдвигаться вперед*).

Медиаально-таксисные категориальные ситуации одновременности в данной работе рассматриваются как разновидность инструментально-таксисных.

(11) *Er blieb lange da und erwiderte später den fragenden Blick des Wirtes mit Achselzucken* (LC). (Он долго оставался там и позже ответил на вопросительный взгляд хозяина *пожиманием плеч*).

(12) *Auf das Urteil reagieren die Angeklagten mit Schulterzucken* (LC). (На приговор обвиняемые реагируют *пожиманием плеч*).

(13) *Das Treiben der deutschen Presse quittieren sie mehrheitlich mit Kopfschütteln* (DWDS). (Деятельность немецкой прессы они в большинстве своем встречают *покачиванием головы*).

Прототипические элементы медиаально-таксисных категориальных ситуаций включают девербативы-соматизмы, каузативные глаголы и глаголы коммуникации.

(14) *Die Klicks erfolgen durch ein leichtes Heben der Augenbraue (LC).* (Щелчки происходят **посредством** легкого поднятия брови).

(15) *Die Arbeitnehmervertreter bekundeten mit einem Nicken ihr Einverständnis* (Представители работников выразили кивком свое согласие).

(16) *Aber Werkleiter Martens erklärt mit leichtem Achselzucken (LC).* (Но директор завода Мартенс объясняет с легким пожиманием плеч).

В высказываниях с предлогами *mittels, per* актуализируются инструментально-таксисные категориальные ситуации одновременности.

(17) *In der Zwischenzeit wurde das Problem mittels Selbstbedienung elegant gelöst (LC).* (Тем временем проблема была элегантно решена **посредством** самообслуживания).

(18) *Das System sorgt für die biologische Sanierung mittels Belüftung (LC).* (Система обеспечивает биологическую санацию **посредством** вентиляции).

(19) *Das Ziel der neu formierten Gruppierungen ist laut Studie der finanzielle Gewinn mittels Gewaltanwendung (LC).* (Целью вновь сформированных группировок, согласно исследованию, является финансовое обогащение **посредством** применения насилия).

Заключение

В исследовании установлено, что таксисный поликатегориальный семантический комплекс в немецком языке представляет собой системное образование, характеризующееся интегративным взаимодействием функционально-семантических категорий. Межкатегориальная инклюзия таксиса и инструментальности детерминирует актуализацию комплексных значений в высказываниях с предложными девербативами. Кроме того, выявлена полицентрическая структура функционально-семантического поля инструментальности, включающая два основных микрополя: предметную инструментальность, репрезентирующую материальные объекты, и непредметную инструментальность, выражающую процессуальные действия-способы. Так же определен состав прототипических элементов инструментально-таксисных конструкций, включающий предлоги *mit, durch, unter, mittels, per*, акциональные и процессуальные девербативы, а также глаголы физического и психического воздействия.

В работе доказана дифференциация трех типов инструментальных ситуаций – регулятивной, исполнительской и результативной, каждая из которых демонстрирует синкретизм с другими функционально-семантическими категориями: модальностью, каузальностью и кондициональностью. Медиально-таксисные категориальные ситуации представляют собой специализированную разновидность инструментально-таксисных конструкций, характеризующуюся использованием девербативов-соматизмов и девербативов-кинем в сочетании с каузативными глаголами и глаголами коммуникации.

Теоретическая значимость исследования заключается в развитии концептуального аппарата функциональной грамматики и уточнении механизмов межкатегориального взаимодействия. Практическая ценность работы состоит в возможности применения полученных результатов в практике преподавания теоретической и функциональной грамматики немецкого языка.

Перспективы исследования связаны с развитием концепции таксисного поликатегориального семантического комплекса за счет включения дополнительных функционально-семантических категорий. Существенный теоретико-практический потенциал представляет корпусное расширение исследования на материале немецкого и других германских языков. Сопоставительный аспект предполагает проведение контрастивных исследований с другими германскими и славянскими языками. Диахронический анализ позволит проследить эволюцию инструментально-таксисных конструкций в немецком языке в разные периоды его развития. Реализация указанных перспектив будет способствовать развитию теории таксиса и углублению понимания механизмов межкатегориального взаимодействия в функциональной грамматике.

Список литературы

1. Архипова И. В. Таксисные семантические синкрет-комплексы // Межкатегориальное взаимодействие в функциональной грамматике : монография / научн. ред. Н. А. Трофимова. Пермь : Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2021. С. 3–185.
2. Архипова И. В. Таксисные семантические комплексы в их вариативности // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2023. № 3 (40). С. 69–74.
3. Архипова И. В. Таксисные конструкции с предложными девербативами: межкатегориальные связи и взаимодействия // Сибирский филологический форум. 2024. № 1 (26). С. 4–12.
4. Архипова И. В. Категория таксиса как семантический фокус межкатегориального взаимодействия // Вестник Удмуртского университета. серия: История и филология. 2025. Т. 35. № 2. С. 447–451.
5. Бондарко А. В. Категоризация в системе грамматики. М. : Языки славянских культур, 2011. 488 с.
6. Сюткина Н. П., Шустова С. В. Эмотивно-интенсивно каузативный категориальный семантический субкомплекс // Евразийский гуманитарный журнал. 2019. № 2. С. 106–111.
7. Сюткина Н. П. К вопросу об эмотивно-интенсивно-каузативном категориальном семантическом комплексе // Евразийский филологический вестник. 2024. № 1 (5). С. 49–60.
8. Шустова С. В. Категоризация в сфере функциональной грамматики // Межкатегориальное взаимодействие в функциональной грамматике : монография / научн. ред. Н. А. Трофимова. Пермь : Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2021. С. 186–249.
9. Шустова С. В. Категориальный семантический комплекс в грамматике (на примере категорий эмотивности и каузативности) // Мир русского слова. 2025. № 3. С. 4–13.
10. Ямшанова В. А. Категория инструментальности в немецком языке. Л. : Ленинградский финансово-экономический институт, 1991. 159 с.

Источники иллюстративного материала

1. LC – Лаборатория корпусной лингвистики Лейпцигского университета. URL: <http://www.wortschatz.uni-leipzig.de> (дата обращения: 07. 05. 2025).
2. DWDS – Электронный словарь немецкого языка. URL: <http://www.dwds.de> (дата обращения: 07.11. 2025).

References

1. Arkhipova I. V. Taksisnyye semanticheskiye sinkret-kompleksy [Taxic semantic syncretic complexes]. *Mezhkategorial'noye vzaimodeystviye v funktsional'noy grammatike* [Intercategorical interaction in functional grammar]. Scientific ed. N. A. Trofimova, Perm, Permskiy gosudarstvennyy natsional'nyy issledovatel'skiy univetsitet, 2021, pp. 3-185. (In Russ.).
2. Arkhipova I. V. Taksisnyye semanticheskiye komplekсы v ikh variativnosti [Taxic semantic complexes in their variability]. *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnyye issledovaniya* [Bulletin of Omsk State Pedagogical University. Humanitarian Research]. 2023, no. 3 (40), pp. 69-74. (In Russ.).
3. Arkhipova I. V. Taksisnyye konstruktii s predlozhnymi deverbativami: mezhkategorial'nyye svyazi i vzaimodeystviya [Taxic constructions with prepositional deverbatives: intercategorical connections and interactions]. *Sibirskiy filologicheskii forum* [Siberian Philological Forum]. 2024, no. 1 (26), pp. 4-12. (In Russ.).
4. Arkhipova I. V. Kategoriya taksisa kak semanticheskiy fokus mezhkategorial'nogo vzaimodeystviya [The category of taxis as a semantic focus of intercategorical interaction]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. seriya: Istoriya i filologiya* [Bulletin of Udmurt University. series: History and Philology]. 2025, vol., 35, no. 2, pp. 447-451. (In Russ.).
5. Bondarko A. V. Kategorizatsiya v sisteme grammatiki [Categorization in the grammar system]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2011, 488 p. (In Russ.).
6. Syutkina N. P., Shustova S. V. Emotivno-intensivno kauzativnyy kategorial'nyy semanticheskiy subkompleks [Emotive-intensive causative categorical semantic subcomplex]. *Yevraziyskiy humanitarnyy zhurnal* [Eurasian Humanitarian Journal]. 2019, no. 2, pp. 106-111. (In Russ.).

7. Syutkina N. P. K voprosu ob emotivno-intensivno-kauzativnom kategorial'nom semanticheskom komplekse [On the issue of the emotive-intensive-causative categorial semantic complex]. *Yevraziyskiy filologicheskiy vestnik* [Eurasian Philological Bulletin]. 2024, no. 1 (5), pp. 49-60. (In Russ.).

8. Shustova S. V. Kategorizatsiya v sfere funktsional'noy grammatiki [Categorization in the field of functional grammar]. *Mezhkategorial'noye vzaimodeystviye v funktsional'noy grammatike* [Intercategorial interaction in functional grammar]. Scientific ed. N. A. Trofimova. Perm, Permskiy gosudarstvennyy natsional'nyy issledovatel'skiy universitet, 2021, pp. 186-249. (In Russ.).

9. Shustova S. V. Kategorial'nyy semanticheskiy kompleks v grammatike (na primere kategoriy emotivnosti i kauzativnosti) [Categorial semantic complex in grammar (using the categories of emotiveness and causativeness as an example)]. *Mir russkogo slova* [The world of the Russian word]. 2025, no. 3, pp. 4-13. (In Russ.).

10. Yamshanova V. A. Kategoriya instrumental'nosti v nemetskom yazyke [The category of instrumentality in German]. Leningrad, Leningradskiy finansovo-ekonomicheskii institut, 1991, 159 p. (In Russ.).

Sources of illustrative material

1. LC - Laboratoriya korpusnoy lingvistiki Leyptsigskogo universiteta [LC - Laboratory of Corpus Linguistics, University of Leipzig]. (In Russ.). Available at: <http://www.wortschatz.uni-leipzig.de> (accessed: 07.05.2025).

2. DWDS - Elektronnyy slovar' nemetskogo yazyka [DWDS - Electronic Dictionary of the German Language]. (In Russ.). Available at: <http://www.dwds.de> (accessed: 07.11.2025).

Информация об авторах

И. В. Архипова – доктор филологических наук, профессор, кафедра романо-германских языков, Новосибирский государственный педагогический университет;

С. В. Шустова – доктор филологических наук, профессор, кафедра лингвистики и перевода, Пермский государственный национальный исследовательский университет.

Information about the authors

I. V. Arkhipova – Grand Ph. D. (Philology), Professor, Department of Romance and Germanic Languages, Novosibirsk State Pedagogical University;

S. V. Shustova – Grand Ph. D. (Philology), Professor, Department of Linguistics and Translation, Perm State University.

Статья поступила в редакцию 10.06.2025; одобрена после рецензирования 20.06.2025; принята к публикации 25.07.2025.

The article was submitted 10.06.2025; approved after reviewing 20.06.2025; accepted for publication 25.07.2025.

Евразийский гуманитарный журнал. 2025. № 4. С. 28–36.
Eurasian Humanitarian Journal. 2025. No. 4. P. 28-36.

Научная статья

УДК 81'36

EDN: ACTZZP

doi:10.17072/2587-6589-2025-4-28-36

<https://elibrary.ru/actzzp>

МОДЕЛИРОВАНИЕ В ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ГРАММАТИКЕ: ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ

Елизавета Вадимовна Малахова

Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия,
lisaveet@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию моделирования в рамках функциональной грамматики (Санкт-Петербургская (Ленинградская) школа функциональной грамматики). Центральное внимание уделяется анализу и систематизации ключевых моделирующих конструктов – функционально-семантического поля (ФСП) и категориальной ситуации (КС), которые рассматриваются как фундаментальные единицы функционального описания языка. Теоретической основой исследования послужили фундаментальные труды А. В. Бондарко и его последователей, заложившие принципы функционально-семантического подхода. В работе детально анализируется, как ФСП, объединяя разноуровневые средства языка (морфологические, синтаксические, лексические, словообразовательные) вокруг доминирующей семантической категории, создает основу для моделирования целостных смыслов. Категориальная ситуация при этом рассматривается как конкретная реализация поля в речи, актуализирующая его ядерные и периферийные элементы в конкретном высказывании. Демонстрируется, как взаимодействие этих двух категорий позволяет разработать механизм актуализации определенной семантики (например, темпоральности, модальности, локативности) в единстве системы (языка) и ее функционирования (речи). Результатом исследования является целостное и систематизированное представление о ФСП и КС как об основном инструменте функционального моделирования языка, раскрывающем системные связи между грамматикой, лексикой и семантикой.

Ключевые слова: функциональная грамматика, лингвистическое моделирование, функционально-семантическое поле, категориальная ситуация, семантика, ядро, периферия.

Для цитирования: Малахова Е. В. Моделирование в функциональной грамматике: основные подходы // Евразийский гуманитарный журнал. 2025. № 4. С. 28–36. <https://doi.org/10.17072/2587-6589-2025-4-28-36>. EDN: ACTZZP

Original article

MODELING IN FUNCTIONAL GRAMMAR: KEY APPROACHES

Elizaveta V. Malakhova

Perm State University, Perm, Russia, lisaveet@mail.ru

Abstract. This article investigates the modeling framework within functional grammar, based on the theory of the Saint-Petersburg (Leningrad) linguistic school. It focuses on the analysis and systematization of key modeling constructs – the functional-semantic field (FSF) and the categorical situation (CS), which are regarded as fundamental units of the functional description of language. The theoretical foundation of the research is built upon the seminal works of A. V. Bondarko and his followers, who established the principles of the functional-semantic approach. The study provides a detailed analysis of how the FSF, by integrating

language means from different levels (morphological, syntactic, lexical, and derivational) around a dominant semantic category, creates a basis for modeling holistic meanings. The categorical situation is examined as a specific realization of a field in speech, actualizing its core and peripheral elements within a particular utterance. The article demonstrates how the interaction of these two categories models the mechanism of expressing specific semantics (e.g., temporality, modality, locality) in the unity of the system (language) and its function (speech). The outcome of the research is a comprehensive and systematic view of the FSF and CS as the primary instruments for the functional modeling of language, revealing the systemic connections between grammar, lexicon, and semantics.

Keywords: functional grammar, linguistic modeling, functional-semantic field, categorical situation, semantics, core, periphery.

For citation: Malakhova E. V. Modeling in Functional Grammar: Key Approaches. Eurasian Humanitarian Journal. 2025;4:28-36. (In Russ.). <https://doi.org/10.17072/2587-6589-2025-4-28-36>. EDN: ACTZZP

Введение

Санкт-Петербургская школа функциональной грамматики, основанная на теории функционально-семантических полей и категориальных ситуаций, была создана в 1970-е гг. под руководством Александра Владимировича Бондарко (1930–2016). Формирование этого направления опиралось на его глубокие изыскания в области русской и славянской аспектологии. Определение функциональной грамматики, предложенное А. В. Бондарко, задает принципиальную методологическую основу для всего направления: «Функциональная грамматика трактуется нами как грамматика, нацеленная на изучение и описание функций единиц строя языка и закономерностей функционирования этих единиц во взаимодействии с разноуровневыми элементами окружающей среды; грамматика данного типа рассматривает в единой системе средства, относящиеся к разным языковым уровням, но объединенные на основе общности их семантических функций; при описании языкового материала используется подход «от семантики к ее формальному выражению» («от функций к средствам») как основной, определяющий построение грамматики, в сочетании с подходом «от формы к семантике» («от средств к функциям»)» [Бондарко 1987: 6].

Цель функциональной грамматики (далее ФГ) – исследование функций языковых единиц (от грамматических форм и синтаксических конструкций до лексики) и закономерностей их взаимодействия в коммуникативном пространстве: «По своему существу эта грамматика является категориальной: она направлена на описание системы семантических категорий в их языковом выражении. Вместе с тем, в этой грамматике представлены и коммуникативно-речевые аспекты, тесно связанные с ее системно-языковой доминантой» [Бондарко 2002: 15].

Особого внимания заслуживает провозглашаемый ФГ подход от семантики к ее формальному выражению, как определяющий принцип построения грамматической системы. Исследовательский процесс в ФГ предполагает первоначальное конструирование концептуальной модели определенного смысла (например, модальности, темпоральности, каузальности), с последующим выявлением всего спектра формальных средств, способных реализовать эту модель в языке. Данная модель была концептуально противопоставлена формальному подходу «уровневой» грамматики, тем самым обозначив новый вектор в грамматической теории: «Целесообразность такого подхода была продиктована тем, что именно от семантики отталкивается говорящий, выбирая подходящее оформление своей мысли» [Воейкова, Казаковская 2019: 87].

М. Д. Воейкова выделяет три основных отличительных признака функциональной грамматики: «Первым является направление анализа от семантики к средствам ее выражения. Грамматика функционально-семантических полей и категориальных ситуаций ориентируется на моделирование речевой деятельности говорящего, который выбирает адекватные выражения из целого набора возможных. Вторым признаком функционального направления – учет широкого контекста и ситуации общения, то есть исследование языка в

его реальном употреблении, опираясь на зафиксированные образцы речи, связанные определенными семантическими отношениями, а не изолированные предложения. Третья особенность функциональных грамматик заключается в том, что они рассматривают язык как орудие формирования мысли, а не просто исследуют соответствия между семантикой и языковыми средствами его выражения» [Воейкова 2015: 6–7].

Основная часть

Основу понятийной системы функциональной грамматики составляют функция (потенциальная и результирующая), функционально-семантическое поле (ФСП), категориальная ситуация (КС) и интерпретационный компонент (ИК).

Понятие ФСП. Исследования в области аспектологии, в особенности работы Ю. С. Маслова, обосновали принципиальную важность привлечения лексики к грамматическому анализу. Данный подход включал как систематизацию глаголов по лексико-грамматическим классам и способам действия, так и изучение их лексической «среды», что позволяло дать более полное описание грамматических явлений. Именно эта необходимость объединения лексики, грамматики и словообразования в единой системе предопределила появление термина «функционально-семантическое поле» (ФСП). Данное понятие трактуется как «комплекс разноуровневых средств данного языка (морфологических, синтаксических, лексико-грамматических, лексических), взаимодействующих на основе общности их семантических функций» [Бондарко 2017: 32]. Понятие ФСП унаследовало метафорическую идею «поля» от В. Г. Адмони, а его ключевые компоненты – «центр» и «периферия» – были разработаны на основе концепции Пражского лингвистического кружка.

А. В. Бондарко предлагает следующее определение: «ФСП – это базирующаяся на определенной семантической категории группировка грамматических и «строевых» лексических единиц, а также различных комбинированных (лексико-синтаксических и т. п.) средств данного языка, взаимодействующих на основе общности их семантических функций. Каждое поле включает систему типов, разновидностей и вариантов определенной семантической категории, соотношенную с разнообразными формальными средствами их выражения. ФСП – единства билатеральные, они имеют не только план содержания, но и план выражения» [Бондарко 1987: 11]. ФСП представляет собой структурную модель, которая организует разноуровневые языковые средства в иерархическую систему с четкими центрально-периферийными отношениями. Эта модель обладает ярко выраженной интегративной сущностью, целенаправленно объединяя грамматические, лексические и синтаксические средства для отражения реальных механизмов функционирования языка.

Специфика функционально-грамматического исследования, основанного на понятии ФСП, заключается в том, что это понятие отражает языковое функционально-семантическое единство: «Компоненты ФСП – это языковые категории, классы и единства с их языковыми значениями, связанными с конкретными средствами формального выражения в данном языке. Связи между компонентами – это также конкретные языковые явления» [Актуальные проблемы современной лингвистики 2009: 72]. Их ключевые характеристики требуют отдельного рассмотрения.

Важнейшей характеристикой ФСП является его билатеральная природа, что делает его инструментом, эксплицитно связывающим план содержания с планом выражения: «ФСП представляет собой двустороннее (содержательно-формальное единство), охватывающее конкретные средства данного языка со всеми особенностями их формы и содержания. Вместе с тем в основе каждого ФСП лежит определенная семантическая категория, представляющая собой тот семантический инвариант, который объединяет разнородные языковые средства и обуславливает их взаимодействие. Каждый семантический вариант в рамках данного ФСП связан с определенными средствами формального выражения» [Актуальные проблемы современной лингвистики 2009: 71–72]. Такое устройство позволяет полевой модели адекватно реализовать основной подход функциональной грамматики –

движение от семантики к форме. При этом ФСП оказывается способным моделировать не только парадигматические отношения в языке, но и синтагматические аспекты, описывая потенциал взаимодействия языковых единиц в речевой цепи.

Структура и типы ФСП. Полевой принцип построения предполагает наличие особой структуры: ядра (центра) и периферии. К центральным элементам поля относятся те, которые обладают свойствами концентрации признаков. Движение к периферии обусловлено ослаблением названных свойств.

Согласно классификации А. В. Бондарко, функционально-семантические поля (ФСП) подразделяются на два основных структурных типа: моноцентрические и полицентрические.

Моноцентрические поля характеризуются наличием единого, четко выраженного центра, которым, как правило, выступает соответствующая грамматическая категория. К этому типу относятся: ФСП темпоральности (ядро – грамматическая категория времени); ФСП персональности (ядро – категория лица, представленная личными формами глагола и местоимениями, которые объединены общей семантикой, но различаются способом выражения); ФСП императивности (ядро – повелительное наклонение); ФСП компаративности (ядро – категория степеней сравнения) [Бондарко 1984: 61–62].

Полицентрические поля, напротив, базируются на нескольких центрах, объединяющих разнородные языковые средства. В их структуре выделяются отдельные семантические зоны (микрополя). Примерами служат: ФСП стательности (состояния), включающее микрополя результативного состояния (например, конструкции с краткими страдательными причастиями: *Дверь открыта*) и нерезультативного состояния (со словами категории состояния в ядре: *Мне грустно*); ФСП посессивности (принадлежности), состоящее из атрибутивной зоны (притяжательные местоимения и прилагательные: *папина машина*) и предикативной зоны (конструкции типа: *У меня есть книга*) [там же].

Среди полицентрических полей выделяются два подтипа: поля компактной структуры с четко очерченными центрами (например, поле количественности с центрами – категорией числа и числительными). Поля диффузной (рассеянной) структуры, где границы между центром и периферией размыты.

Классический пример – ФСП определенности / неопределенности в русском языке, которое не имеет грамматикализованного ядра (в отличие от артиклей в английском) и выражается совокупностью разноуровневых средств: местоимениями (*некий, этот*), частицами (*-то, -нибудь*), порядком слов (*Человек вошел* или *Вошел человек*), лексикой (*определенный, случайный*).

Группировки ФСП. В рамках функциональной грамматики ФСП группируются в соответствии с основными типами грамматической категоризации: поля с предикативным ядром – охватывают аспектуальность, темпоральность, модальность, а также связь предикативности с субъектностью и объектностью (залоговость, персональность). Поля с субъектно-объектным ядром – включают субъектность, объектность, определенность / неопределенность. Поля с качественно-количественным ядром – объединяют качественность, количественность, компаративность, посессивность. Поля с обстоятельственным ядром – локативность и комплекс полей обусловленности (причины, цели, условия, уступки) [Бондарко 2017: 34].

Функция и поле на примере каузативности. Понятие функции в языке раскрывается через два взаимосвязанных аспекта: потенциальный и результативный. Потенциальная функция – это присущая способность языковой единицы выполнять определённое назначение, заложенное в системе языка. Результативная функция – это конкретная реализация этой способности в речи, возникающая при взаимодействии единицы с контекстом [Бондарко 2002: 339–341].

Например, форма глагола «иду» потенциально способна выражать действие, совпадающее с моментом речи. Однако в высказывании *Иду я вчера по улице* эта же форма в сочетании с обстоятельством времени «вчера» реализует результативную функцию

настоящего исторического, представляя прошлое действие как непосредственно разворачивающееся. Таким образом, потенциальная функция отражает системный потенциал единицы, а результативная – её конкретное речевое воплощение. Совокупность потенциальных функций языкового элемента составляет его функциональный потенциал, который определяет возможные варианты его поведения в речи.

Охарактеризуем это понятие на примере поля каузативности (причинности): «Каузативная ситуация представляет взаимодействие двух одушевленных участников, один из которых, каузатор, осуществляет каузативное действие / оказывает каузативное воздействие на объект каузации с целью модификации психической, физической, перцептивной, информативной и других сфер объекта каузации, то есть каузативность фиксируется в области интерперсонального взаимодействия» [Шустова 2013: 207]. В это поле включаются языковые средства разных уровней, объединенные функцией выражения отношения причины и следствия: «Функционально-семантическая категория каузативности актуализируется в языке разноуровневыми средствами, взаимодействующими на основе общности их семантических функций и выражающими функциональные варианты данной семантической категории» [там же], например, глаголы каузативной семантики (*ломать* по отношению к *ломаться*, *кормить* по отношению к *есть*), конструкции с причинными союзами (*потому что*, *так как*, *ибо*: *Он опоздал, потому что проспал*), синтаксические конструкции с инфинитивом (*Я попросил его уйти*), отглагольные существительные, передающие причинное действие (*Решение президента вызвало бурную реакцию*), и лексемы с причинным значением (*причина*, *вследствие*, *из-за*).

Центральным элементом ФСП каузативности являются каузативные глаголы и грамматические конструкции с причинными союзами. Например, глагол *поить* выражает значение «заставлять / побуждать пить»; союз *потому что* регулярно и обязательно вводит придаточное причины. Так, инфинитивные конструкции *велел ему войти* выражают причинно-волеитивную семантику не всегда, а лишь в определенных контекстах, что снижает их регулярность и специализированность. Лексические средства (существительное *причина*, предлог *из-за*), хотя и передают каузальность, делают это менее грамматизированно и не являются специализированными грамматическими показателями, поэтому располагаются на периферии поля.

Таким образом, в центре поля каузативности находятся грамматикализованные средства (каузативные глаголы и причинные союзы), обладающие полным набором системных свойств, в то время как синтаксические и особенно лексические средства, характеризующиеся меньшей обязательностью, образуют периферию данного поля. Стоит отметить, что ФСП по своей природе не является моноцентричным и замкнутым; оно представляет собой полипарадигмальное единство, интегрирующее разноуровневые языковые средства, объединенные общей семантической инвариантой: «Формально функционально-семантическое поле (ФСП) каузативности неограничено, поскольку соотносится и пересекается с другими функционально-семантическими полями, такими как ФСП аспектуальности, таксиса, персональности, темпоральности, и другими, что, в свою очередь, предполагает более широкий охват многообразных средств выражения функциональных вариантов исследуемой категории» [Шустова 2013: 207].

Универсальность и межъязыковая специфика ФСП. Универсальность функционально-семантических полей (ФСП) проявляется в их наличии в различных языковых системах, однако конкретные реализации демонстрируют существенные межъязыковые расхождения. Эти различия прежде всего затрагивают структурную организацию полей: например, поле определенности / неопределенности в русском языке характеризуется диффузной структурой, тогда как в европейских языках оно имеет моноцентрический характер. Не менее важным аспектом различий является иерархическая значимость полей: в русском языке центральное положение занимает аспектуальность, в то время как в английском доминирующую роль играет темпоральность. Наконец, каждый язык

демонстрирует уникальные паттерны взаимодействия между полями в рамках своей системы, что отражает специфику их грамматического строя и функциональной организации.

Структура функционально-семантического поля уникальна для каждого языка, поскольку средства выражения семантической категории (квалитативности, темпоральности и т. д.) по-разному распределяются между центром и периферией. Рассмотрим категорию каузативности: «Каузативность представлена в грамматиках большинства языков, при этом выделяются разноуровневые способы ее актуализации. Наименьшие различия наблюдаются в немецком и английском языках, то есть способы выражения значения каузативности во многом совпадают в этих языках. В языках Северной и Центральной Америки доминирующим является морфологический способ. В индийских языках Западного Индостана хинди, урду, гуджарати, раджастхани представлен морфологический способ образования каузативного значения и фонетический (изменение звукового вида гласных). В бирманском языке каузатив образуется при употреблении прямого дополнения. В африканских языках каузатив засвидетельствован повсеместно и реализуется несколькими типами каузативных показателей в койсанских языках, в языках банту, в атлантических языках, в языках гур, в языке лингала (язык межэтнического общения Конго), киконго (языки банту) также В. П. Хабировым зафиксирован морфологический каузатив» [Шустова 2013: 209].

Категориальная ситуация. Описание комплексов средств выражения семантических категорий, однако, не раскрывало полностью закономерностей их употребления в языке. Это потребовало введения нового понятия – «категориальной ситуации» (КС), ориентированного на анализ функционирования элементов поля в реальных высказываниях: «типовой содержательной структуры, репрезентирующей в высказывании определенную семантическую категорию и соответствующее ФСП» [Бондарко 2017: 43]. К числу активно разрабатываемых в рамках функциональной грамматики категорий относятся инструментальность [Яркова 2025; Рябкин 2022, 2025], таксис [Архипова, Шустова 2024; Архипова 2024; Иволина 2024; Красноборова 2024], а также сфера эмотивности и экспрессивности [Лю Шушуай 2025; Сюткина 2021, 2023, 2024].

Ключевым понятием в нашем исследовании выступает категориальная ситуация (КС), которая понимается как «базирующаяся на определенной семантической категории и соответствующем функционально-семантическом поле типовая (выступающая в том или ином варианте) содержательная структура, а) представляющая собой один из аспектов передаваемой высказыванием общей сигнификативной (семантической) ситуации; б) базирующаяся на определенной семантической категории и соответствующем функционально-семантическом поле» [Бондарко 2002: 319].

Понятие категориальной ситуации позволяет проводить более детальный анализ высказывания, не ограничиваясь общей семантической ситуацией. КС дает возможность изолировать и исследовать отдельные содержательные аспекты высказывания – например, проанализировать, как именно в нем представлена темпоральность, абстрагируясь от других элементов смысла. Таким образом, категориальная ситуация представляет собой инструмент, который позволяет выявить в высказывании всю совокупность языковых средств (как ядерных, так и периферийных), относящихся к определенному функционально-семантическому полю, и описать систему их взаимодействия в рамках конкретного высказывания.

Категориальные ситуации, актуализирующие семантическую категорию, подразделяются на три типа: доминирующая, сопряженная и фоновая. Доминирующая категориальная ситуация выражает ключевой семантический компонент, определяющий основное содержание высказывания. Остальные смысловые элементы образуют фоновый контекст: хотя они могут быть необходимы для реализации доминирующей КС, их роль остается второстепенной. Выделение доминирующей КС осуществляется через комплексный

анализ содержательно-формальной организации высказывания, где совокупность языковых средств последовательно акцентирует главенствующую роль данного смыслового элемента [Бондарко 2004]. Сопряжённые КС – это ситуации, в которых несколько семантических категорий находят одновременное выражение. Это связано с тем, что зоны пересечения имеют семантические категории и базирующиеся на них функционально-семантические поля (ФСП). Фоновые ситуации, как правило, не получают специального языкового выражения и обычно остаются на периферии сознания воспринимающего [там же].

Заключение

Следовательно, моделирование в функциональной грамматике – это не описание дискретной ситуации или отдельно взятой категории, а моделирование системы взаимодействующих полей. В рамках такого моделирования центральное ФСП неизбежно активизирует и привлекает в разной степени сопредельные поля, образуя сложную, динамическую и взаимопроникающую сеть смысловых связей. Таким образом, модель грамматики, предложенная Санкт-Петербургской школой, открывает путь к целостному описанию языковой системы, где разноуровневые средства находят единство через общую семантическую инвариантность. Этот подход не только расширяет эмпирическую базу лингвистики, но и позволяет вскрыть глубинные закономерности системной организации языка и принципы его функционирования.

Список литературы

1. Актуальные проблемы современной лингвистики : учеб. пособие / сост. Л. Н. Чурилина. 4-е изд. М. : Флинта: Наука, 2009. 416 с.
2. Архипова И. В. Аспектуально-таксисные свойства немецкого девербатива (на примере высказываний с предложными конструкциями) // Евразийский гуманитарный журнал. 2024. № 3. С. 33–40.
3. Архипова И. В., Шустова С. В. Таксис псевдоодновременности в функциональных структурах (на материале немецкого языка) // Евразийский гуманитарный журнал. 2024. № 1. С. 44–53.
4. Бондарко А. В. Функциональная грамматика. Л. : Наука, 1984. 136 с.
5. Бондарко А. В. Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л. : Наука, 1987. 348 с.
6. Бондарко А. В. Категории в системе функциональной грамматики // Коммуникативно-смысловые параметры грамматики и текста : сб. ст., посвященный юбилею Г. А. Золотовой. М. : Эдиториал УРСС, 2002. С. 15–21.
7. Бондарко А. В. Теория значения в системе функциональной грамматики : на материале русского языка. М. : Языки славянской культуры, 2002. 736 с.
8. Бондарко А. В. Категориальные ситуации в функционально-грамматическом описании. URL : <https://tech.wikireading.ru/hFd9bQz5cP?ysclid=mh68vobh1t367765202> (дата обращения: 22.03.2025).
9. Бондарко А. В. Глагольные категории в системе функциональной грамматики. М. : Языки славянской культуры, 2017. 343 с.
10. Воейкова М. Д. Введение. Петербургская школа функциональной грамматики: история, современное состояние и направления развития // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований РАН / отв. ред. Н. Н. Казанский. Т. XI, ч. 1. СПб. : Наука, 2015. С. 7–20.
11. Воейкова М. Д., Казаковская В. В. Санкт-Петербургская школа функциональной грамматики: история и перспективы развития // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2019. № 1. С. 86–97.
12. Ивонина М. Ю. Нефинитные глагольные формы как способ актуализации таксиса в романских языках // Евразийский гуманитарный журнал. 2024. № 2. С. 75–82.
13. Красноборова Л. А. Синкретизм таксисных конструкций (на материале старофранцузского языка) // Гуманитарные исследования. История и филология. 2024. № 16. С. 57–63.
14. Лю Шушуай. Категория эмотивности в философии и функциональной грамматике: междисциплинарный анализ // Евразийский гуманитарный журнал. 2025. № 3. С. 23–30.

15. Рябкин С. А. Актуализация категории инструментальности в английском языке // Гуманитарные исследования. История и филология. 2022. № 5. С. 95–102.
16. Рябкин С. А. Категория инструментальности: функционально семантический аспект // Евразийский гуманитарный журнал. 2025. № 3. С. 15–22.
17. Сюткина Н. П. Потенциал эмотивных каузативов с позиций функционального подхода // Евразийский гуманитарный журнал. 2021. № 1. С. 54–59.
18. Сюткина Н. П. Аспекты взаимодействия категорий интенсивности и экспрессивности в эмотивно-каузативном категориальном семантическом комплексе // Евразийский гуманитарный журнал. 2023. № 2. С. 55–62.
19. Сюткина Н. П. Эмотивная валентность: синтагматика и парадигматика // Евразийский гуманитарный журнал 2024. № 4. С. 37–42.
20. Шустова С. В. Прототипические смысловые константы каузативной ситуации // Историческая и социально-образовательная мысль. 2013. № 6 (22). С. 207–210.
21. Яркова В. В. Дефиниционный анализ глаголов инструментальной семантики // Евразийский гуманитарный журнал. 2025. № 2. С. 10–25.

References

1. Aktual'nyye problemy sovremennoy lingvistiki [Current issues in modern linguistics]. Comp. L. N. Churilina. 4th ed., Moscow, Flinta, Nauka, 2009, 416 p. (In Russ.).
2. Arkhipova I. V. Aspektual'no-taksisnyye svoystva nemetskogo deverbativa (na primere vyskazyvaniy s predlozhnymi konstruktsiyami) [Aspectual-tactical properties of the German deverbative (using the example of statements with prepositional constructions)]. *Yevraziyskiy gumanitarnyy zhurnal* [Eurasian Humanitarian Journal]. 2024, no. 3, pp. 33-40. (In Russ.).
3. Arkhipova I. V., Shustova S. V. Taksis psevdoodnovremennosti v funktsional'nykh strukturakh (na materiale nemetskogo yazyka) *Yevraziyskiy gumanitarnyy zhurnal* [Eurasian Humanitarian Journal]. 2024, no. 1, pp. 44-53. (In Russ.).
4. Bondarko A. V. Funktsional'naya grammatika. Leningrad, Nauka, 1984, 136 p. (In Russ.).
5. Bondarko A. V. Teoriya funktsional'noy grammatiki: Vvedeniye. Aspektual'nost'. Vremennaya lokalizovannost'. Taksis. Leningrad, Nauka, 1987, 348 p. (In Russ.).
6. Bondarko A. V. Kategorii v sisteme funktsional'noy grammatiki // Kommunikativno-smyslovyye parametry grammatiki i teksta : sb. st., posvyashchennyy yubileyu G. A. Zolotovoy. Moscow, Editorial URSS, 2002, pp. 15-21. (In Russ.).
7. Bondarko A. V. Teoriya znacheniya v sisteme funktsional'noy grammatiki : na materiale russkogo yazyka. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2002. 736 p. (In Russ.).
8. Bondarko A. V. Kategorial'nyye situatsii v funktsional'no-grammaticheskom opisani [Categorical situations in functional-grammatical description]. (In Russ.). Available at : <https://tech.wikireading.ru/hFd9bQz5cP?ysclid=mh68vobh1t367765202> (accessed: 22.03.2025).
9. Bondarko A. V. Glagol'nyye kategorii v sisteme funktsional'noy grammatiki [Verb categories in the system of functional grammar]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2017, 343 p. (In Russ.).
10. Voyeykova M. D. Vvedeniye. Peterburgskaya shkola funktsional'noy grammatiki: istoriya, sovremennoye sostoyaniye i napravleniya razvitiya [The St. Petersburg School of Functional Grammar: History, Current State, and Development Directions]. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy instituta lingvisticheskikh issledovaniy RAN* [Acta Linguistica Petropolitana. Proceedings of the Institute of Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences]. Editor-in-Chief N. N. Kazansky, vol., XI, part 1, Saint Petersburg, Nauka, 2015, pp. 7-20. (In Russ.).
11. Voyeykova M. D., Kazakovskaya V. V. Sankt-Peterburgskaya shkola funktsional'noy grammatiki: istoriya i perspektivy razvitiya [St. Petersburg School of Functional Grammar: History and Development Prospects]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya* [Moscow University Bulletin. Series I. Philology]. 2019, no. 1, pp. 86-97. (In Russ.).
12. Ivonina M. YU. Nefinitnyye glagol'nyye formy kak sposob aktualizatsii taksisa v romanskikh yazykakh. *Yevraziyskiy gumanitarnyy zhurnal* [Eurasian Humanitarian Journal]. 2024, no. 2, pp. 75-82. (In Russ.).
13. Krasnoborova L. A. Cinkretizm taksisnykh konstruktsiy (na materiale starofrantsuzskogo yazyka) [Syncretism of taxis constructions (based on Old French)]. *Gumanitarnyye issledovaniya. Istoriya i filologiya* [Humanities. History and Philology]. 2024, no. 16, pp. 57-63. (In Russ.).

14.Lyu Shushuay. Kategoriya emotivnosti v filosofii i funktsional'noy grammatike: mezhdistsiplinarnyy analiz [The Category of Emotivity in Philosophy and Functional Grammar: An Interdisciplinary Analysis]. *Yevraziyskiy gumanitarnyy zhurnal* [Eurasian Humanitarian Journal]. 2025, no. 3, pp. 23-30. (In Russ.).

15.Ryabkin S. A. Aktualizatsiya kategorii instrumental'nosti v angliyskom yazyke [Actualization of the instrumentality category in English]. *Gumanitarnyye issledovaniya. Istoriya i filologiya* [Humanities. History and Philology]. 2022, no. 5, pp. 95-102.

16.Ryabkin S. A. Kategoriya instrumental'nosti: funktsional'no semanticheskiy aspekt [Category of instrumentality: functional semantic aspect]. *Yevraziyskiy gumanitarnyy zhurnal* [Eurasian Humanitarian Journal]. 2025, no. 3, pp. 15-22. (In Russ.).

17.Syutkina N. P. Potentsial emotivnykh kauzativov s pozitsiy funktsional'nogo podkhoda [The potential of emotive causatives from the standpoint of the functional approach]. *Yevraziyskiy gumanitarnyy zhurnal* [Eurasian Humanitarian Journal]. 2021, no. 1, pp. 54-59. (In Russ.).

18.Syutkina N. P. Aspekty vzaimodeystviya kategoriy intensivnosti i ekspressivnosti v emotivno-kauzativnom kategorial'nom semanticheskom komplekse [Aspects of interaction between the categories of intensity and expressiveness in the emotive-causative categorical semantic complex]. *Yevraziyskiy gumanitarnyy zhurnal* [Eurasian Humanitarian Journal]. 2023, no. 2, pp. 55-62. (In Russ.).

19.Syutkina N. P. Emotivnaya valentnost': sintagmatika i paradigmatika [Emotive valence: syntagmatics and paradigmatics]. *Yevraziyskiy gumanitarnyy zhurnal* [Eurasian Humanitarian Journal]. 2024, no. 4, pp. 37-42. (In Russ.).

20.Shustova S. V. Prototipicheskiye smyslovyye konstanty kauzativnoy situatsii [Prototypical semantic constants of the causative situation]. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'* [Historical and socio-educational thought]. 2013, no. 6 (22), pp. 207-210. (In Russ.).

21.Yarkova V. V. Definitsonnyy analiz glagolov instrumental'noy semantiki [Definitional analysis of instrumental semantic verbs]. *Yevraziyskiy gumanitarnyy zhurnal* [Eurasian Humanitarian Journal]. 2025, no. 2, pp. 10-25. (In Russ.).

Информация об авторе

Е. В. Малахова – аспирант, преподаватель, кафедра лингвистики и перевода,
Пермский государственный национальный исследовательский университет.

Information about the author

E. V. Malakhova – Postgraduate Student, Lecturer, Department of Linguistics and Translation,
Perm State University.

Статья поступила в редакцию 15.04.2025; одобрена после рецензирования 20.05.2025; принята к публикации 25.06.2025.

The article was submitted 15.04.2025; approved after reviewing 20.05.2025; accepted for publication 25.06.2025.

Евразийский гуманитарный журнал. 2025. № 4. С. 37–45.
Eurasian Humanitarian Journal. 2025. No. 4. P. 37-45.

Научная статья
УДК 811.112.2'36
EDN: SUFAUD
doi:10.17072/2587-6589-2025-4-37-45

<https://elibrary.ru/sufaud>

НЕМЕЦКИЕ КОМПОЗИТЫ КАК АКТУАЛИЗАТОРЫ ТАКСИСА

Ирина Викторовна Архипова

Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Россия,
irarch@yandex.ru

Аннотация. Настоящая статья посвящена описанию сложных девербативов немецкого языка как средства таксисной актуализации. В качестве объекта исследования выступают немецкие композиты, представленные посредством шести разнообразных структурных моделей. Предмет исследования заключается в рассмотрении сложных отглагольных существительных с точки зрения их функциональной семантики, а также в анализе их роли как средств, актуализирующих таксисные категориальные значения в высказываниях, содержащих предложные конструкции. Практический материал для анализа был получен методом направленной выборки из электронной базы данных Лейпцигского национального корпуса немецкого языка. В процессе исследования были использованы гипотетико-дедуктивный и индуктивный методы, описательный метод, а также методы интерпретации и систематизации языковых данных. В результате анализа эмпирического материала было установлено, что сложные девербативы в составе предложно-именных конструкций выступают в роли актуализаторов таксисных категориальных значений, определяя хронологические отношения между действиями (событиями, состояниями), выраженными глаголом и самим девербативом. В конструкциях с темпоральными предлогами (*nach*, *vor*, *bis* и др.) сложные девербативы указывают на одновременность, предшествование или следование событий. В предложениях с конструкциями с нетемпоральными предлогами (концессивными, финальными и др.) сложные девербативы участвуют в актуализации таксисных значений с семантикой логической обусловленности – концессивно-таксисных, финально-таксисных и др.

Ключевые слова: немецкий язык, девербативы, сложные девербативы, структурно-семантические типы, предлоги, таксисная актуализация

Для цитирования: Архипова И. В. Немецкие композиты как актуализаторы таксиса // Евразийский гуманитарный журнал. 2025. № 4. С. 37–45. <https://doi.org/10.17072/2587-6589-2025-4-37-45>.
EDN: SUFAUD

Original article

GERMAN COMPOSITES AS TAXIS ACTUALIZERS

Irina V. Arkhipova

Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia, irarch@yandex.ru

Abstract. This article describes composites in German as a means of taxis actualization. The object of this study is German complex deverbatives, represented by six different structural models. The research focuses on the functional semantics of complex verbal nouns, as well as on their role as means of actualizing taxis categorical meanings in utterances containing prepositional constructions. The material for the analysis was obtained through targeted sampling from the electronic database of the Leipzig National Corpus of the German Language. The study utilized hypothetico-deductive and inductive methods, a descriptive method, and methods for interpreting and systematizing linguistic data. An analysis of empirical data revealed that complex deverbatives in prepositional-nominal constructions act as actualizers of taxis-based categorical meanings, defining chronological relationships between actions (events, states) expressed by the verb and the deverbative itself. In constructions with temporal prepositions (*nach*, *vor*, *bis*, etc.), complex deverbatives

indicate simultaneity, precedence, or succession of events. In sentences with constructions with non-temporal prepositions (concessive, final, etc.), complex deverbatives participate in the actualization of taxis-based meanings with the semantics of logical determinacy – concessive-tactic, final-tactic, etc.

Keywords: German language, deverbatives, complex deverbatives, structural-semantic types, prepositions, taxis-based actualization

For citation: Arkhipova I. V. German Composites as Taxis Actualizers. Eurasian Humanitarian Journal. 2025;4:37-45. (In Russ.). <https://doi.org/10.17072/2587-6589-2025-4-37-45>. EDN: SUFAUD

Введение

Немецкие сложные имена существительные рассматриваются в работах ряда отечественных лингвистов [Аликаева, Ткаченко 2024; Вашунин 1990; Архипова 2023; Залова, Залевская 2025; Мурясов, Искандарова 2019; Колпакова 2014; Крупнова 2013; Маслова 2015; Кукушкина, Самосудова, Вечканов, 2017; Муратова 2019; Носачева 2015; Садыкова 2002; 2010; Степанова 1962; Павлов 1970; Левковская 1962; Рябченко 2019; Чучва 2022; Фляйшер 2007]. В лингвистических исследованиях России конца XX – начала XXI вв. сформировалось несколько направлений, занимающихся изучением словосложения в современном немецком языке [Яковлюк 2016: 182–183].

Основателем одной из первых функциональных концепций немецкого словосложения справедливо считается К. А. Левковская, чьи работы, относящиеся к середине прошлого столетия, опираются на номинативную и словообразовательную функции композитов [Левковская 1962]. В конце 1950-х – начале 1960-х гг. в германистике появились труды выдающегося лингвиста М. Д. Степановой, которые стали новым этапом в изучении немецких сложных слов. М. Д. Степанова выделяет номинативную, словообразовательную и синтаксическую функции словосложения [Степанова 1962].

Синтаксический аспект немецкого словосложения привлекает внимание в работах В. М. Павлова, которые заложили теоретические основы синтаксической концепции словосложения. Не соглашаясь с точкой зрения М. Д. Степановой и не выделяя словообразовательной функции у сложных существительных в немецком языке, В. М. Павлов указывает на то, что субстантивные композитные образования выполняют синтаксическую функцию особого рода. По мнению исследователя, композитные образования многозначны и характеризуются лаконичностью, типизацией и различимостью [Павлов 1970]. Среди значимых российских исследователей композитного субстантивного словообразования в современном немецком языке стоит отметить В. С. Вашунина, чьи работы развивают теорию образования, функционирования и употребления определительных сложных существительных [Вашунин 1990].

Среди зарубежных концепций композитообразования выделяются работы В. Фляйшера, которые наиболее полно охватывают проблематику словообразования в целом и словосложения в частности. Словосложение у этого лингвиста выполняет две функции: номинативную и синтаксическую, когда сложное слово рассматривается как образование, параллельное синтаксической конструкции [Fleischer 2007].

В структуре словарного запаса языка важная роль отведена именам существительным, в частности, сложным именам. В немецком языке сложные слова часто объединены общей тематикой, которая проявляется в первом или втором компоненте. С точки зрения семантики, для немецких сложных слов характерна мотивированность, основанная на значениях составляющих их частей. Сложные слова с соединительными элементами обладают разветвленной морфологической структурой, включающей различные компоненты, иногда целые словосочетания и разные типы основ независимо от состава, сложное слово является целостной лексической единицей с множеством значений и грамматическими характеристиками слова [Залова, Залевская 2025: 136–137].

Композиты семантически мотивированы, и все их части происходят от самостоятельных лексем. В сложных композитах можно увидеть отношения между компонентами, напоминающие связи в синтаксических конструкциях. Композиты-

существительные классифицируются лингвистами по структурно-генетическому типу и типу синтаксико-семантической связи между элементами. По структурно-генетическому типу выделяют полносложные, неполносложные композиты, сдвиги и многочленные сложные слова [Залова, Залевская 2025: 137–139].

Основные признаки сложных слов включают в себя:

- 1) уникальное значение, которое нельзя вывести из простого сложения значений его частей,
- 2) комплексное обозначение понятия,
- 3) устойчивость компонентов, исключающая их свободную замену,
- 4) морфологическую спаянность,
- 5) фонетическую целостность, проявляющуюся в общем ударении,
- 6) неразрывность, то есть невозможность введения дополнительных элементов внутрь сложного слова,
- 7) специфический характер семантических связей между составляющими: атрибутивные, предикативные, обстоятельственные или объектные отношения,
- 8) отнесение к определенной части речи,
- 9) образование в соответствии с заданными структурными моделями, 10) возможность служить базой для образования новых сложных слов [Садыкова 2002: 71–72].

В статье Н. А. Масловой «Процессуальные композиты-номинализации немецкого языка в сопоставительном аспекте» рассматривается явление номинализации в немецком языке, особое внимание уделяется процессуальным композитам, образованным путем сочетания глагольных и именных элементов. Автор исследует способы образования, семантические особенности и функциональную роль данных композитов в немецком языке. В работе подчеркивается, что номинализация, как способ словообразования, позволяет выразить действие или процесс в виде имени существительного, что способствует большей лаконичности и абстрактности выражения. Процессуальные композиты, являясь сложными образованиями, объединяют в себе признаки как глагола, так и имени существительного, что позволяет им передавать динамику действия, одновременно представляя его как статичный объект [Маслова 2015: 66–70].

Данное исследование сосредоточено на изучении немецких сложных девербативов, используемых с предлогами (временными и невременными), которые функционируют как актуализаторы таксиса. В составе высказываний с предложно-именными конструкциями эти девербативы выражают различные таксисные значения, включая одновременность, предшествование и следование. Предлог, будь то временной или невременной, выполняет две ключевые роли: он формирует таксисное значение и служит маркером для его идентификации. Цель работы – описать сложные девербативы в качестве актуализаторов таксисных категориальных значений, которые проявляются в высказываниях, содержащих предложно-именные сочетания.

Объектом исследования являются немецкие сложные девербативы, представленные шестью различными структурными типами.

Предметом исследования служит описание сложных девербативов с точки зрения функциональной семантики, а также анализ их роли как таксисных актуализаторов в высказываниях, включающих предложные конструкции.

Актуальность данной работы обусловлена недостаточной изученностью немецких сложных девербативов в рамках функционально-семантического подхода. Этот подход предполагает анализ сложных девербативов, обладающих акциональной (процессуальной, статальной, событийной) семантикой, в составе предложно-именных конструкций, где они выступают как актуализаторы таксисных категориальных значений, отражающих одновременность или разновременность (следование, предшествование) (как чисто хронологических, так и хронологических с семантикой логической обусловленности).

Эмпирический материал был собран с использованием метода целевой выборки из электронной базы данных Лейпцигского национального корпуса (LC). В ходе исследования применялись гипотетико-дедуктивный и индуктивный методы, описательный метод, а также метод интерпретации и обобщения языковых фактов.

Основная часть

Немецкие сложные девербативы (компози́ты), входящие в состав предложно-именных структур с предлогами, выражают такие таксисные категориальные значения как одновременность, предшествование и следование (как в «чистом виде», так и с семантикой логической обусловленности). Композит – это сложное структурное и полифункциональное образование, используемое для прямой или косвенной номинации, разновидность деривата, сформированная по стандартной модели или путем преобразования синтаксического словосочетания. Именные композиты обладают свойствами как лексической, так и синтаксической единицы. С точки зрения лексикологии, они рассматриваются как лексико-семантическое явление, а с позиции синтаксиса – как результат трансформации синтаксических конструкций [Садыкова 2002: 17].

В настоящей работе анализируются именные сложные слова, в которых вторым (основным) элементом являются девербативы на –en. Среди изученных детерминативных сложных девербативов следует выделить имена (акциональные, процессуальные, статальные), представленные следующими структурными типами:

1) существительное + девербатив на –en, например: *das Vaterwerden, das Mutterwerden, das Feuermachen, das Zeitungslesen, das Kaffeetrinken, das Briefeschreiben*;

2) прилагательное + девербатив на –en, например: *das Dunkelwerden, das Hellwerden, das Kaltwerden, das Schwangerwerden, das Kaltbleiben*;

3) наречие + девербатив на –en, например: *das Linksabbiegen, das Rechtsabbiegen, das Vorwärtslaufen, das Vorwärtsfahren, das Vorwärtsreiten, das Vorwärtsgehen, das Rückwärtslaufen, das Rückwärtsgehen, das Spätaufstehen*;

4) причастие II + девербатив на –en, например: *das Getrenntsein, das Getrenntwerden, das Gefangenbleiben, das Verrücktwerden*;

5) существительное с предлогом + девербатив на –en, например: *das Nachhausegehen, das Nachhausefahren, das Zubettgehen, das Zuhausebleiben*;

6) частица *nicht* + девербатив на –en, например: *das Nichtbeachten*.

К сложным девербативам первого типа относятся акциональные имена, употребляемые как с темпоральными, так и с нетемпоральными предлогами (*das Fragenstellen, das Mutterwerden, das Vaterwerden, das Zähneputzen, das Feuermachen, das Zeitungslesen, das Bücherlesen, das Teetrinken, das Briefeschreiben, das Antwortgeben, das Klavierspielen, das Brotschneiden, das Haarschneiden* и др.). Например:

1. **Mit dem Mutterwerden** veränderte sich ihr Leben grundlegend (LC).

2. Alles Wesentliche im Religionsunterricht beginne **mit dem Fragenstellen** (LC).

3. Aus dem Format, bei dem man den Influencern stundenlang **beim Feuermachen** zuschaut, scheint tatsächlich die Luft draußen zu sein (LC).

4. **Beim Zähneputzen** achtete er auf eine gründliche Reinigung (LC).

5. **Beim Feuermachen** ist Vorsicht geboten (LC).

6. **Beim Zeitungslesen** entdeckte er einen interessanten Artikel (LC).

7. Als kleiner Junge hielt er sich stundenlang im Salon seines Vaters auf, beobachtete diesen **beim Haarschneiden** und half beim Putzen (LC).

8. Auf mit der Nachricht geteilten Fotos sind Freiwillige **beim Briefeschreiben** zu sehen (LC).

9. Und sie hat auch wirklich Spaß dabei, wenn man sie **beim Klavierspielen** beobachtet und fragt (LC).

10. Der Landkreis ruft **zum Briefeschreiben** auf, um Senioren eine Freude zu machen (LC).

11. Er benutzte ihn wohl **zum Feuermachen** (LC).

12. Dann schlossen sich die Türen, Scholz und Xi zogen sich **zum Teetrinken** zurück (LC).

13. Über das Werkzeug hat der Mann erklärt, er habe es **zum Brotschneiden** bei sich geführt (LC).

14. «Dass junge Menschen heute später **zum Bücherlesen** finden, zeigt, dass wir starke Angebote der Leseförderung sowohl außerhalb des Elternhauses als auch für das Elternhaus benötigen.» (LC).

15. **Durch das Vaterwerden** lernte er Verantwortung (LC).

В приведенных выше высказываниях с предлогами *mit* и *bei* в темпоральном значении сложные девербативы участвуют в актуализации таксисных значений одновременности (см. девербативы *das Fragestellen*, *das Mutterwerden*, *das Feuermachen*, *das Zeitungslesen*, *das Zähneputzen*, *das Haareschneiden*, *das Briefeschreiben*) (примеры 1–9).

В высказываниях с финальным предлогом *zu* посредством сложных девербативов *das Briefeschreiben*, *das Teetrinken*, *das Brotschneiden*, *das Bücherlesen* реализованы таксисные значения одновременности, совмещенные с семантикой цели – так называемые финально-таксисные значения (примеры 10–14). В высказывании (15) с предлогом *durch* в медиальном значении с помощью девербатива *das Vaterwerden* реализовано медиально-таксисное значение одновременности.

К сложным девербативам второго типа относятся такие процессуальные и статальные композиты как *das Dunkelwerden*, *das Dunkelsein*, *das Hellwerden*, *das Kaltwerden*, *das Schwangerwerden*, *das Kaltbleiben* и др.

16. **Noch vor dem Dunkelwerden** trat die Gilde zur Ehrung der Preisträger und zur Proklamation des neuen Prinzen und des neuen Königs an (LC).

17. **Rechtzeitig vor dem Dunkelwerden** wurde das traditionelle Gruppenfoto aufgenommen (LC).

18. **Bis zum Dunkelwerden** und dem Auftritt der Glühwürmchen erfahren die Teilnehmer Wissenswertes über die Leuchtkäfer und die Natur der Dämmerung (LC).

19. Auch Schäden an Gebäuden oder Einrichtungen lassen sich erst **nach dem Hellwerden** lokalisieren (LC).

20. **Beim Kaltbleiben der Füße** hilft Bewegung (LC).

21. Dann ist die Dämmerung einigermassen fortgeschritten, und **mit dem Dunkelwerden** erkennt man den «Schweifstern» mühelos von blossem Auge, wenn man in Richtung Westen blickt. Mit dem Dunkelwerden des Abends zog sich die Menge langsam zurück (LC).

22. **Mit dem Hellwerden des Morgens** begann die Arbeit (LC).

23. **Mit dem Kaltwerden der Tage** verkürzten sich die Spaziergänge (LC).

24. **Trotz des Dunkelseins** fühlte er sich sicher (LC).

25. **Trotz des Kaltbleibens des Wetters** blieben die Touristen (LC).

В высказываниях с темпоральными предлогами *vor*, *nach*, *bis* сложные девербативы *das Dunkelwerden*, *das Hellwerden* выступают в качестве таксисных актуализаторов следования и предшествования (примеры 16–19). Сложные девербативы с темпоральными предлогами *bei* и *mit* участвуют в реализации таксисных категориальных значений одновременности (примеры 20–23). В высказываниях (24–25) с предлогом concessивной семантики *trotz* композиты *das Dunkelsein* и *das Kaltbleiben* реализуют concessивно-таксисное значение одновременности.

К сложным девербативам третьего типа относятся акциональные композиты, детерминативным компонентом которых является наречие (*Linksabbiegen*, *Rechtsabbiegen*, *Seitwärtsgehen*, *Vorwärtslaufen*, *Vorwärtsfahren*, *Vorwärtsreiten*, *Vorwärtsgehen*, *Rückwärtslaufen*, *Rückwärtsgehen* и др.).

26. Nach ersten Erkenntnissen der Polizei brach **beim Linksabbiegen** das Heck des Fahrzeuges aus (LC).

27. **Beim Linksabbiegen** kollidierte er mit einem anderen Velofahrer, der in Richtung Thun fuhr (LC).

28. **Beim Rückwärtsfahren** erfasste er die Fußgängerin und fuhr dann einfach weiter (LC).

29. **Beim Rückwärtsgehen** werden andere Muskeln beansprucht als beim Vorwärtsgehen (LC).

30. Eine Autofahrerin hatte die 24-Jährige **beim Rechtsabbiegen** offenbar übersehen (LC).

31. Mittlerweile finden sich solche Grünpfeile **zum Rechtsabbiegen** bei Rot für Radfahrer in zahlreichen Städten in Österreich (LC).

В высказываниях (26–30) с темпоральными предложениями *mit*, *bei* посредством композитов *das Linksabbiegen*, *das Rechtsabbiegen*, *das Rückwärtsgehen* реализованы таксисные значения одновременности. В примере (31) с финальным предложением *zu* композит *das Rechtsabbiegen* выступает в роли актуализатора финально-таксисного значения одновременности.

К сложным девербативам четвертого типа относятся акциональные, процессуальные и статальные детерминативные композиты, определительным компонентом которых является причастие (*das Festgenommensein*, *das Verlorengehen*, *das Vergessensein*, *das Gehasstwerden*, *das Getrenntwerden*, *das Gefangenbleiben*, *das Verrücktwerden* и др.). Например:

32. Rod Roddenberry war **beim Verlorengehen des Modells** noch ein kleiner Junge, er hat nach eigenen Angaben nur sporadische Erinnerungen an die Miniatur (LC).

В приведенном высказывании с темпоральным предложением *bei* сложный девербатив *das Verlorengehen* участвует в актуализации таксисного значения одновременности.

К сложным девербативам пятого типа относятся процессуальные и статальные детерминативные композиты, определительным компонентом которых является имя существительное с предложением (*das Nachhausegehen*, *das Nachhausefahren*, *das Zu-Bett-gehen*, *das Zuhausebleiben*, *das In-den-Urlaub-Fahren*, *das Aus-dem-Haus-Gehen*, *das Auf-die-Bäume-Klettern*, *das Über-die-Straße-Gehen*, *das Durch-den-Wald-Spazieren* и др.). Например:

33. Trainer Tschik Cajkovski hatte die Mannschaft **vor dem Zu-Bett-gehen** noch einmal richtig heiß gemacht (LC).

34. Der Supermarkt hatte zu diesem Zeitpunkt jedoch schon geschlossen, **beim Nachhausefahren** hielt ihn eine Polizeistreife auf (LC).

В приведенных примерах с темпоральными предложениями *vor* и *bei* посредством композитов *das Zu-Bett-gehen* и *das Nachhausefahren* выражены таксисные значения предшествования и одновременности.

К сложным девербативам пятого типа относятся процессуальные и статальные детерминативные композиты, определительным компонентом которых является имя существительное с частицей *nicht*.

35. Geldstrafen gibt es **nur bei Nichtbeachten des Rotlichts** (LC).

В данном примере с предложением *bei* в кондициональном значении посредством композита *das Nichtbeachten* реализовано кондиционально-таксисное значение одновременности. Частица *nur* в сочетании с предложным девербативом *das Nichtbeachten des Rotlichts* выступает в качестве дополнительного значения условия.

Заключение

Немецкие сложные девербативы (композиты), входящие в состав предложно-именных структур с временными и невременными предложениями, выражают различные таксисные категориальные значения — одновременность, предшествование, следование. Немецкие сложные девербативы, особенно в контексте предложно-именных конструкций, представляют собой важный механизм для выражения таксисных категориальных значений. Их функциональное разнообразие позволяет точно и лаконично передавать таксисно-хронологические отношения между событиями, действиями или состояниями. Дальнейшее исследование этой области призвано детально рассмотреть вопрос взаимодействия лексики и грамматики в формировании семантики предложения.

Список литературы

1. Аликаева Л. С., Ткаченко С. А. Словосложение в немецком языке : понятие, основные формы и принципы образования сложных слов // Вестник филологических наук. 2024. Т. 4. № 1. С. 84–89.
2. Архипова И. В. Трансформационный потенциал таксисных девербативов (на материале немецких высказываний с предложными конструкциями) // Евразийский гуманитарный журнал. 2023. № 2. С. 48–54.
3. Вашунин В. С. Субстантивные сложные слова в немецком языке. М. : Высшая школа, 1990. 158 с.
4. Залова И. М., Залевская Т. Е. Особенности образования и функционирования сложных слов немецкого языка // Современный ученый. 2025. № 4. С. 136–140.
5. Колпакова Г. В. Типы семантических структур немецких композитов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 5-2 (35). С. 110–113.
6. Крупнова Н. А. Композиты немецкого языка : общая характеристика // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2013. № 11-2. С. 54–57.
7. Кукушкина Е. А., Самосудова Л. В., Вечканова М. И. Экономические номинативные композиты в английском и немецком языках // Гуманитарные науки и образование. 2017. № 4 (32). С. 143–148.
8. Павлов В. М. Понятие словообразовательной структуры слова и его место в системе морфологического анализа // Морфологическая структура слова. М. : Наука, 1970. С. 47–78.
9. Левковская К. Н. Теория слова. Принципы ее построения и общие вопросы методики исследования. М. : Высшая школа, 1962. 296 с.
10. Маслова Н. А. Процессуальные композиты-номинализации немецкого языка в сопоставительном аспекте // Иностранные языки в современном мире: состояние и тенденции развития системы оценивания в образовании : сборник статей VIII Международной научно-практической конференции. Казань : Казанский (Приволжский) федеральный университет. 2015. С. 6–73.
11. Муратова С. В. Композиты с реляционной семантикой в современном немецком языке // Вестник Нижегородского лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2010. № 12. С. 78–85.
12. Мурясов Р. З., Искандарова Г. Р. Исследование именных композитов в текстах новостных рассылок // Доклады Башкирского университета. 2019. Т. 4. № 3. С. 308–312.
13. Носачева М. И. Изучение композитарного словообразования в русском и немецком словообразовании // Бюллетень медицинских интернет-конференций. 2015. Т. 5. № 1. С. 26–29.
14. Рябченко Н. В. Композиты с дефисом как способ оформления немецкой субстантивной группы // Балтийский гуманитарный журнал. 2019. № 3 (28). С. 357–359.
15. Садыкова А. Г. Система субстантивного словосложения в тюркских и германских языках в сравнительно-типологическом аспекте : дисс. ... докт. филол. наук. Казань, 2002. 492 с.
16. Садыкова А. Г. Теоретические системы словосложения в тюркских и германских языках // Филология и культура. 2010. № 2 (20). С. 104–107.
17. Степанова М. Д., Чернышева И. И. Лексикология современного немецкого языка. М. : Высшая школа, 1962. 376 с.
18. Чучва Л. М. Характеристика субстантивных композитов в немецком языке // Вестник Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. 2022. № 3(41). С. 69–76.
19. Яковлюк А. Н. Анализ отечественных и зарубежных лингвистических исследований функций субстантивных сложных слов в современном немецком языке // Печать и слово Санкт-Петербурга. Петербургские чтения – 2015. XVII Всероссийская научная конференция : сборник научных трудов. СПб. : Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна; Высшая школа печати и медиатехнологий. 2016. С. 182–186.
20. Fleischer W. Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache / Wolfgang Fleischer / Irmhild Barz ; unter Mitarbeit von Marianne Schröder. 3., unveränd. Aufl. Tübingen : Niemeyer, 2007. 382 S.

Источники иллюстративного материала

1. LC – Лаборатория корпусной лингвистики Лейпцигского университета. URL: <http://www.wortschatz.uni-leipzig.de> (дата обращения: 21. 06. 2025).

References

1. Alikayeva L. S., Tkachenko S. A. Slovoslozheniye v nemetskom yazyke : ponyatiye, osnovnyye formy i printsipy obrazovaniya slozhnykh slov [Word composition in German: concept, basic forms and principles of compound word formation]. *Vestnik filologicheskikh nauk* [Bulletin of Philological Sciences]. 2024, vol., 4, no. 1, pp. 84-89. (In Russ.).
2. Arkhipova I. V. Transformatsionnyy potentsial taksisnykh deverbativov (na materiale nemetskikh vyskazyvaniy s predlozhnymi konstruktsiyami) [The transformational potential of taxis deverbatives (based on German utterances with prepositional constructions)]. *Yevraziyskiy gumanitarnyy zhurnal* [Eurasian Humanitarian Journal]. 2023, no. 2, pp. 48-54. (In Russ.).
3. Vashunin V. S. Substantivnyye slozhnyye slova v nemetskom yazyke [Substantive compounds in German]. Moscow, Visshaya shkola, 1990 158 p. (In Russ.).
4. Zalova I. Moscow, Zalevskaya T. E. Osobennosti obrazovaniya i funktsionirovaniya slozhnykh slov nemetskogo yazyka [Peculiarities of the formation and functioning of compound words in the German language]. *Sovremennyy uchenyy* [Modern scientist]. 2025, no. 4, pp. 136-140. (In Russ.).
5. Kolpakova G. V. Tipy semanticheskikh struktur nemetskikh kompozitov [Types of semantic structures of German composites]. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Theoretical and Practical Issues]. 2014, no. 5-2 (35), pp. 110-113. (In Russ.).
6. Krupnova N. A. Kompozity nemetskogo yazyka : obshchaya kharakteristika [Composites of the German language: general characteristics]. *Aktual'nyye problemy gumanitarnykh i yestestvennykh nauk* [Current issues in the humanities and natural sciences]. 2013, no. 11-2, pp. 54-57. (In Russ.).
7. Kukushkina E. A., Samosudova L. V., Vechkanova M. I. Ekonomicheskiye nominativnyye kompozity v angliyskom i nemetskom yazykakh [Economic nominative compounds in English and German]. *Gumanitarnyye nauki i obrazovaniye* [Humanities and Education]. 2017, no. 4 (32), pp. 143-148. (In Russ.).
8. Pavlov V. M. Ponyatiye slovoobrazovatel'noy struktury slova i yego mesto v sisteme morfologicheskogo analiza [The concept of the word-formation structure of a word and its place in the system of morphological analysis]. *Morfologicheskaya struktura slova* [Morphological structure of the word]. Moscow, Nauka, 1970, pp. 47-78. (In Russ.).
9. Levkovskaya K. N. Teoriya slova. Printsipy yeye postroyeniya i obshchiye voprosy metodiki issledovaniya [Principles of its construction and general issues of research methodology]. Moscow, Vysshaya shkola, 1962, 296 p. (In Russ.).
10. Maslova N. A. Protsessual'nyye kompozity-nominalizatsii nemetskogo yazyka v sopostavitel'nom aspekte [Procedural composites-nominalizations of the German language in a comparative aspect]. *Inostrannyye yazyki v sovremennom mire: sostoyaniye i tendentsii razvitiya sistemy otsenivaniya v obrazovanii* [Foreign languages in the modern world: the state and development trends of the assessment system in education]. Kazan, Kazanskiy (Privolzhskiy) federal'nyy universitet, 2015, pp. 6-73. (In Russ.).
11. Muratova S. V. Kompozity s relyatsionnoy semantikoy v sovremennom nemetskom yazyke [Composites with relational semantics in modern German]. *Vestnik Nizhegorodskogo lingvisticheskogo universiteta im. N. A. Dobrolyubova* [Bulletin of the Nizhny Novgorod Linguistic University named after N. A. Dobrolyubov]. 2010, no. 12, pp. 78-85. (In Russ.).
12. Muryasov R. Z., Iskandarova G. R. Issledovaniye imennykh kompozitov v tekstakh novostnykh rassylok [A study of nominal compounds in newsletter texts]. *Doklady Bashkirskogo universiteta* [Reports of the Bashkir University]. 2019, vol., 4, no. 3, pp. 308-312. (In Russ.).
13. Nosacheva M. I. Izucheniye kompozitarnogo slovoobrazovaniya v russkom i nemetskom slovoobrazovanii [Study of composite word formation in Russian and German word formation]. *Byulleten' meditsinskikh internet-konferentsiy* [Bulletin of medical internet conferences]. 2015, vol., 5, no. 1, pp. 26-29. (In Russ.).
14. Ryabchenko N. V. Kompozity s defisom kak sposob oformleniya nemetskoy substantivnoy gruppy [Hyphenated compounds as a way of forming the German noun phrase]. *Baltiyskiy gumanitarnyy zhurnal* [Baltic Humanitarian Journal]. 2019, no. 3 (28), pp. 357-359. (In Russ.).
15. Sadykova A. G. Sistema substantivnogo slovoslozheniya v tyurkskikh i germanskikh yazykakh v sravnitel'no-tipologicheskoy aspekte [The system of substantive word composition in the Turkic and Germanic languages in a comparative typological aspect]. Doctoral dissertation. Kazan, 2002, 492 p. (In Russ.).
16. Cadykova A. G. Teoreticheskiye sistemy slovoslozheniya v tyurkskikh i germanskikh yazykakh [Theoretical systems of word composition in Turkic and Germanic languages]. *Filologiya i kul'tura* [Philology and Culture]. 2010, no. 2 (20), pp. 104-107. (In Russ.).

17. Stepanova M. D., Chernysheva I. I. *Leksikologiya sovremennogo nemetskogo yazyka* [Lexicology of the modern German language]. Moscow, Vysshaya shkola, 1962, 376 p. (In Russ.).

18. Chuchva L. M. *Kharakteristika substantivnykh kompozitov v nemetskom yazyke* [Characteristics of substantive compounds in the German language]. *Vestnik Khakasskogo gosudarstvennogo gosudarstvennogo universiteta im. N. F. Katanova* [Bulletin of the Khakass State University named after N. F. Katanov]. 2022, no. 3(41), pp. 69-76. (In Russ.).

19. Yakovlyuk A. N. *Analiz otechestvennykh i zarubezhnykh lingvisticheskikh issledovaniy funktsiy substantivnykh slozhnykh slov v sovremennom nemetskom yazyke* [Analysis of domestic and foreign linguistic studies of the functions of substantive compound words in the modern German language]. *Pechat' i slovo Sankt-Peterburga. Peterburgskiy chteniya - 2015* [The Press and Word of St. Petersburg. St. Petersburg Readings - 2015]. Saint Petersburg, Sankt-Peterburgskiy gosudarstvennyy universitet promyshlennykh tekhnologiy i dizayna, Vysshaya shkola pechati i mediatekhnologiy, 2016, pp. 182-186. (In Russ.).

20. Fleischer W. *Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache* / Wolfgang Fleischer / Irmhild Barz ; unter Mitarbeit von Marianne Schröder. 3., unveränd. Aufl. Tübingen, Niemeyer, 2007. 382 p.

Sources of illustrative material

1. LC - *Laboratoriya korpusnoy lingvistiki Leyptsigskogo universiteta* [LC – Laboratory of Corpus Linguistics, University of Leipzig]. (In Russ.). Available at: <http://www.wortschatz.uni-leipzig.de> (accessed: 21. 06. 2025).

Информация об авторе

И. В. Архипова – доктор филологических наук, профессор, кафедра романо-германских языков, Новосибирский государственный педагогический университет.

Information about the author

I. V. Arkhipova – *Grand Ph. D. (Philology), Professor, Department of Romano-Germanic Languages, Novosibirsk State Pedagogical University.*

Статья поступила в редакцию 15.04.2025; одобрена после рецензирования 25.04.2025; принята к публикации 25.07.2025.

The article was submitted 15.04.2025; approved after reviewing 25.04.2025; accepted for publication 25.07.2025.

Евразийский гуманитарный журнал. 2025. № 4. С. 46–55.
Eurasian Humanitarian Journal. 2025. No. 4. P. 46-55.

Научная статья

УДК 811.112.2'37

EDN: RXLIDL

doi:10.17072/2587-6589-2025-4-46-55

<https://elibrary.ru/rxlidl>

КОГНИТИВНЫЙ СЦЕНАРИЙ СИТУАЦИИ КАУЗАЦИИ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ МОДИФИКАЦИИ

Надежда Павловна Сюткина¹, Арина Алексеевна Афанасьева²

^{1,2} Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия

¹ nad975@yandex.ru

² arina-af@inbox.ru

Аннотация. В статье рассматривается когнитивный сценарий ситуации каузации эмоциональной модификации, который актуализируют эмотивные каузативы. Указанная ситуация является для них категориальной. Прототипическими участниками являются лицо, которое оказывает эмоциональное воздействие (каузатор) и лицо, на которое это воздействие оказывается (объект каузации). Поскольку любое воздействие как правило подразумевает инструмент, средство, с помощью которого оно совершается, следовательно, инструментальный компонент также относится к базовым участникам анализируемой ситуации. Способы актуализации инструмента в ситуации каузации эмоциональной модификации находятся в центре внимания в настоящей статье. Возможны эксплицитные и имплицитные способы его актуализации в высказывании. При эксплицитном способе все участники ситуации занимают позиции соответствующих членов предложения согласно своим семантическим ролям. К имплицитным способам относятся инкорпорация или сворачивание пропозициональной структуры. В таком случае инструмент включен в семантический потенциал других единиц и не требует экспликации. К неэксплицитным способам актуализации инструмента относится его инкорпорация в семантический потенциал глагола, который в таком случае имеет метафорический характер. Ситуация, описываемая глаголом с инкорпорированным инструментальным компонентом, не требует его дополнительной экспликации, но и не исключает его уточнения в случае необходимости. Инструментальный компонент может быть актуализирован также в позиции подлежащего, формально являясь каузатором, в таких случаях речь идет о свернутых пропозициональных структурах в целях языковой экономии. Каузатор актуализирует какую-либо сторону ситуации, связанную с одушевленным лицом. Такие структуры можно развернуть, так что каждый компонент ситуации займет свойственную ему позицию.

Ключевые слова: эмотив, эмотивный каузатив, когнитивный сценарий, инструментальность, инкорпорация, ситуация каузации эмоциональной модификации.

Для цитирования: Сюткина Н. П., Афанасьева А. А. Когнитивный сценарий ситуации каузации эмоциональной модификации // Евразийский гуманитарный журнал. 2025. № 4. С. 46–55. <https://doi.org/10.17072/2587-6589-2025-4-46-55>. EDN: RXLIDL

Original article

COGNITIVE SCRIPT OF THE SITUATION OF CAUSATION OF EMOTIONAL MODIFICATION

Nadezhda P. Siutkina¹, Arina A. Afanasyeva²

^{1,2} Perm State University, Perm, Russia

¹ nad975@yandex.ru

² arina-af@inbox.ru

Abstract. This article examines the cognitive scenario of a situation involving the causation of emotional modification, which is actualized by emotive causatives. This situation is categorical for them. The prototypical participants are the person who exerts the emotional influence (the causator) and the person upon whom this influence is exerted (the object of causation). Since any influence typically implies an instrument, the means by which it is accomplished, the instrumental component is also considered a basic participant in the analyzed situation. The methods of actualizing the instrument in the situation of causation of emotional modification are the focus of this article. Explicit and implicit methods of its actualization in an utterance are possible. In the explicit method, all participants in the situation occupy the positions of the corresponding members of the sentence according to their semantic roles. Implicit methods include incorporation or collapse of the propositional structure. In this case, the instrument is included in the semantic potential of other units and does not require explication. Non-explicit methods of instrumental actualization include its incorporation into the semantic potential of a verb, which in this case has a metaphorical nature. The situation described by a verb with an incorporated instrumental component does not require further explication, but also does not preclude its clarification if necessary. The instrumental component can also be actualized in subject position, formally acting as a causator. In such cases, we are talking about condensed propositional structures for the sake of linguistic economy. The causator actualizes some aspect of the situation associated with an animate person. Such structures can be expanded, so that each component of the situation occupies its proper position.

Keywords: emotive, emotive causative, cognitive script, instrumentality, incorporation, situation of causation of emotional modification.

For citation: Siutkina N. P., Afansyeva A. A. Cognitive Script of the Situation of Emotional Modification. Eurasian Humanitarian Journal. 2025;4:46-55. (In Russ.). <https://doi.org/10.17072/2587-6589-2025-4-46-55>. EDN: RXLIDL

Введение

Настоящее исследование посвящено категории эмотивной каузативности, актуализируемой в речи эмотивными каузативами (о категории эмотивной каузативности см. [Афанасьева 2024]). Категориальная семантика находит свое выражение в категориальных ситуациях, для эмотивных каузативов таковой является ситуация каузации эмоциональной модификации, она является для них доминантной, однако в речи, как правило, одновременно реализуются две и более категориальные ситуации, что приводит к межкатегориальному взаимодействию (о межкатегориальном взаимодействии см. [Архипова 2021, 2023, 2025; Архипова, Шустова 2021]).

Стереотипность ситуации подразумевает, что для целого класса (или нескольких классов) глаголов наличествует определенная общая схема развертывания всего процесса, то есть «каждая типовая ситуация формируется определенным минимальным набором компонентов – действующих лиц, их действий, предметов, состояний, отношений, свойств. Каждый компонент ситуации – исполнитель определенной роли, и эта роль постоянна относительно данной типовой ситуации» [Всеволодова, Яценко 2008: 9]. Важно подчеркнуть роль глагола в репрезентации пропозициональных смыслов, так как «глагол в свернутом виде способен отображать элементы представляемой ситуации <...>» [Плотникова 2005: 26]. Глагольный предикат, являясь ядром пропозиции, задает параметры ситуации, значение глагола «содержит в свернутом виде программу осуществления действия, состоящую из упорядоченных во времени эпизодов» [Плотникова 2012: 274]. Пропозициональные структуры динамически разворачиваются в виде сценариев. Под когнитивным сценарием в лингвистике понимаются структуры сознания, описывающие стереотипный ход развертывания событий, «концептуальную структуру для процедурного представления знаний о стереотипной ситуации или стереотипном поведении [Баранов 2001: 18].

Когнитивные сценарии актуализации различных категориальных ситуаций и их кроссинга активно исследуются (см., напр., [Шустова 2018; Шустова, Яхьяпур 2021; Яркова, Шустова 2025; Ву 2022, 2023]).

В фокусе нашего внимания находятся аспекты взаимодействия категории эмотивной каузативности и инструментальности. Инструментальность «отражает обобщённое типизированное представление об опосредствованном характере целенаправленной деятельности агентивного субъекта» [Ямшанова 1991: 33]. Способы актуализации участников инструментальной ситуации каузации эмоциональной модификации рассматриваются в настоящей статье.

Основная часть

Эмотивные каузативы актуализируют ситуацию каузации эмоциональной модификации. Эту ситуацию отличает интерперсональный характер, следовательно в качестве обязательных её участников рассматриваются каузатор и объект каузации. Первый оказывает воздействие на эмоции второго, с целью изменения его эмоционального состояния. Как и любое другое действие оно может совершаться с помощью инструмента. Соответственно инструмент является еще одним участником анализируемой ситуации. Для немецкого языка прототипическим способом актуализации инструментальной семантики являются предлоги *mit* + Dativ, *durch* + Akk. Поскольку эмоции – это неотъемлемая часть субъективного отражения любых объектов, явлений, ситуаций действительности, следовательно их бесконечное множество может послужить инструментом, средством воздействия на эмоционально-психическую сферу индивида. Это могут быть как абстрактные, так и конкретные предметы и явления. Так, к ядерной зоне базовых эмотивных каузативов немецкого языка относятся *erfreuen* и *verärgeren*. В приведённых ниже примерах с этими единицами наблюдается актуализация инструментального компонента ситуации, в качестве которого выступают абстрактные (*Darbietungen*), материальные (*Dividende*) средства, а также речь (*Äußerungen*).

Viele Veranstaltungen sind bereits im Jahresprogramm verzeichnet, und mit diesen Darbietungen wollen wir unser Publikum erfreuen [Kasse des Salzbachchores Bad Laer in neuen Händen. Neue Osnabrücker Zeitung, 17.01.2018] (dwds).

Deutschlands börsennotierte Unternehmen erfreuen ihre Aktionäre in diesem Jahr aller Voraussicht nach mit Dividenden in Rekordhöhe [Geldsegen für Aktionäre. Neue Osnabrücker Zeitung, 26.11.2016] (dwds).

Zu häufig hat der Lokalpolitiker seine Parteifreunde in der Vergangenheit mit öffentlichen Äußerungen verärgert [P. Starzmann: Palmer stinkt der Müll. Der Tagesspiegel, 14.12.2021] (dwds).

Каузатор в ситуации каузации эмоциональной модификации является лицом. В таком случае он может быть выражен личным местоимением или именем собственным, как в контекстах ниже:

Личное местоимение:

Dem hab ich aber heimgeleuchtet! (UL).

Sie werden mir die Werkzeuge und das Wissen geben, um mich als Fahrer weiterzuentwickeln, während wir uns gegenseitig anspornen, uns zu verbessern [www.derwesten.de, gesammelt am 14.09.2024] (LCC).

Er spricht ruhig und bedächtig, das Publikum peitscht er nicht an [Die Zeit, 26.04.2010, Nr. 17] (dwds).

– *Er hat an Selbstironie zugelegt und die Amerikaner ein bisschen veräppelt, zum Beispiel, wenn sie wissen wollten, ob Rafa die US Open jetzt endlich lieb habe* [New York geht fremd. Süddeutsche Zeitung, 15.09.2010] (dwds).

Имя собственное:

Dazu ist Schallenberg nicht der Spielertyp, der das Spiel ganz alleine ankurbeln kann [www.derwesten.de, gesammelt am 13.03.2024] (LCC).

Beatrice flammte mich an mit ihren indianischen Augen, das spornte mich unerhört [Thelen A.V. Die Insel des zweiten Gesichts, 1953. S. 223] (dwds).

*Vor dem Fernsehschirm hatten sich der **Musical Star Lou Holtz** und **Show-Maestro Jack Paar** gegenseitig wegen ihrer Ungeschicklichkeit an der Börse **angepflaumt*** [Der Börsentip auf dem Fernsehschirm. Die Zeit, 24.02.1961] (dwds).

Также к эксплицитным способам актуализации каузатора-лица относятся любые способы обозначения человека, например, по профессии (*Verleger, Sänger, Trainer, Kommentator*, и т. п.), роду занятий либо совершаемых действий (*Tierschützer, Autofahrer, Mitarbeiter, Leserbriefschreiber, Anrufer, Politiker, Stalker, Sozialministerin*, и т. п.), по обозначению статуса лица: возрастной (*Teens, der Alte, Kinder, Jugendliche, Heranwachsende* и т. п.), семейный (*Mama, Vater, Eltern, Opa, Oma, Bruder, Schwester, Schwiegermutter* и т. п.), социальный (*Spießer, Bürger, Promis, Star, Frischling* и т. п.), юридический (*Augenzeugin*), по обозначению его состояния (*Betrunkene, Kranke*) либо местоположения (*Anwohner, Nachbar*) и т. п. Примеры эксплицитного способа актуализации каузатора в контекстах приведены ниже:

*“That was nothing”, **nölt Sänger Chris Cornell** nach dem furiosen Beginn in die johlende Menge* [J. Schindler: Brachland. “Soundgarden” mit Suizid-Rock und lauer Luft in der Neu-Isenburger Hugentottenhalle. Frankfurter Rundschau, 05.10.1996] (dwds).

*Die Männer trugen alberne Pseudonyme wie Nicki Sixx und Mick Mars, die Gitarren klangen wie kaputte Rasierapparate, **der Sänger nölte** mit bestürzend dünner Quäkstimme* [M. Crüe. Süddeutsche Zeitung, 07.12.2011] (dwds).

Jeweils **zwei junge Frischlinge** traten ins Rund der Bühne, standen unsicher herum und **pflaumten** sich gegenseitig **an**, auf ziemlich niedrigem Niveau [Moers W. Die 13 1/2 Leben des Käpt'n Blaubär, 1999] (dwds).

Каузатор может быть представлен **группой лиц** (Öffentlichkeit, Ensemble, Liebespaar, Publikum, Fußvolk и т. п.):

*Mit einem fast reinen Mozartprogramm auf historischen Instrumenten **beglückt uns das Ensemble Parthia Musica*** [Mozart in Köpenick. Der Tagesspiegel, 26.07.2009] (dwds).

*Und während der Kaiser sich am liebsten in Admiralsuniform darstellen ließ, **vergnügte sich das Fußvolk** in blau-weißer Matrosentracht* [Frankfurter Rundschau, 16.10.1997] (dwds).

К неэксплицитным способам актуализации каузатора-лица относятся такие, когда формально субъект выражен неодушевленным именем существительным, за которым, однако, подразумевается лицо или группа лиц, а именно: *страна, государство, орган управления, партия, организация, предприятие, общество, вид деятельности, населенный пункт*, и т. п. (*Deutschland, Bundesrepublik, SPD, Rat, Siemens, Menschenrechtsorganisation, Berlin, Tourismus* и т. п.). В таком случае речь идет о метонимическом переносе значения, лицо (лица) непосредственно выполняющее действие не обозначены в высказывании в целях языковой экономии, но при разворачивании пропозициональной структуры становятся очевидны. Например:

– ***Dänemark** will nach den Corona-Einschränkungen den Tourismus wieder **ankurbeln*** – und davon profitieren auch deutsche Urlauber im Sommer. [Der Tagesspiegel, 26.06.2020] (dwds).

– ***Elektroverband** **geißelt** Technologiepolitik* [15 Milliarden Euro für die Forschung. Die Welt, 28.08.2006] (dwds).

– ***CDU-Wirtschaftsrat** **geißelt** Merkels Euro-Kurs* [D. Siems: CDU-Wirtschaftsrat geißelt Merkels Euro-Kurs. Die Welt, 25.06.2018] (dwds).

– *Die amerikanische **Menschenrechtsorganisation** Human Rights Watch hat die zunehmende Gewalt gegen Straßenkinder in Brasilien **angeprangert*** [Frankfurter Allgemeine Zeitung, 20.03.1995] (dwds).

– *Viele **PC-Shops** veräppeln ihre Kunden nach Strich und Faden; hier herrschen Wildwest-Manieren* [C't, 1997, Nr. 16] (dwds).

В приведенных выше контекстах субъект представляет собой свернутые метонимические структуры: **Dänemark** – лица, отвечающие за принятие решений, касающихся всей страны; **Elektroverband** – лица, отвечающие за политику всего предприятия; **CDU-Wirtschaftsrat** – члены структурного подразделения, органа партии; **PC-Shops** – сотрудники магазинов, занимающиеся продажей персональных компьютеров.

Метонимический перенос с целого на часть имеет место в тех случаях, когда в качестве каузатора выступают характеристики, свойства, качества, действия субъекта либо результат действия лица (*Lob, Zuspruch, Kreativität, Eitelkeit, Ehrgeiz, Anwesenheit* и т. п.).

Erst Herzogs Theatralik habe das Publikum in Bremen aufgeputscht, den Schiedsrichter beeinflusst, aus dem Regisseur Herzog sei durch eine schauspielerische Glanzleistung der Märtyrer Herzog geworden [Die Lederhose wird zur Spendierhose. Frankfurter Allgemeine Zeitung, 15.09.1993] (dwds).

Lob beflügelt, Lob spornt an zu höchster Leistung, ein kleiner Erfolg zieht einen größeren nach sich [Süddeutsche Zeitung, 28.09.1995] (dwds).

Er vertraute darauf, mit international ausgerichteten Profis zusammenzutreffen, und war um so positiver überrascht, dass sich da sogar echte Überzeugungstäter eingefunden hatten, deren Kreativität und Sensibilität ihn zu Höchstleistungen anspornten [Frankfurter Rundschau, 19.04.1997] (dwds).

Пропозиция в этом случае включает лицо, к которому относится обозначенная характеристика, средство воздействия становится формальным подлежащим, то есть каузатором. Так, в примерах выше пропозицией является: субъект воздействует на группу объектов, в качестве средства воздействия выступают его качества (*Theatralik, Kreativität, Sensibilität*) или действия (*Lob*).

Также интерперсональные отношения реализуются в ситуациях, если синтаксически позицию подлежащего занимает существительное, семантика которого предполагает участие человека: *Konkurrenzkampf, Konkurrenz, Rivalität, Aussicht, Resonanz, Auszeichnung, Wettbewerb, Erfolg, Misserfolg, Ungerechtigkeit* и т. п.:

Der gnadenlose Konkurrenzkampf spornt sie zu immer größeren technischen Meisterleistungen an [Duell der Giganten. Süddeutsche Zeitung, 08.04.2015] (dwds).

Die Rivalität zwischen SpaceX und Blue Origin dürfte beide Firmen zu Höchstleistungen angespornt haben [Amazon greift Starlink an. Neue Zürcher Zeitung, 07.04.2022] (dwds).

Auch die Tschechen spornt die Aussicht an, einen Legendenstatus wie Karel Poborsky oder Pavel Nedved zu erlangen [Zwergenaufstand. Frankfurter Rundschau, 02.07.2021] (dwds).

Mutproben, extrem viel Alkohol trinken, wildes Autofahren – die Aussicht, von Freunden und Gleichaltrigen bewundert zu werden, spornt Teenies zum Wagemut an [S. Weimer: Der große Umbau im Teenie-Hirn. Die Welt, 20.05.2014] (dwds).

Die positive Resonanz der Zuhörer spornt sie und die anderen an, täglich zu üben [Freundliche Flötentöne. Frankfurter Rundschau, 07.11.2009] (dwds).

В таких случаях каузатор (лицо) имплицирован в семантику подлежащего. Дефиниции подтверждают, что ситуация, обозначаемая соответствующим существительным, требует участия в ней человека: **Konkurrenzkampf** – 1. *Kampf um die Vorrangstellung zwischen Konkurrenten; Rivalitätskampf zwischen Menschen, Tieren, Pflanzen (um die Sicherung einer Vorrangstellung, um die Nutzung einer Ressource o. Ä.)* 2. Wirtschaft (strategisch ausgerichteter) Wettbewerb konkurrierender Anbieter von Waren oder Dienstleistungen um Marktanteile und die Sicherung ihrer wirtschaftlichen Vorrangstellung (dwds); **Rivalität**: (bildungssprachlich) *Kampf um den Vorrang* (dwds). В случае метафорического переноса из сферы физической в сферу психическую, существительное обозначает способность, свойственную человеку, как например: **Resonanz**: 1. *durch Wellen gleicher Schwingungszahl hervorgerufenes Mittönen, Mitschwingen eines anderen Körpers* 2. [übertragen] *Widerhall, Verständnis, Zustimmung* (dwds); **Aussicht** – 1. *begründete Hoffnung, wahrscheinliche Zukunft* 2. *Rundblick, Ausblick, Fernblick* (UL). Таким образом, ситуация, обозначаемая подобными существительными, носит антропоморфный характер.

Объект каузации в анализируемой ситуации также является лицом. Прототипическим способом актуализации интерперсональной семантики являются **личные местоимения, имена собственные**.

Seit gestern morgen erfreuen sie uns mit dem schönsten Konzert [Kriegsbriefe gefallener Studenten, München: Müller 1928 [1916], S. 223] (dwds).

Er sah Rot, was den Bayer-Sportdirektor Rudi Völler masslos erzürnte [Sonderbare Renaissance. Neue Zürcher Zeitung, 20.09.2011] (dwds).

Объект каузации может быть актуализирован как обозначение: рода занятий или совершаемых действий (*Tierschützer, Kleinaktionär, CDU-Politiker, Fernseh Zuschauer, Hörer, Zuschauer, Passant, Autofahrer*), национальности и места жительства (*Ägypter, Franzose, Chinese, Anwohner*), религиозной принадлежности (*Muslim*), семейного статуса (*Mama, Eltern, Sohn, Tochter*), политических убеждений и взглядов (*Konservative, Aktivist, Parteifreund, Nationalist*), социального статуса (*Untertan, Bürger, Stammwähler, Gewerkschafter, Mitreisende*), возрастного статуса (*Mädchen, Kinder, Jugendliche, Kleine, Erwachsene*), характеристика привычек и склонностей (*Nichtraucher, Moralist*), взаимоотношений и социальных ролей (*Fan, Mitmensch, Daheimgebliebene, Genosse, Ex-Freundin*) и т. д. Лексико-семантическая группа человек чрезвычайно обширна и включает в себя множество разрядов, которые дают субъективно-оценочную, социальную, физическую и тому подобные характеристики человека. Лексические единицы этой семантической группы могут эксплицитно актуализировать объект каузации.

К эксплицитным способам относится также обозначение в качестве объекта воздействия **группы лиц**: *Menschheit, Leserschaft, Wahlvolk, Klientel, Publikum, Fangemeinde, Öffentlichkeit, Leute, Kundschaft, Damenwelt* и т. п.

К имплицитным способам обозначения лица относятся случаи метафорического и метонимического переноса, когда в качестве объекта воздействия указываются такие объекты действительности, за которыми стоят те или иные общности людей: организации (*Partei*), предприятия (*Volkswagen*), органы власти и управления (*Schutzmacht, Zentralrat*), области деятельности (*Urheberrecht, Wirtschaft*), страны (*China, Deutschland, Mitgliedstaat*), города (*Peking*), социальные группы (*Generation, Zielgruppe, Prominenz*) и т. п.

Одушевленный объект каузации имеет место в том случае, когда он обозначен существительным, обозначающим ту или иную физическую или психическую характеристику, аспекты жизни, присущие человеку: *Neugier, Gemüt, Phantasie, Beachtung, Akzeptanz, Aufmerksamkeit, Alltag* и т. п.

Seit 1998 verleiht Karl Oertl im Namen der Bornheimer Karnevalsgesellschaft 1901 den Orden an eine Person aus Frankfurt, die "den grauen Alltag durch Spaß, Humor und Frohsinn aufheitert" [Über den Spielfeldrand hinaus. Frankfurter Rundschau, 23.02.2015] (dwds).

Der 66 Milliarden Dollar schwere Zusammenschluss regt die Gemüter so sehr auf, dass Mitarbeiter vor der Linde-Zentrale am Viktualienmarkt dagegen demonstrierten [Ein Mann, ein Weg. Süddeutsche Zeitung, 06.05.2017] (dwds).

Возможны такие случаи метонимии, когда части человека (*Herz, Auge, Ohr, Nerv*), на которые непосредственно направленно воздействие, актуализирует его как объект каузации в целом.

Damals jedoch reizte der Zensus einen bürgerschaftlichen Nerv – und immerhin schuf das Bundesverfassungsgericht daraufhin das Grundrecht auf informationelle Selbstbestimmung, besser bekannt als Datenschutz [Ch. Drösser: Stimmt's? Die Zeit, 20.01.2022] (dwds).

Denn einerseits erfreuen immer neue Erweiterungen des HTML-Standards das Auge beziehungsweise das Ohr [C't, 1996, Nr. 11] (dwds).

Способы актуализации каузатора и объекта каузации имеют схожий характер, что объясняется интерперсональным характером каузативной ситуации – она имеет место в случае взаимодействия двух лиц. Способы обозначения лица при обозначении и субъекта и объекта действия имеют общие черты.

Инструмент каузации в ситуации каузации эмоциональной модификации также может носить эксплицитный и имплицитный характер. К эксплицитным способам относится прототипическое обозначение инструмента предложной группой существительного, в немецком языке инструментальная семантика присуща предлогам *mit* и *durch*, для эмотивных каузативов также *über* и *an*.

*Diese Bar hatte unter verschiedenen Namen seit 1959 ihre überwiegend männliche Kundschaft **mit Darbietungen erfreut**, die in den Anfangsjahren züchtig als "Schönheitstanz" bezeichnet wurden* [Restaurant Taj Mahal schließt Filiale an der Hasestraße. Neue Osnabrücker Zeitung, 08.09.2022] (dwds).

*Es ist also schon so weit gekommen, dass Huub Stevens bereits **durch bloße Anwesenheit provoziert*** [S. Hermanns: Meister im Kämpfen. Der Tagesspiegel, 18.10.2003] (dwds).

*Ich **ärger** mich beim Training **über jede Kleinigkeit*** [Bild, 23.09.1999] (dwds).

В качестве инструмента может выступать опредмеченное средство (*mit Dividenden, mit Geld, mit Geschenk*).

*Man fühlt sich permanent an Weihnachten, wenn man in Zeiten des Online-Handels laufend **mit Geschenken beglückt** wird – obgleich man sie sich selber macht* [Die permanente Bescherung. Neue Zürcher Zeitung, 21.12.2019] (dwds).

В качестве неопредмеченного средства воздействия рассматриваются: действия (*mit Fußball, mit Vorstoß, mit Lärm, mit Anruf, mit Aktion*), жесты (*mit Geste, mit Drohgebärde*), мимика (*mit Lächeln, mit Blick*), речевые действия (*mit These, mit Bemerkung, mit Äußerung, mit Spruch, mit Behauptung*), поведение (*durch Anwesenheit, durch Verhalten*).

*Winterbottom **provoziert** die Zuschauer-Empörung **mit der Geste*** [Der Tagesspiegel, 15.02.2006] (dwds).

Mit seinen Drohgebärden** ("Ausschluss von TV-Kameras") und verbalen Rundumschlägen hat er die DFB-Führung in Frankfurt um Marketing-Direktor Wilfried Straub **verärgert [Frankfurter Allgemeine Zeitung, 26.07.1999] (dwds).

*Parteirebellin Gabriele Pauli hat **mit ihrem Vorstoß** nicht nur Stoiber **verärgert**, sondern auch die Landtagsfraktion. Die Kraftzentren der CSU* [Die Welt, 29.12.2006] (dwds).

*Mit mutigem **Offensivfußball** möchte der SC Paderborn seine Fans **begeistern** – das ist untypisch für einen Aufsteiger. Zuversicht für die Romantiker* [Der Tagesspiegel, 19.01.2020] (dwds).

*Bouhaddouz ist gerade schwer verstimmt, **mit grimmigem Blick und abfälligen Gesten** bedenkt er Mitspieler, die ihn bei einem Angriff übersehen haben* [Kurz mal die Hacke. Süddeutsche Zeitung, 10.04.2017] (dwds).

При неэксплицитном способе актуализации каузатора, когда он выражен с помощью метонимического переноса, инструмент имплицирован в формальный субъект высказывания, который, однако, можно развернуть в полную структуру «субъект + инструмент».

– ***Salvinis Triumphgeheul ärgerte** die Franzosen ganz fürchterlich: "Verantwortungslos" seien die Italiener, "unmenschlich" auch* [Melonis Migrations-Mythen. Süddeutsche Zeitung, 25.11.2022] (dwds).

Пропозиция предложения представляет собой прототипический сценарий ситуации: каузатор – *Salvini*, объект каузации – *die Franzosen*, инструмент каузации – *mit Triumphgeheul*, отрицательное эмоциональное воздействие актуализировано эмотивным каузативом *ärgern*.

*Vielleicht **spornt Hildes Erfolg** jetzt **die ärgerte anderen an*** [Bild, 30.01.2001] (dwds).

В приведенном выше контексте в свернутом виде также представлен прототипический сценарий каузации эмоциональной модификации на примере глагола *spornen*. Здесь каузатор – *Hilde*, генерализованный объект каузации – *die anderen*, инструмент каузации – *mit ihrem Erfolg*. Инструмент каузации может быть инкорпорирован в семантический потенциал глагола. Инкорпорантами могут быть опредмеченные средства: *anspornen, aufpeitschen, geißeln, knuten, ankurbeln, anprangern, anpflaumen, veräppeln*; субстанция: *anblasen, angiften, schüren, entfachen, anheizen*; части тела: *knutschen, knuddeln, umschlingen, hochnehmen, abbüßeln, wachküssen*; мимика: *angrinsen, anlächeln, anschmunzeln*; субъект: *meckern, becmessern*; речь: *anschreien, ausbuhen, anbrummen, ankeifen, motzen, murren, anmeckern*; насмешка: *veralbern, verulken, witzeln, verhöhnen, verjuxen*.

В случае такой инкорпорации инструмент в высказывании не эксплицируется, присутствуют субъект и объект каузации.

Er spornte sie an und ermutigte sie, zu schreiben [Talentiert und erfolgreich. Der Tagesspiegel, 11.04.2004] (dwds).

Gleich sechs Mal busselte Prinz Félix von Luxemburg (29, Nr. 2 der Thronfolge) seine Braut nach der Trauung [Bild, 18.09.2013] (dwds).

Mit ausgebreiteten Armen grinst Heike H. den Priester höhnisch an [Bild, 22.05.2008] (dwds).

Важно отметить, что большинство глаголов с инкорпорированным актантом инструментом имеет метафорический характер, их семантика отражает когнитивный перенос из сферы физической в сферу эмоций. Поэтому отмечаются случаи экспликации инструмента, когда важно указать не только на сам факт эмоционального воздействия, но и на средство этого воздействия, поскольку оно будет отличаться от того, которое заложено в семантику глагола инкорпорированным элементом.

Dem 34jährigen Dier käme es nie in den Sinn, wie Font de Mora seinen Zögling mit unflätigen Worten anzuspornen [Frankfurter Allgemeine Zeitung, 18.01.2007] (dwds).

Man muss sich nur einmal ansehen, mit welch sarkastischem Furor Enzensberger das literarische Angebot des Versandhauses geißelte [Die Quelle unserer besten Jahre ist versiegt. Frankfurter Allgemeine Zeitung, 20.06.2009] (dwds).

В приведённых выше контекстах инструмент представляет собой не материальное средство, а непредметный способ.

Заключение

К базовым компонентам категориальной ситуации каузации эмоциональной модификации относятся каузатор, объект каузации, инструмент каузации. В высказывании они могут быть выражены эксплицитно, в таком случае каузатор занимает синтаксическую позицию подлежащего, объект каузации – прямого дополнения, а инструмент актуализируется предложной группой. При неэксплицитном способе актуализации инструмента он может быть инкорпорирован в семантический потенциал глагола, который в таком случае имеет метафорический характер. Ситуация, описываемая глаголом с инкорпорированным инструментальным компонентом, не требует дополнительной его экспликации, но и не исключает его уточнения в случае необходимости. Инструментальный компонент может быть актуализирован также в позиции подлежащего, формально являясь каузатором, в таких случаях речь идет о свернутых пропозициональных структурах в целях языковой экономии. Каузатор актуализирует какую-либо сторону ситуации, безусловно связанную с одушевленным лицом – его действие, характеристику, качество и т. п. Однако эти структуры могут быть снова развернуты до полных, где каждый компонент ситуации занимает свойственную ему позицию.

Список литературы

1. Архипова И. В. Таксис и межкатегориальная инклюзия // Гуманитарные исследования. 2021. № 3(79). С. 11–14.
2. Архипова И. В. Таксис и межкатегориальное взаимодействие. Новосибирск : Новосибирский государственный педагогический университет, 2023. 178 с.
3. Архипова И. В. Категория таксиса как семантический фокус межкатегориального взаимодействия // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. 2025. Т. 35, № 2. С. 447–451.
4. Архипова И. В., Шустова С. В. Межкатегориальное взаимодействие в функциональной грамматике. Пермь : Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2021. 252 с.
5. Афанасьева А. А. Функциональные особенности эмотивных каузативов : на материале русского и испанского языков : дисс. ... канд. филол. н. Пермь, 2024. 242 с.

6. Баранов А. Н. Введение в прикладную лингвистику. М. : Эдиторал УРСС, 2001. 360 с.
7. Всеволодова М. В., Яценко Т. А. Причинно-следственные отношения в современном русском языке. М. : Изд-во ЛКИ. 2008. 208 с.
8. Ву Н. И. К. Русские глаголы издеваться и измываться: лингвокогнитивный аспект // Когнитивные исследования языка. 2022. № 2(49). С. 321–326.
9. Ву Н. И. К. Когнитивно-дискурсивный анализ русского глагола задеть // Когнитивные исследования языка. 2023. № 3-2(54). С. 100–105.
10. Плотникова А. М. Когнитивные аспекты изучения семантики (на материале русских глаголов) : учебное пособие. Екатеринбург: Уральский университет. 2005, 140 с.
11. Плотникова А. М. Когнитивный анализ многозначных глаголов (на материале русских глаголов социальных действий и отношений) // Функционально-когнитивный анализ языковых единиц и его аппликативный потенциал. Барнаул : Алтайский государственный педагогический университет, 2012. С. 274–275.
12. Шустова С. В. Когнитивный сценарий каузативной ситуации // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2018. Т. 4, № 3. С. 46–59.
13. Шустова С. В., Яхьяпур М. Актуализация категории инструментальности // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2021. Т. 7, № 2. С. 95–103.
14. Ямшанова В. А. Категория инструментальности в немецком языке. Л. : Ленинградский финансово-экономический институт. 1991. 159 с.
15. Яркова В. В., Шустова С. В. Непрототипическая категориальная ситуация инструментальности (на примере глагола русского языка «гилить») // Вестник Челябинского государственного университета. 2025. № 5(499). С. 42–49.
16. dwds.de – электронный корпус немецкого языка. URL: <https://www.dwds.de/> (дата обращения: май 2025).
17. Leipzig Corpora Collection – электронный корпус языков Leipzig Corpora Collection. URL: <https://corpora.uni-leipzig.de/> (дата обращения: май 2025).
18. UL – Universal Lexikon. URL: <https://1703.slovaronline.com/> (дата обращения: май 2025).

References

1. Arkhipova I. V. Taksis i mezhkategorial'naya inklyuziya [Taxis and intercategory inclusion]. *Gumanitarnyye issledovaniya* [Humanitarian studies]. 2021, no. 3(79), pp. 11-14. (In Russ.).
2. Arkhipova I. V. Taksis i mezhkategorial'noye vzaimodeystviye [Taxis and intercategory interaction]. Novosibirsk, Novosibirskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet, 2023, 178 p. (In Russ.).
3. Arkhipova I. V. Kategoriya taksisa kak semanticheskiy fokus mezhkategorial'nogo vzaimodeystviya [The category of taxis as a semantic focus of intercategory interaction]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya: Istoriya i filologiya* [Bulletin of Udmurt University. Series: History and Philology]. 2025, vol., 35, no. 2, pp. 447-451. (In Russ.).
4. Arkhipova I. V., Shustova S. V. Mezhkategorial'noye vzaimodeystviye v funktsional'noy grammatike [Intercategorical interaction in functional grammar]. Perm, Permskiy gosudarstvennyy natsional'nyy issledovatel'skiy universitet, 2021, 252 p. (In Russ.).
5. Afanas'yeva A. A. Funktsional'nyye osobennosti emotivnykh kauzativov: na materiale russkogo i ispanskogo yazykov [Functional features of emotive causatives: based on the Russian and Spanish languages]. PhD thesis, Perm, 2024, 242 p. (In Russ.).
6. Baranov A. N. Vvedeniye v prikladnuyu lingvistiku [Introduction to Applied Linguistics]. Moscow, Editorial URSS, 2001, 360 p. (In Russ.).
7. Vsevolodova M. V., Yashchenko T. A. Prichinno-sledstvennyye otnosheniya v sovremennom russkom yazyke [Cause-and-effect relationships in modern Russian]. Moscow, LKI, 2008, 208 p. (In Russ.).
8. Vu N. I. K. Russkiye glagoly izdevat'sya i izmyvat'sya: lingvokognitivnyy aspekt [The Russian verbs “izdevat” (to mock) and “izmyvat” (to mock): a linguocognitive aspect]. *Kognitivnyye issledovaniya yazyka* [Cognitive studies of language]. 2022, no. 2(49), pp. 321-326. (In Russ.).
9. Vu N. I. K. Kognitivno-diskursivnyy analiz russkogo glagola zadet' [A cognitive-discursive analysis of the Russian verb “to touch”]. *Kognitivnyye issledovaniya yazyka* [Cognitive studies of language]. 2023, no. 3-2(54), pp. 100-105. (In Russ.).

10. Plotnikova A. M. Kognitivnyye aspekty izucheniya semantiki (na materiale russkikh glagolov) [Cognitive aspects of the study of semantics (based on Russian verbs)]. Yekaterinburg, Ural'skiy universitet, 2005, 140 p. (In Russ.).
11. Plotnikova A. M. Kognitivnyy analiz mnogoznachnykh glagolov (na materiale russkikh glagolov sotsial'nykh deystviy i otnosheniy) [Cognitive analysis of polysemantic verbs (based on Russian verbs of social actions and relationships)]. *Funktsional'no-kognitivnyy analiz yazykovykh yedinit i yego aplikativnyy potentsial* [Functional-cognitive analysis of linguistic units and its applicative potential]. Barnaul, Altayskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet, 2012, pp. 274-275. (In Russ.).
12. Shustova S. V. Kognitivnyy stsensariy kauzativnoy situatsii [Cognitive scenario of a causative situation]. *Nauchnyy rezul'tat. Voprosy teoreticheskoy i prikladnoy lingvistiki* [Research result. Issues of theoretical and applied linguistics]. 2018, vol., 4, no. 3, pp. 46-59. (In Russ.).
13. Shustova S. V., Yakh'yapur M. Aktualizatsiya kategorii instrumental'nosti [Updating the instrumentality category]. *Nauchnyy rezul'tat. Voprosy teoreticheskoy i prikladnoy lingvistiki* [Research result. Issues of theoretical and applied linguistics]. 2021, vol., 7, no. 2, pp. 95-103. (In Russ.).
14. Yamshanova V. A. Kategoriya instrumental'nosti v nemetskom yazyke [The category of instrumentality in German]. Leningrad, Leningradskiy finansovoeconomicheskiiy institut, 1991, 159 p. (In Russ.).
15. Yarkova V. V., Shustova S. V. Neprototipicheskaya kategorial'naya situatsiya instrumental'nosti (na primere glagola russkogo yazyka "gilit") [A non-prototypical categorical situation of instrumentality (using the example of the Russian verb "gilit")]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University]. 2025, no. 5(499), pp. 42-49. (In Russ.).
16. dwds.de - elektronnyy korpus nemetskogo yazyka [dwds.de – Electronic Corpus of the German Language]. (In Russ.). Available at: <https://www.dwds.de/> (accessed: may 2025).
17. Leipzig Corpora Collection - elektronnyy korpus yazykov Leipzig Corpora Collection [Leipzig Corpora Collection - Electronic Language Corpus Leipzig Corpora Collection]. (In Russ.). Available at: <https://corpora.uni-leipzig.de/> (accessed: may 2025).
18. UL - Universal Lexikon. (In Russ.). Available at: <https://1703.slovaronline.com/> (accessed: may 2025).

Информация об авторах

- Н. П. Сюткина** – кандидат филологических наук, доцент, кафедра лингвистики и перевода, Пермский государственный национальный исследовательский университет;
- А. А. Афанасьева** – кандидат филологических наук, кафедра лингвистики и перевода, Пермский государственный национальный исследовательский университет.

Information about the authors

- N. P. Syutkina** – Ph. D. (Philology), Associate Professor, Department of Linguistics and Translation, Perm State University;
- A. A. Afanasyeva** – Ph. D. (Philology), Department of Linguistics and Translation, Perm State University.

Статья поступила в редакцию 10.05.2025; одобрена после рецензирования 25.06.2025; принята к публикации 25.08.2025.

The article was submitted 10.05.2025; approved after reviewing 25.06.2025; accepted for publication 25.08.2025.

Евразийский гуманитарный журнал. 2025. № 4. С. 56–62.
Eurasian Humanitarian Journal. 2025. No. 4. P. 56-62.

Научная статья
УДК 811.111'38
EDN: SAFFHF
doi:10.17072/2587-6589-2025-4-56-62

<https://elibrary.ru/saffhf>

ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ГАЗЕТНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО СТИЛЯ АНГЛИЙСКОЙ РЕЧИ

Людмила Ильинична Власова¹, Анастасия Денисовна Быкова²

^{1,2} Самарский государственный социально-педагогический университет, Самара, Россия

Аннотация. Газетно-публицистический стиль является стилем журналов и газет, доступных широкой аудитории читателей, что определяет требования к языковому наполнению текстов данного жанра. Характеристики этого стиля включают использование эмоционально-окрашенной лексики, образных средств, элементов неофициального диалога и терминологии, связанной с социальными и политическими процессами. Тексты, написанные в газетно-публицистическом стиле, несут в себе множество задач и функций для общества. Они занимаются распространением и объяснением информации, формированием общественного мнения через систему оценок и комментариев, призывают читателей к определенным действиям и расширяют кругозор, обладая образовательной ценностью. Они также способствуют культурному обогащению и развлечению аудитории, придавая материалу художественное качество. В их задачи входит не только передача фактов, но и активное воздействие на восприятие и настроения читателей. Тексты данного стиля содержат различные типы лексики: общеупотребительную, так как повествование ведется с описанием общепринятых понятий, действий людей, и специализированную, под которой подразумеваются термины и терминологические словосочетания определенной сферы деятельности. В данной статье проводится исследование языковых особенностей современного газетно-публицистического стиля на материале онлайн-публикаций издания Forbes в рубрике Lifestyle. Статьи в этой рубрике отражают особенности образа жизни жителей Америки и других стран мира, соответственно используется языковой материал, отражающий национально-культурные особенности носителей английского языка. В ходе исследования было выявлено, что англоязычные тексты рубрики Lifestyle содержат средства выразительности, среди которых можно отметить эпитеты, метафоры, синонимы и антонимы, придающие эмоциональность, выразительность и художественную образность, а также риторические вопросы, выступающие средством аттрактивности.

Ключевые слова: газетно-публицистический стиль, гляцевый журнал, авторский эпитет, лексические особенности, синтаксические особенности.

Для цитирования: Власова Л. И., Быкова А. Д. Языковые особенности газетно-публицистического стиля английской речи // Евразийский гуманитарный журнал. 2025. № 4. С. 56–62. <https://doi.org/10.17072/2587-6589-2025-4-56-62>. EDN: SAFFHF

Original article

LINGUISTIC PECULIARITIES OF THE NEWSPAPER AND JOURNALISTIC STYLE OF ENGLISH SPEECH

Lyudmila I. Vlasova¹, Anastasiya D. Bykova²

^{1,2} Samara State University of Social Sciences and Education, Samara, Russia

Abstract. The newspaper and journalistic style is the style of magazines and newspapers that are accessible to a wide audience of readers, which determines the requirements for the linguistic content of news genres. The characteristics of this style include the use of emotionally colored vocabulary, figurative means, elements of informal dialogue, and terminology related to social and political processes. Texts written in a newspaper-journalistic style carry many tasks and functions for society. They are engaged in the dissemination and explanation of information, the formation of public opinion through a system of ratings and comments, encourage readers to take certain actions, and broaden their horizons, having educational value. They also contribute to the cultural enrichment and entertainment of the audience, giving the material an artistic quality. Their tasks include not only conveying facts, but also actively influencing readers' perceptions and moods. Texts of this style contain various types of vocabulary: common, since the narrative is conducted with a description of generally accepted concepts, actions of people, and specialized, which refers to terms and terminological phrases of a particular field of activity. The study of the linguistic peculiarities of the modern newspaper and journalistic style is carried out in this article based on the material of online publications of the Forbes edition in the Lifestyle section. The articles in this section reflect the peculiarities of the lifestyle of Americans and other countries of the world, respectively, language material is used that reflects the national and cultural characteristics of native English speakers. The study revealed that the English-language texts of the Lifestyle heading contain means of expression, among which are epithets, metaphors, synonyms and antonyms that impart emotionality, expressiveness and artistic imagery and some rhetorical questions as a means of attraction.

Keywords: newspaper and journalistic style, glossy magazine, author's epithet, lexical features, syntactic features.

For citation: Vlasova L. I., Bykova A. D. Linguistic Peculiarities of the Newspaper and Journalistic Style of English Speech. Eurasian Humanitarian Journal. 2025;4:56-62. (In Russ.). <https://doi.org/10.17072/2587-6589-2025-4-56-62>. EDN: SAFFHF

Введение

Одним из распространенных источников получения информации в современном мире являются печатные средства информации, повествующие о событиях, происходящих в мире, текущих проблемах, новостях из различных сфер деятельности. Стиль текстов публикаций этих медиаресурсов является газетно-публицистическим, и он свойственен не только газетам, но и журналам различного формата и жанра. На сегодняшний день достаточно активно изучается публицистика глянцевого журналов как источников получения информации о жизни людей, технологических достижениях и о многом другом, что определяет необходимость изучения лингвистических характеристик глянцевого журналов.

Газетно-публицистический стиль, используемый в текстах публикаций глянцевого журналов, включает в себя статьи и материалы с особой актуальностью в сфере политики, предназначенные для широкой аудитории и направленные на влияние на современные общественно-политические изменения через содержательное размышление и эмоционально окрашенные оценочные суждения.

Согласно исследованиям Г. Я. Солганик, основные функции изучаемого стиля являются информационной и экспрессивной. Информационная функция способствует созданию объективного слоя языка, включая речевые нормативы и лексику строгого стиля, что является фундаментом для вербального изложения информации. Экспрессивная функция же способствует развитию и использованию лексики с выраженной оценочной окраской, особенно той, что несет в себе концептуальные, то есть связанные с идеологией, социально-политические значения [Солганик, Клушина 2014: 499]. Под газетно-публицистическим стилем понимается «функциональный стиль, используемый средствами массовой информации, выполняющий функцию информирования читателя и дающие оценку предоставляемой информации» [Сычева 2018: 1521]. Соответственно, помимо передачи информации читательской аудитории, публикации рассматриваемого стиля передают оценочное суждение.

К основным функциям газетно-публицистического стиля исследователи относят информационную и агитационно-пропагандистскую. Эти функции реализуют политическую информацию для идеологического воздействия на массы с целью формирования

общественного сознания и побуждения их к активным действиям. Газетно-публицистический стиль тесно связан «с истинностью, объективностью, правдивостью и достоверностью содержания» [Моладикова, Чумаков 2019: 158].

В понимании О. В. Кондрашовой, «лексическое наполнение языковых средств газетно-публицистического стиля, в частности текстов общественно-политической тематики, нуждается в специальном изучении, так как эти тексты расширяют представление обучающихся о системе социально-политического мироустройства, об общих законах и национальных особенностях построения государств различных типов, о роли международных организаций в жизни разных стран и др.» [Кондрашова, Шельдешова 2023: 90].

Среди лексических особенностей данного стиля можно отметить употребление узкоспециализированных терминов и распространенных аббревиатур. К синтаксическим особенностям относятся «наличие коротких смысловых единиц (от одного до трех предложений) с длинными и структурно сложными конструкциями, интенсивное разбиение материала на множество абзацев, широкое использование обильных описательных конструкций» [Комиссаров 1990: 135].

Основная часть

Современные тексты газетно-публицистического стиля можно найти в американском популярном глянцево-издании Forbes. Этот журнал имеет высокие рейтинги в масс-медиа, пользуется доверием большого круга читателей в разных странах и предоставляет объективное описание различных тем, событий, происходящих во многих сферах деятельности людей. Согласно зарубежным исследователям Т. Хотар и А. Хади, лексические особенности газетно-публицистического стиля определяются употреблением лексики, характеризующейся социально-политическую направленность текста. Публицистическая речь, в сравнении с иными функциональными стилями, помимо разговорного и художественного, содержит крайне высокую долю инструментов и методов для достижения экспрессивности [Khotar, Hadi 2022: 59].

Рассмотрим языковые особенности статей в данном исследовании. Например, в статье, посвященной выгоде приобретения одежды в секонд-хенде, встречается специализированная лексика, относящаяся к коммерческой деятельности.

*From New York to California, **specialty stores** all across the country are catering to a younger demographic and the eco-conscious parents who dress them.*

*Offering a curated **selection** of moderately used or pre-loved clothing, mission-driven **retailers** are popping up nationwide in an attempt to change the **consumer landscape** and offer style-driven secondhand **clothing options** for parents looking to shop sustainably, **purchase items** more affordably and inspire their children to practice better buying habits.*

Термины *specialty stores*, *selection*, *consumer landscape*, *clothing options*, *purchase items* добавляют конкретики и точности в описание деятельности американских специализированных магазинов. Авторский эпитет *eco-conscious*, который является неологизмом, служит средством создания экспрессии. За счет эпитетов *pre-loved clothing*, *mission-driven retailers*, *style-driven clothing options* предложение приобретает художественную выразительность.

В редких случаях в издании Forbes можно встретить употребление приема олицетворения.

*When approaching the subject of second-hand children's clothing, an essential question quickly **presents** itself.*

Глагол *present*, который свойственен человеку, относится здесь к неодушевленному предмету (question).

Еще одним стилистическим приемом является метафора.

*The answer, while unique to the individual retailer, generally **manifests** with the specificity of children's clothing, the curation of high-quality garments and a **mission-oriented** approach to retail.*

*Because of the nature of children's clothing, which often requires rapid replacement as children grow, the secondhand retail market **lends** itself to a parental consumer demographic.*

Глагол *manifests* имеет переносное значение в данном контексте, что позволяет отнести его к метафоре. Прилагательное *mission-oriented* выступает эпитетом к существительному *approach*, что позволяет конкретизировать его характеристику и подчеркнуть ее в экспрессивной форме. Глагол *lends*, имеющий финансовую специфику, в данном примере указывает на переносное значение, в связи с чем выступает метафоричным описанием вида деятельности рынка подержанных товаров.

Довольно часто в исследуемом материале встречаются авторские эпитеты.

*Additionally, many of these **children-specific** secondhand retailers offer a unique selection of **hand-curated** items that appeal to a wide range of parental consumers and their varying needs, from vintage finds to practical purchases.*

Авторские эпитеты *children-specific* и *hand-curated* вносят индивидуальность в повествование и привлекают внимание читателей. В глянцевого издания может употребляться прием опущения лексической единицы.

*I think many customers **enjoy the thrill of the hunt** and are looking for unique **vintage pieces** or their favorite brands for example.*

Благодаря словосочетанию *enjoy the thrill of the hunt* автор создает метафорический эффект, так как под лексемой *hunt* подразумевается поиск наиболее выгодной одежды в магазинах. В словосочетании *vintage pieces* используется эффект умолчания, или опущения лексической единицы, так как один предмет одежды называется *a piece of clothing*, а в тексте используется только первое слово *a piece*. Прием антитезы позволяет добавлять контрастность тексту газетно-публицистического стиля.

*In the same interview, Kau argued this point, saying, "Parents, I mean, you've got **online role models** like influencers, and then we are their **offline role models**."*

За счет употребления антонимов – *online* и *offline* – создается антитеза, благодаря которой автор публикации противопоставляет два распространенных формата ролевых моделей. Также можно отметить лексический повтор словосочетания *role models*, что усиливает антитезу и акцентирует внимание на видах ролевых моделей. Помимо антонимов, иногда употребляются синонимы, вносящие определенный художественный эффект.

*So I think if kids are **seeing** their parents buying secondhand clothing, they're more likely to **view** it as normal and acceptable and do it themselves.*

В данном примере в рамках одного предложения используются синонимы *see*, *view*, которые совместно усиливают высказывание, избегается повторение, что делает предложение более привлекательным и выразительным. Приведенные синонимы адаптированы под контекст и представляют примеры слов общеупотребительной лексики. В ходе анализа статьи о туристических возможностях Таиланда отмечается использование как лексических, так и синтаксических средств создания выразительности.

*Thailand is one of the world's most popular **expat havens** and for good reason... but just how easy is it for an American to retire there and how will it impact their finances...?*

В первом предложении статьи используется словосочетание *expat havens*, которое является авторским (не закреплено в словарях) и имеет значение «рай для соотечественников за рубежом», при этом оно является средством выразительности, так как существительное *havens* используется в метафорическом смысле.

Таким образом автор публикации подчеркивает положительную характеристику Таиланда. Первое предложение имеет форму риторического вопроса, который сопровождается многоточием и направлен на привлечение интереса читателей к теме публикации. Задаются два вопроса, ответы на которые даны далее в тексте публикации. Можно выделить факт обязательного употребления имен собственных в публикациях в *Forbes*:

*Thailand also offers a wide range of living options from the **buzzing** capital Bangkok to the **relaxed** royal resort town of Hua Hin, the art and culture of Chiang Mai, and the **beachside bliss of islands** Koh Samui, Krabi, and beyond...*

В данном предложении используются имена собственные, которые обозначают населенные пункты в Тайланде (Bangkok, Hua Hin, Chiang Mai, острова Koh Samui, Krabi). Использование имен собственных выделяет живописные места в стране и дает первичную информацию о населенных пунктах, которую при желании читатель может далее исследовать сам. Средствами выразительности в данном предложении выступают эпитеты *buzzing, relaxed*, являющиеся контекстуальными антонимами.

По степени эмоциональной оценки эпитет *buzzing* является индивидуально-авторским эпитетом, несущим субъективную негативную оценку. Эпитет *relaxed* выражает нейтральную оценку. Метафора *beachside bliss of islands* обозначает «блаженство островов», то есть несет высокую степень эмоциональной оценки. Эпитеты и метафора позволяют создать яркие образы и придать тексту глубину, эмоциональное воздействие на читателя. Согласно К. А. Степановой, основная цель «текстов газет и журналов заключается в передаче новых сведений, возбуждении интереса и оказании воздействия на читателя» [Степанова 2018: 54]. Соответственно, обе функции – информационная и воздействующая – сопутствуют друг другу и свойственны многим публикациям в печатных СМИ. Усиление информационной функции в газете способствовало распространению жанров журналистского расследования, версии, связанных со специфическими способами получения информации» [Дускаева 2012: 79].

Помимо перечисленных функций, в некоторых текстах актуализируется также экспрессивная функция газетно-публицистического стиля, которая заключается, согласно И. В. Переверзевой, в «передаче отношения автора к излагаемым фактам и стремлении побудить получателя разделить точку зрения отправителя» [Переверзева 2014: 630].

В исследованиях лексического строя публикаций в англоязычных газетах А. Смагулова подчеркивает частотное использование аббревиатур [Smagulova, Zhumalieva, Rysbek 2021: 128].

*Under the **U.S.-Thailand Double Taxation Agreement (DTA)**, **U.S. Social Security** income is exempt from Thai taxation even if it is remitted to Thailand.*

Аббревиатура *U.S.* является общераспространенной (United States), *DTA* – узкоспециализированной, однако благодаря расшифровке аббревиатуры читатели могут понять, о чем идет речь. Можно отметить употребление имен собственных в этом примере – *U.S.-Thailand Double Taxation Agreement, U.S. Social Security*, обозначающих вид соглашения и вид дохода.

Заключение

В ходе анализа можно выделить несколько характерных языковых особенностей публицистического стиля речи публикаций в журнале Forbes.

Во-первых, в текстах публикаций используется преимущественно общеупотребительная лексика, но также встречается достаточно большое количество специальной лексики (терминов-слов и терминов-словосочетаний), раскрывающих более точные понятия темы публикации. Употребление терминов придает тексту официально-деловой стиль и указывает на компетентность приведенной в нем информации.

Во-вторых, в текстах публицистического стиля употребляются аббревиатуры, которые минимизируют текстовое пространство и замещают имена собственные. Встречаются как распространенные аббревиатуры (*U.S.*), так и узкоспециальные (*DTA, IRS, DTV*), в двух случаях аббревиатуры расшифровываются (*DTA – Double Taxation Agreement, DTV – Destination Thailand Visa*).

В-третьих, в текстах публицистического стиля используются такие средства выразительности, как эпитеты, метафоры, синонимы и антонимы (относящиеся к типу контекстуальных). Благодаря этим средствам выразительности публицистические тексты приобретают выразительность, образность, в некоторых случаях эмоциональность и привлекают внимание читателей.

В-четвертых, в редких случаях авторы публикаций могут использовать риторические вопросы в начале публикации, которые готовят читателей продолжить чтение статьи и найти ответы на эти вопросы. Данный прием также позволяет аудитории задуматься и вникнуть в смысл публикации.

Список литературы

1. Дускаева Л. Р. Диалогическая природа газетных речевых жанров / под ред. М. Н. Кожинной. Изд. 2-е, доп., испр. СПб. : СПбГУ : Филологический факультет, 2012. 274 с.
2. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). М. : Высшая школа, 1990. 253 с.
3. Кондрашова О. В., Шельдешова И. В. Общественно-политический текст как объект изучения на занятиях по иностранному (русскому) языку // Актуальные проблемы теоретической и прикладной лингвистики. Материалы IX Всероссийской научно-практической конференции. Материалы IX Всероссийской научно-практической конференции. Краснодар, 2023. С. 88–99.
4. Моладикова А. А., Чумаков Н. С. Типы текстов газетно-публицистического стиля // Актуальные вопросы изучения иностранного языка в вузе : Материалы Всероссийской научно-методической конференции. 2019. С. 158–159.
5. Переверзева И. В. Коммуникативно-прагматические функции экспрессивных синтаксических конструкций в текстах газетно-публицистического стиля // Гуманитарные и социальные науки. 2014. № 2. С. 630–633.
6. Солганик Г. Я., Клушина Н. И. Публицистический стиль, или газетно-публицистический стиль, или стиль массовой коммуникации // Эффективное речевое общение (Базовые компетенции). Словарь-справочник. Сибирский федеральный университет; Под редакцией А. П. Сковородникова. Красноярск, 2014. С. 499–501.
7. Степанова К. А. Язык газетно-публицистического стиля как средство воздействия на читателя // Общество. 2018. № 3 (11). С. 54–57.
8. Сычева В. О. Основные особенности газетно-публицистического стиля // Форум молодых ученых. 2018. № 12 (28). С. 1519–1524.
9. Khotar T. Sh., Hadi A. A. Газетно-публицистический стиль и его место в системе функциональных стилей русского языка // Al-Adab Journal. 2022. Т. 3. № 143. С. 51–60
10. Smagulova A., Zhumaliev Zh. K., Rysbek A. Features of translation of newspaper articles in the media from English into Russian // Tiltanym. 2021. № 1 (81). P. 125-134.

References

1. Duskayeva L. R. Dialogicheskaya priroda gazetnykh rechevykh zhanrov [The dialogic nature of newspaper speech genres]. Edited by M.N. Kozhina. 2th ed. Saint Petersburg, SPbGU, Filologicheskii fakul'tet, 2012, 274 p. (In Russ.).
2. Komissarov V. N. Teoriya perevoda (lingvisticheskiye aspekty) [Translation theory (linguistic aspects)]. Moscow, Vysshaya shkola, 1990, 253 p. (In Russ.).
3. Kondrashova O. V., Shel'deshova I. V. Obshchestvenno-politicheskiy tekst kak ob"yekt izucheniya na zanyatiyakh po inostrannomu (russkomu) yazyku [Socio-political text as an object of study in foreign (Russian) language classes]. *Aktual'nyye problemy teoreticheskoy i prikladnoy lingvistiki* [Current issues of theoretical and applied linguistics]. Krasnodar, 2023, pp. 88-99. (In Russ.).
4. Moladikova A. A., Chumakov N. S. Tipy tekstov gazetno-publitsisticheskogo stilya [Types of newspaper-journalistic style texts]. *Aktual'nyye voprosy izucheniya inostrannogo yazyka v vuze* [Current issues in foreign language study at universities]. 2019, pp. 158-159. (In Russ.).
5. Pereverzeva I. V. Kommunikativno-pragmaticheskiye funktsii ekspressivnykh sintaksicheskikh konstruktsey v tekstakh gazetno-publitsisticheskogo stilya [Communicative and pragmatic functions of expressive syntactic constructions in newspaper and journalistic style texts]. *Gumanitarnyye i sotsial'nyye nauki* [Humanities and social sciences]. 2014, no. 2, pp. 630-633. (In Russ.).

6. Solganik G. YA., Klushina N. I. Publitsisticheskiy stil', ili gazetno-publitsisticheskiy stil', ili stil' massovoy kommunikatsii [Publicistic style, or newspaper-publicistic style, or mass communication style]. *Effektivnoye rechevoye obshcheniye (Bazovyye kompetentsii)* [Effective Verbal Communication (Basic Competencies)]. Sibirskiy federal'nyy universitet, edited by A. P. Skovorodnikov, Krasnoyarsk, 2014, pp. 499-501. (In Russ.).
7. Stepanova K. A. Yazyk gazetno-publitsisticheskogo stilya kak sredstvo vozdeystviya na chitatelya [The language of newspaper and journalistic style as a means of influencing the reader]. *Obshchestvo* [Society]. 2018, no. 3 (11), pp. 54-57. (In Russ.).
8. Sycheva V. O. Osnovnyye osobennosti gazetno-publitsisticheskogo stilya [The main features of the newspaper-journalistic style]. *Forum molodykh uchenykh* [Forum of Young Scientists]. 2018, no. 12 (28), pp. 1519-1524. (In Russ.).
9. Khotar T. Sh., Hadi A. A. Gazetno-publitsisticheskii stil i yego mesto v sisteme funktsionalnikh stilei russkogo yazika [Newspaper-journalistic style and its place in the system of functional styles of the Russian language]. *Al-Adab Journal*. 2022, vol. 3, no. 143, pp. 51-60. (In Russ.).
10. Smagulova A., Zhumalieva Zh. K., Rysbek A. Features of translation of newspaper articles in the media from English into Russian. *Tiltanym*. 2021, no. 1 (81), pp. 125-134.

Сведения об авторах

Л. И. Власова – кандидат филологических наук, доцент,
кафедра английского языка и методики преподавания иностранных языков,
Самарский государственный социально-педагогический университет;
А. Д. Быкова – студент, факультет иностранных языков,
Самарский государственный социально-педагогический университет.

Information about the authors

L. I. Vlasova – Ph. D. (Philology), Associate Professor,
Department of English and Methods of Teaching Foreign Languages,
Samara State University of Social Sciences and Education;
A. D. Bykova – Student, Faculty of Foreign Languages,
Samara State University of Social Sciences and Education.

Статья поступила в редакцию 10.07.2025; одобрена после рецензирования 20.08.2025; принята к публикации 25.09.2025.

The article was submitted 10.07.2025; approved after reviewing 20.08.2025; accepted for publication 25.09.2025.

Евразийский гуманитарный журнал. 2025. № 4. С. 63–70.
Eurasian Humanitarian Journal. 2025. No. 4. P. 63-70.

Научная статья
УДК 811.161.1'42
EDN: RJTYRS
doi:10.17072/2587-6589-2025-4-63-70

<https://elibrary.ru/rjtyrs>

КОНЦЕПТОСФЕРА «ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ» В РУССКОЯЗЫЧНОМ ДИСКУРСЕ

Юлия Игоревна Бедненко

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия,
bednenko.yuliya@mail.ru

Аннотация. В данном исследовании представлены результаты свободного ассоциативного эксперимента, нацеленного на реконструкцию актуального восприятия концепта ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ в обыденном языковом сознании носителей русского языка. В ходе исследования был собран и систематизирован обширный эмпирический материал, позволивший выявить структуру и ключевые компоненты данного концепта. Был проведён опрос на интернет-платформе, где участникам нужно было написать все ассоциации, связанные с словосочетанием «искусственный интеллект». В результате качественного анализа ассоциативных рядов было выделено десять ключевых семантических модулей, которые комплексно отражают спектр общественных установок – от осознания его потенциала до глубинных страхов. Анализ позволил выделить десять ключевых семантических модулей, демонстрирующих разное отношение к искусственному интеллекту: положительные ассоциации связывают его с развитием и помощью, в то время как негативные сфокусированы на проблемах дезинформации и правовой неопределённости. Важную роль играют реакции, связанные с техносферой (робот, компьютер), которые выступают материальным воплощением абстрактной концепции. На основании проведенного анализа делается обоснованный вывод о сложном и неоднозначном восприятии искусственного интеллекта в массовом сознании. Это восприятие представляет собой динамичное сочетание рационального понимания преимуществ технологий и интуитивных опасений, связанных с непредсказуемостью их развития и влияния на социальные институты и человеческую идентичность. Таким образом, исследование вносит вклад в понимание того, как формируется и структурируется образ одной из ключевых технологий современности в общественном сознании.

Ключевые слова: русскоязычный дискурс, ассоциативный эксперимент, искусственный интеллект, семантический модуль, концептосфера.

Для цитирования: Бедненко Ю. И. Концептосфера «ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ» в русскоязычном дискурсе // Евразийский гуманитарный журнал. 2025. № 4. С. 63–70. <https://doi.org/10.17072/2587-6589-2025-4-63-70>. EDN: RJTYRS

Original article

THE CONCEPTOSPHERE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN RUSSIAN-LANGUAGE DISCOURSE

Yulia I. Bednenko

Russian State Humanitarian University, Moscow, Russia, bednenko.yuliya@mail.ru

Abstract. This article presents in detail the results of a free associative experiment aimed at reconstructing the actual perception of the concept of ARTIFICIAL INTELLIGENCE in the everyday linguistic consciousness of Russian speakers. In the course of the research, extensive empirical material was collected and systematized, which made it possible to identify the structure and key components of this concept. A survey was conducted on an online platform where participants had to write down all the associations associated with the phrase “ARTIFICIAL INTELLIGENCE”. The data obtained has been analyzed. As a result of a qualitative analysis of associative series, ten key semantic modules have been identified, which comprehensively reflect the range of social attitudes – from awareness of its potential to deep fears. The analysis allowed us to identify ten key semantic modules that demonstrate different attitudes towards artificial intelligence: positive associations associate it with development and assistance, while negative ones focus on the problems of misinformation and legal uncertainty. Reactions related to the technosphere (robot, computer), which are the material embodiment of an abstract concept, play an important role. Based on the analysis, a reasonable conclusion is drawn about the complex and ambiguous perception of artificial intelligence in the mass consciousness. This perception is a dynamic combination of a rational understanding of the benefits of technology and intuitive concerns about the unpredictability of its development and impact on social institutions and human identity. Thus, the research contributes to understanding how the image of one of the key technologies of our time is formed and structured in the public consciousness.

Keywords: Russian-language discourse, associative experiment, artificial intelligence, semantic module, concept sphere.

For citation: Bednenko Yu. I. The Conceptosphere of ARTIFICIAL INTELLIGENCE in Russian-Language Discourse. Eurasian Humanitarian Journal. 2025;4:63-70. (In Russ.). <https://doi.org/10.17072/2587-6589-2025-4-63-70>. EDN: RJTYRS

Введение

Картина мира – это объективная реальность, существующая вне зависимости от человека. Однако в каждом сознании она находит свое субъективное отражение [Коркина 2024: 77]. Языковая картина мира как интегральное понятие включает знания как совокупность сведений об окружающем мире, определенное видение и понимание мира, различные способы восприятия действительности [Арекеева 2022: 51].

Речь и текст включают в себя различного рода концепты, изучение которых дает нам возможность выявить особенности языковых картин мира разных народов [Безрукова 2018: 18]. В настоящее время существует много работ, посвящённых изучению концептов. К вопросу определения термина «концепт» в разные периоды времени обращались С. А. Аскольдов [1928], Д.С. Лихачёв [1993], В. И. Карасик [1996], Е. С. Кубрякова [1997], С. Г. Воркачев [2002] и другие. Е. С. Кубрякова определяет концепт так: «Концепт – оперативная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, квант знания. Самые важные концепты выражены в языке» [Кубрякова 1997: 90].

По мнению В. И. Карасика, концепт – это «многомерное смысловое образование, в котором выделяются ценностная, образная и понятийная стороны» [Карасик 2002: 59]. А. А. Залевская считает, что концепт – это «спонтанно функционирующее в познавательной и коммуникативной деятельности индивида перцептивно-аффективное образование динамического характера, подчиняющееся закономерностям психической жизни человека и вследствие этого по ряду параметров отличающееся от понятий и значений как продуктов научного описания с позиций лингвистической теории» [Залевская 2001: 39].

Ю. С. Степанов считает, что концепт является предметом культурологии и не «определяется», как «понятие», а «переживается», ведь «Концепт включает в себя не только логические признаки, но и компоненты научных, психологических, авангардно-художественных, эмоциональных и бытовых явлений и ситуаций» [Степанов 2007: 20].

Представленные определения демонстрируют многогранность термина «концепт» в лингвистике, когнитивистике и культурологии. Несмотря на определённые различия в поставленных акцентах, все данные подходы объединяет понимание концепта как комплексного элемента сознания, которое соединяет в себе рациональную, эмоциональную и культурную составляющие.

Основная часть

Концепт ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ – относительно новый концепт для изучения. Исследованием концепта «искусственный интеллект» в данное время занимаются такие учёные, как А. В. Попова [2022], Е. Н. Галичкина [2024], Ю. Е. Арекеева, Ю. И. Бедненко [2025]. Е. В. Малахова, С. В. Шустова отмечают, что «в каждом языке заключена история и развитие народа, его опыт и способ восприятия действительности. Из-за расхождений в традициях, ценностях и менталитете, каждый народ имеет свою языковую картину мира» [Малахова, Шустова 2023: 43]. Особую значимость приобретает выявление, систематизация, анализ и описание кодов культуры [Шустова, Бессонова, Назаренко 2023: 34]. Термин «языковая репрезентация» может быть рассмотрен как акт преобразования некоего опыта в речь, то есть «задействование» языковых знаков в мыслительных процессах при представлении фактов действительности.

Данные, полученные в ходе опроса, были проанализированы с помощью свободного ассоциативного эксперимента. Согласно В. В. Джанаевой, «ассоциативный эксперимент – это прием, направленный на выявление ассоциаций, сложившихся у индивида в его предшествующем опыте» [Джанаева 2008: 14].

Носителями русского языка был дан ответ на вопрос: Что вы понимаете под сочетанием «искусственный интеллект»? Общее количество участников данного опроса составило 50 человек в возрасте от 18 до 56 лет и старше, из них 90 % женщин и 10 % мужчин.

Рисунок 1 показывает, что больше всего участников находится в возрастной категории «18–25 лет», что составило 84 %. В остальных группах количество участников было от 2 до 4 %. Относительно уровня образования, согласно полученным данным, большая часть испытуемых имеет неоконченное высшее образование (42 %), следуют за ними участники с средним образованием (36 %), высшее образование отметили 18%, меньше всего участников со средним специальным образованием – 4 %.

Социальная характеристика		Всего, абс.	Доля, %
Пол	Женский	45	90
	Мужской	5	10
Возраст	18-25	42	84
	26-35	1	2
	36-45	2	4
	46-55	4	8
	56 и старше	1	2
Образование	Среднее	18	36
	Среднее специальное	2	4
	Неоконченное высшее	21	42
	Высшее	9	18
Всего:		50	100

Рис. 1. Характеристика выборки испытуемых

В ходе опроса было получено 190 реакций, все они были распределены по семантическим модулям. Согласно определению, данному Е. О. Зубаревой, С. В. Шустовой, «семантический модуль – это отдельно оформленный элемент структуры микрополя, состоящий из лексических единиц, отражающих конкретный компонент значения» [Зубарева, Шустова 2022: 50].

Ключевым элементом ассоциативно-вербального поля концепта ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ является семантический модуль ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ. В нём содержится 28 ассоциатов с преобладанием микромодуля РАЗВИТИЕ. Кроме того,

ровно такое же количество ассоциатов набрал семантический модуль УСТРОЙСТВА. Также в ядерную зону попали два семантических модуля, набравшие по 27 ассоциатов – ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ (с преобладанием микромодуля ДЕЗИНФОРМАЦИЯ) и ТЕХНОСФЕРА. В предъядерную зону входят модули ОЖИДАНИЯ, ПРОГРАММИРОВАНИЕ, КОГНИТИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ с количеством реакций от 24 до 13. Остальные модули, встречающиеся 9 и менее раз были отнесены к зоне периферии.

1. Семантический модуль

ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ (28)

1.1 Микромодуль РАЗВИТИЕ (13): прогресс (6); технологичность (2); большой прорыв (1); инновации (1); искусственный интеллект способен анализировать данные быстрее, чем человек (1); машины становятся все более умными, благодаря искусственному интеллекту (1); новаторство (1).

1.2 Микромодуль ФУНКЦИОНАЛЬНОСТЬ (9): помощь (4); легко (1); облегчение (1); сделает бесполезную работу за тебя (1); спасение (1); удобство (1).

1.3 Микромодуль ТЕМП (4): скорость (2); быстрое решение (1); быстрота (1).

1.4 Микромодуль ПРЕИМУЩЕСТВА (2): мощный (1); умный (1).

2. Семантический модуль УСТРОЙСТВА (28): робот (14); компьютер (5); машины (3); искусственный интеллект как "мозг машины", который способен принимать решения (1); искусственный интеллект-компьютер (1); механический голос (1); робот, который заменяет настоящий интеллект (1); сложная, составная система высоких технологий (1); техника (1)

3. Семантический модуль ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ (27)

3.1 Микромодуль ДЕЗИНФОРМАЦИЯ (10): обман (2); выдумка (1); дипфейк (1); искусственная картинка (1); лишняя информация (1); ложь (1); мошенничество (1); плагиат (1); средство манипуляции (1).

3.2 Микромодуль НЕГАТИВНЫЕ ЭМОЦИИ (6): бесит (1); бунт (1); зло (1); несправедливость (1); опасения (1); раздражает (1).

3.3 Микромодуль УГРОЗА (6): бесполезность (1); деградация мышления (1); замена человеческому разуму (1); риски (1); страх перед будущим, где машины могут заменить людей (1); увеличение уровня безработицы (1).

3.4 Микромодуль ОГРАНИЧЕННОСТЬ (5): "Не все то золото, что блестит" – не всегда технологии могут заменить человеческий разум (1); отвечает невпопад (1); ошибки (1); предсказуемость (1); хаотичность (1).

4. Семантический модуль ТЕХНОСФЕРА (27): нейросеть (10); технологии (5); gpt-chat (4); интернет (1); информатизация (1); информационные технологии (1); когнитивные технологии (1); металл (1); новые технологии (1); роботизация (1); Яндекс Алиса (1).

5. Семантический модуль ОЖИДАНИЯ (24): будущее (11); возможности (2); Апокалипсис (1); инновации (1); лень – двигатель прогресса (1); надежда на улучшение качества жизни благодаря технологиям (1); новое (1); открытия в медицине (1); перспективы (1); развивается (1); развитие науки (1); современность (1); шаг в будущее (1).

6. Семантический модуль ПРОГРАММИРОВАНИЕ (20)

6.1 Микромодуль РАБОТА С ДАННЫМИ (8): автоматизация (1); анализ (1); большие объемы информации (1); картинки (1); много в информации (1); оптимизация (1); ответы (1); сбор и хранение информации (1)

6.2 Микромодуль РАЗРАБОТКА (7): программы (2); алгоритмы (1); алгоритмы и структуры данных (1); Пайтон (1); программирование (1); промт (1)

6.3 Микромодуль ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ (3): быстрый поиск (1); заданные настройки (1); кратковременная память (1)

6.4 Микромодуль КОНТЕНТ (2): подписка (1); сгенерированный текст (1)

7. Семантический модуль КОГНИТИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ (13): мозг (3); разум (2); ум (2); искусственный разум (1); ответ логикой на чувства (1); подражание (1); сознание (1); философия сознания (1); эмоциональный интеллект (1).

8. Семантический модуль **ДИФФУЗНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ (9)**: альтернатива человеческому труду (1); Америка (1); в современном обществе используется почти во всех сфера общественной жизни (1); замена (1); нуждающийся в помощи человека (1); скоротать время (1); случайность (1); современность (1); удивление (1).

9. Семантический модуль **ОБУЧЕНИЕ (9)**: учёба(2); машинное обучение (1); написать текст (1); обучаемый (1); обучение человечности (1); перенимание опыта (1); составить доклад (1); учитель (1).

10. Семантический модуль **КУЛЬТУРА (5)**: Бог (1); коты (1); Рэд Брэдли «Вельд» (1); Терминатор: восстание машин (1); "Я – робот" (1).

Модель ассоциативно-вербального поля концепта ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ имеет следующий вид (рис. 2).

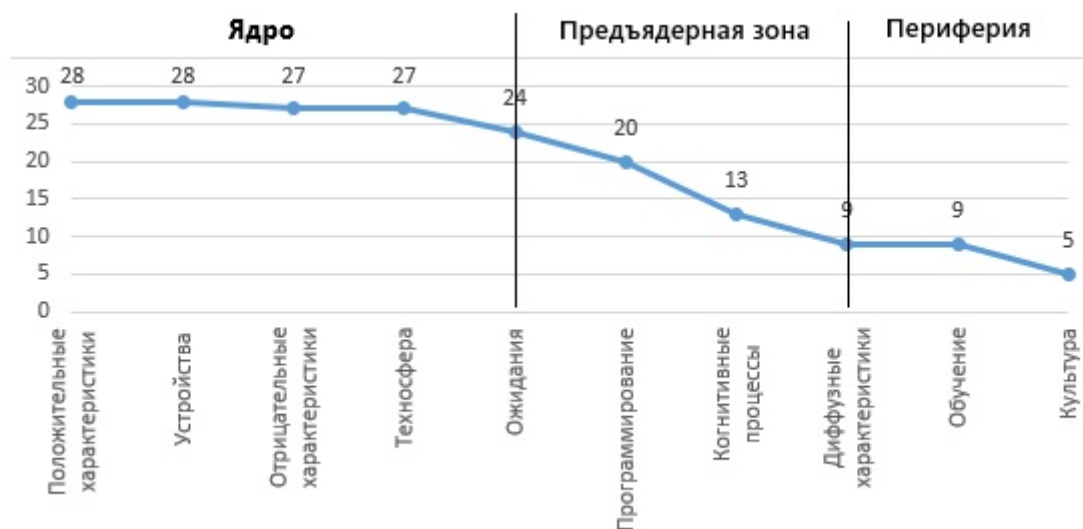

Рис. 2 Ассоциативно-вербальное поле концепта ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ

Заключение

Анализ результатов свободного ассоциативного эксперимента позволил выделить 10 ключевых семантических модулей, которые отражают восприятие концепта ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ. Преобладают практически в равной степени как положительные, так и отрицательные характеристики. Это может свидетельствовать о противоречивом отношении к искусственному интеллекту в обществе: искусственный интеллект одновременно вызывает и страх, и надежду.

Яркие положительные ассоциации связаны с развитием, люди воспринимают искусственный интеллект как символ движения вперед, что особенно важно в эпоху трансформации. Искусственный интеллект ассоциируется с помощником, который берёт на себя рутину и «сделает бесполезную работу за тебя».

Наиболее яркие негативные ассоциации связаны с дезинформацией. В последние годы возросло внимание к проблеме недостоверной информации в сети Интернет, в частности при работе с сервисами Искусственного интеллекта. Например, при работе с чатом gpt можно столкнуться с генерацией выдуманных текстов, которые не соответствуют действительности. Кроме того, остро встаёт вопрос авторского права, кому принадлежит сгенерированный текст, изображения, музыка и кто несет юридическую ответственность за преступления, связанные с использованием искусственного интеллекта. О. А. Рябова, У. А. Фофонова отмечают, что «на данный момент развития искусственный интеллект не может являться субъектом правоотношений» [Рябова, Фофонова 2024: 149].

Одновременно с положительными и отрицательными характеристиками в ядро попали реакции, связанные с устройствами и техносферой. Это говорит о том, что искусственный интеллект изначально воспринимался как нечто нематериальное, но объяснить неосознаваемое

можно через какие-то физические термины. Например, реакция «робот» встречается 14 раз, а с помощью таких ассоциаций, как «компьютер», «механический голос» искусственный интеллект проявляется в уже известных человеку формах. Кроме того, такую сложную нематериальную концепцию, как искусственный интеллект, можно объяснить через ставшие уже привычными технологии, как «нейросеть», «gpt-chat» и другие интеллектуальные помощники.

Семантические модули ОЖИДАНИЯ, ПРОГРАММИРОВАНИЕ и КОГНИТИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ представлены меньшим количеством реакций, это может быть связано с тем, что они слишком абстрактны, а в названных сферах требуются специальные знания. Массовое сознание стремится к простым и осязаемым вещам. Что касается зоны периферии, то реакции, попавшие в эти модули либо слишком абстрактны, либо слишком нишевые, чтобы быть массовыми.

Таким образом, проведённый свободный ассоциативный эксперимент позволяет продемонстрировать неоднозначность в вопросе отношения носителей русского языка к возможностям искусственного интеллекта.

Список литературы

1. Ареева Ю. Е. Философские аспекты языковой картины мира // Гуманитарные исследования. История и филология. 2022. № 5. С. 51–59.
2. Ареева Ю. Е., Бедненко Ю. И. Репрезентация концепта «人工智能 / искусственный интеллект» в языковом сознании носителей китайского языка // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2025. Вып. 1 (237). С. 7–15.
3. Аскольдов С. А. Концепт и слово // Русская словесность: Антология / под ред. В. Н. Нерознака. М.: Academia, 1997. С. 267–280.
4. Безрукова Т. А. Концепт духовность в русском и английском языках // Евразийский гуманитарный журнал. 2018. № 4. С. 18–20.
5. Воркачев С. Г. Методологические основания лингвоконцептологии // Теоретическая и прикладная лингвистика. Вып. 3: Аспекты метакоммуникативной деятельности. Воронеж, 2002. С. 79–95.
6. Галичкина Е. Н. Концептуализация искусственного интеллекта в российском медийном дискурсе // Вестник Волгоградского государственного университета. 2024. Серия 2. Языкознание. Т. 23. № 5. С. 124–137.
7. Джанаева В. В. К вопросу о свободном ассоциативном эксперименте // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2008. № 10. С. 14–20.
8. Залевская А. А. Психолингвистический подход к проблеме концепта // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2001. С. 36–45.
9. Зубарева Е. О., Шустова С. В. Концептуальное поле «Миграция»: опыт лингвистического моделирования. М.: URSS, 2022. 180 с.
10. Карасик В. И. Культурные доминанты в языке // Языковая личность: культурные концепты. Волгоград-Архангельск. 1996. С. 3–16.
11. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепт, дискурс. М.: Перемена, 2002. 477 с.
12. Коркина М. И. Репрезентация концепта FATHERLAND в корпусе английского языка // Миграционная лингвистика. 2024. № 6. С. 77–86.
13. Кубрякова Е. С. [и др.]. Краткий словарь когнитивных терминов / под общей редакцией Е. С. Кубряковой. М.: Филол. ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 1997. 245 с.
14. Лихачёв Д. С. Концептосфера русского языка // Известия АН Серия литературы и языка. Т. 52. № 1. 1993. С. 3–9.
15. Малахова Е. В., Шустова С. В. Репрезентация концептов МИГРАЦИЯ / МИГРАНТ во фразеологии русского языка // Миграционная лингвистика. 2023. № 5. С. 43–58.
16. Попова А. В. Вопросы знаниевого или информационного концепта искусственного интеллекта: философский взгляд на проблему // Проблемы современного образования. № 2. 2022. С. 9–20.

17. Рябова О. А., Фофонова У. А. О правовом положении искусственного интеллекта в Российской Федерации // *Аграрное и земельное право*. 2024. № 1(229). С. 147–149.

18. Степанов Ю. С. Концепты. Тонкая пленка цивилизации. М.: Языки славянских культур, 2007. 248 с.

19. Шустова С. В., Бессонова Е. М., Назаренко Е. Н. Фразеологизмы с компонентом фитонимом в немецком и русском языках // *Гуманитарные исследования. История и филология*. 2023. № 9. С. 32–42.

References

1. Arekeyeva YU. E. Filosofskiye aspekty yazykovoy kartiny mira [Philosophical aspects of the linguistic picture of the world]. *Gumanitarnyye issledovaniya. Istoriya i filologiya* [Humanities. History and Philology]. 2022, no. 5, pp. 51–59. (In Russ.).

2. Arekeyeva YU. E., Bednenko YU. I. Reprezentatsiya kontsepta «人工智能 / iskusstvennyy intellekt» v yazykovom soznanii nositeley kitayskogo yazyka [Representation of the concept “人工智能 / artificial intelligence” in the linguistic consciousness of Chinese speakers]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State Pedagogical University]. 2025, iss., 1 (237), pp. 7–15. (In Russ.).

3. Askol'dov S. A. Kontsept i slovo [Concept and word]. *Russkaya slovesnost': Antologiya* [Russian Literature: An Anthology]. Ed. V. N. Neroznak. Moscow, Academia, 1997, pp. 267–280. (In Russ.).

4. Bezrukova T. A. Kontsept dukhovnost' v russkom i angliyskom yazykakh [The concept of spirituality in Russian and English]. *Yevraziyskiy humanitarnyy zhurnal* [Eurasian Humanitarian Journal]. 2018, no. 4, pp. 18–20. (In Russ.).

5. Vorkachev S. G. Metodologicheskiye osnovaniya lingvokontseptologii [Methodological foundations of linguoconceptology]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and applied linguistics]. Iss., 3, Voronezh, 2002, pp. 79–95. (In Russ.).

6. Galichkina E. N. Kontseptualizatsiya iskusstvennogo intellekta v rossiyskom mediynom diskurse [Conceptualization of Artificial Intelligence in Russian Media Discourse]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Volgograd State University]. 2024, series 2, vol., 23, no. 5, pp. 124–137. (In Russ.).

7. Dzhanyayeva V. V. K voprosu o svobodnom assotsiativnom eksperimente [On the issue of free association experiment]. *Aktual'nyye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki* [Current issues in philology and pedagogical linguistics]. 2008, no. 10, pp. 14–20. (In Russ.).

8. Zalevskaya A. A. Psikholingvisticheskiy podkhod k probleme kontsepta [Psycholinguistic approach to the problem of concept]. *Metodologicheskiye problemy kognitivnoy lingvistiki* [Methodological problems of cognitive linguistics]. Voronezh, Voronezhskiy gosudarstvennyy unichersitet, 2001, pp. 36–45. (In Russ.).

9. Zubareva E. O., Shustova S. V. Kontseptual'noye pole «Migratsiya»: opyt lingvisticheskogo modelirovaniya [The conceptual field of “Migration”: an experience of linguistic modeling]. Moscow, URSS, 2022, 180 p. (In Russ.).

10. Karasik V. I. Kul'turnyye dominanty v yazyke [Cultural dominants in language]. *Yazykovaya lichnost': kul'turnyye kontsepty* [Linguistic personality: cultural concepts]. Volgograd-Arkhangelsk, 1996, pp. 3–16. (In Russ.).

11. Karasik V. I. Yazykovoy krug: lichnost', kontsept, diskurs [Language circle: personality, concept, discourse]. Moscow, Peremena, 2002, 477 p. (In Russ.).

12. Korkina M. I. Reprezentatsiya kontsepta FATHERLAND v korpuse angliyskogo yazyka [Representation of the concept FATHERLAND in the English corpus]. *Migratsionnaya lingvistika* [Migration linguistics]. 2024, no. 6, pp. 77–86. (In Russ.).

13. Kubryakova E. S. [i dr.]. Kratkiy slovar' kognitivnykh terminov [A Brief Dictionary of Cognitive Terms]. Under the general editorship of E. S. Kubryakova. Moscow, Filol. f-t MGU im. M. V. Lomonosova, 1997, 245 p. (In Russ.).

14. Likhachëv D. S. Kontseptosfera russkogo yazyka [Conceptual sphere of the Russian language]. *Izvestiya AN Seriya literatury i yazyka* [Izvestia AN Series of Literature and Language]. Vol., 52, no. 1. 1993, pp. 3–9. (In Russ.).

15. Malakhova E. V., Shustova S. V. Reprezentatsiya kontseptov MIGRATSIYA / MIGRANT vo frazeologii russkogo yazyka [Representation of the concepts MIGRATION / MIGRANT in the phraseology of the Russian language]. *Migratsionnaya lingvistika* [Migration linguistics]. 2023, no. 5, pp. 43–58. (In Russ.).

16. Popova A. V. Voprosy znaniyevogo ili informatsionnogo kontsepta iskusstvennogo intellekta: filosofskiy vzglyad na problemu [Questions of the knowledge or information concept of artificial intelligence: a philosophical view of the problem]. *Problemy sovremennogo obrazovaniya* [Problems of modern education]. No. 2. 2022, pp. 9-20. (In Russ.).
17. Ryabova O. A., Fofonova U. A. O pravovom polozhenii iskusstvennogo intellekta v Rossiyskoy Federatsii [On the legal status of artificial intelligence in the Russian Federation]. *Agrarnoye i zemel'noye pravo* [Agrarian and land law]. 2024, no. 1(229), pp. 147-149. (In Russ.).
18. Stepanov YU, pp. Kontsepty. Tonkaya plenka tsivilizatsii [A thin film of civilization]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2007, 248 p. (In Russ.).
19. Shustova S. V., Bessonova E. Moscow, Nazarenko E. N. Frazologizmy s komponentom fitonimom v nemetskom i russkom yazykakh [Phraseologisms with the phytonym component in German and Russian]. *Gumanitarnyye issledovaniya. Istoriya i filologiya* [Humanities. History and Philology]. 2023, no. 9, pp. 32-42. (In Russ.).

Информация об авторе

Ю. И. Бедненко – преподаватель, кафедра восточных языков,
Институт лингвистики, Российский государственный гуманитарный университет.

Information about the author

Yu. I. Bednenko – Lecturer, Department of Oriental Languages,
Institute of Linguistics, Russian State Humanitarian University.

Статья поступила в редакцию 10.06.2025; одобрена после рецензирования 20.07.2025; принята к публикации 25.08.2025.

The article was submitted 10.06.2025; approved after reviewing 20.07.2025; accepted for publication 25.08.2025.

Евразийский гуманитарный журнал. 2025. № 4. С. 71–76.
Eurasian Humanitarian Journal. 2025. No. 4. P. 71-76.

Научная статья
УДК 811.581'27
EDN: VFFMEU
doi:10.17072/2587-6589-2025-4-71-76

<https://elibrary.ru/vffmeu>

МОДЕЛИРОВАНИЕ АССОЦИАТИВНО-ВЕРБАЛЬНОГО ПОЛЯ КАТЕГОРИИ 幸福 (СЧАСТЬЕ) В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Бай Линсяо

Чэнду́ский университет иностранных языков, Чэнду, Китай, blingkong2008@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению методики направленного ассоциативного эксперимента как основного метода психолингвистического исследования, позволяющего рассмотреть ассоциативное значение слова как специфическое состояние когнитивной деятельности индивида. Исследование выполнено в рамках одного из ведущих направлений современного языкознания – когнитивной лингвистики, с привлечением психолингвистического, социолингвистического и лингвокультурологического подходов к анализу материала. Актуальность исследования связана с последними тенденциями в мировой и национальной политике, изменением вектора отношений между Китаем и Россией, расширением экономических, дипломатических, научных контактов с носителями китайского и русского языков. Целью настоящего исследования является моделирование ассоциативно-вербального поля категории «幸福 / счастье» в китайском языке. Материалом для исследования послужили реакции, полученные в результате проведенного направленного ассоциативного эксперимента, в котором приняли участие 200 китаеязычных испытуемых в возрасте от 15 до 65 лет. Общее количество полученных реакций – 444 единицы. В работе были использованы метод направленного ассоциативного эксперимента, приём классификации, количественный анализ, семантическая интерпретация ассоциаций. Метод интерпретации ассоциаций, использованный при обработке результатов нашего эксперимента, позволяет изучить не только отдельные реакции, но и семантические группы реакций, и тем самым более точно моделировать содержание и структуру ассоциативно-вербального поля категории 幸福 (счастье) в китайском языке.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, направленный ассоциативный эксперимент, ассоциативно-вербальное поле, категория, семантический модуль.

Для цитирования: Бай Линсяо. Моделирование ассоциативно-вербального поля категории 幸福 / счастье в китайском языке // Евразийский гуманитарный журнал. 2025. № 4. С. 71–76. <https://doi.org/10.17072/2587-6589-2025-4-71-76>. EDN: VFFMEU

Original article

MODELING THE ASSOCIATIVE-VERBAL FIELD OF THE CATEGORY “幸福 / XÌNGFÚ (HAPPINESS)” IN THE CHINESE LANGUAGE

Bai Lingxiao

Chengdu University of Foreign Languages, Chengdu, China, blingkong2008@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the method of directed associative experiment as the main method of psycholinguistic research, which makes it possible to consider the associative meaning of a word as a specific state of an individual's cognitive activity. The study was conducted within the framework of one of the leading areas of modern linguistics – cognitive linguistics, with the use of psycholinguistic, sociolinguistic

and linguocultural approaches to the analysis of the material. The relevance of the study is associated with recent trends in world and national politics, a change in the direction of relations between China and Russia, and the expansion of economic, diplomatic, and scientific contacts with speakers of Chinese and Russian languages. The purpose of this study is to model the associative-verbal field of the category 幸福 /xìngfú (happiness) in the Chinese language. The material for the study was the responses obtained from a conducted directed associative experiment, in which 200 Chinese-speaking participants aged 15 to 65 took part. The total number of responses obtained is 444 units. The study used the method of directed associative experiment, the method of classification, quantitative analysis, and semantic interpretation of associations. The method of interpreting associations, used in processing the results of our experiment, makes it possible to study not only individual responses but also semantic groups of responses, and thus more accurately model the content and structure of the associative-verbal field of the category 幸福 /xìngfú (happiness) in the Chinese language. An analysis of the Russian associative-verbal field was carried out against the background of the Chinese one, the structure of the field was determined, and the similarities and differences in the stereotypical perception of 幸福 /xìngfú (happiness) among Chinese informants were identified.

Keywords: cognitive linguistics, directed associative experiment, associative-verbal field, category, semantic module.

For citation: Bai Lingxiao. Modeling the associative-verbal Field of the Category "幸福 / xìngfú (happiness) in the Chinese Language. Eurasian Humanitarian Journal. 2025;4:71-76. (In Russ.). <https://doi.org/10.17072/2587-6589-2025-4-71-76>. EDN: VFFMEU

Введение

Интерес к ассоциациям, по мнению Ф. Крамера, обусловлен следующими факторами: «для некоторых исследователей выявление привычных ассоциаций родного языка является лишь первым шагом в изучении других когнитивных процессов... Другие больше интересуются ассоциациями как таковыми, основываясь на мнении, что ассоциации сами по себе отражают базовые свойства интеллекта и его мыслительных процессов» [Cramer 1968: 178]. Интерес к ассоциативному эксперименту (далее – АЭ) возрастает с признанием ассоциативной природы значения слова и возможностью обнаружения объективно существующих в психике носителя языка семантических связей слов, что делает АЭ значимым для создания теории речевой деятельности [Леонтьев 1965: 248]. Ассоциативный эксперимент как наиболее разработанная методика анализа психосемантики используется для решения задач определения границ семантической категории и ее структуры (ядра, периферии и т. п.), изучения особенностей преломления в сознании индивида сложившихся в лингвокультуре ценностных представлений [Арекеева 2023: 1307]. Наибольшее распространение получила такая разновидность АЭ, как направленный ассоциативный эксперимент (НАЭ). НАЭ проявил себя как средство изучения психолингвистического значения слова, категориального и предметного значения, особенностей развития слова у ребенка, специфики значения некоторых слов, опорных слов сравнительных конструкций, связей между словами, организации лексикона человека.

Специфика вербальных ассоциаций заключается в том, что они характеризуют своеобразие человеческой психики и в то же время связаны с особенностями языка, а именно с мышлением человека при помощи языковых форм. Как считает Т. А. Гридина, «природа вербальной ассоциации также двойственна, как и природа слова: она основана как на связях явлений действительности, то есть обращена к предметному (внеязыковому) ряду, так и на связях между знаками (лексическими единицами), представляющими этот предметный ряд в номинативной системе языка» [Гридина 1996: 52]. Вербальные ассоциации и определяют возможность различных ассоциативных сближений языковых единиц.

Основная часть

В рамках нашего исследования ассоциативный эксперимент был проведен с целью изучения категории 幸福 (счастье), сформированной в сознании китайцев. Используемый в работе метод ассоциативного эксперимента является основным методом получения языкового материала в психолингвистических исследованиях и позволяет произвести

качественно и количественно репрезентативные данные. Эффективность данного метода основывается на возможности взаимодействия с испытуемым напрямую и получении наиболее полно отражающей восприятие участника эксперимента информации.

На первом этапе исследования была поставлена цель эксперимента, разработана анкета и размещена в глобальной сети Интернет. В качестве слов-стимулов использовались слова 幸福 (*счастье*) для носителей китайского языка. Задание, которое получили испытуемые, было сформулировано следующим образом: «Напишите Ваши ассоциации (слова, словосочетания, предложения, поговорки, пословицы и т. д.) к слову *счастье*. На китайском языке задание звучало так: «请写出与“幸福”相关联的词语、短语、句子、成语、谚语、俗语等。»

Китайские испытуемые были опрошены на базе сервиса анкетирования Tencent 腾讯问卷 [Tengxun Wenjuan]. Это профессиональная система опроса анкет, предоставляющая различные способы создания анкет, простые и эффективные методы редактирования, профессиональную статистику данных и выборочную проверку. На втором этапе был проведен направленный ассоциативный эксперимент в электронной онлайн-форме со словом-стимулом 幸福 (*счастье*). В эксперименте приняли участие 200 китаеязычных испытуемых в возрасте от 15 до 65 лет. После первого этапа ассоциативного эксперимента, мы распределили все полученные ассоциации по семантическим модулям. Семантический модуль характеризуется как отдельно оформленный элемент структуры микрополя, состоящий из лексических единиц, отражающих конкретный компонент значения [Зубарева, Шустова 2022: 39, 50, 52]. Рассмотрим распределение всех полученных ассоциаций на слово-стимул 幸福 (*счастье*) по семантическим модулям.

1. Семантический модуль СОСТОЯНИЕ (126)

Среди разработанных нами семантических модулей самую большую в количественном отношении группу составляет семантический модуль СОСТОЯНИЕ. Состояние – одна из основных универсальных семантических категорий, которая отражает специфический тип положения вещей, характеризующийся стабильностью, отсутствием изменения на протяжении некоторого отрезка времени [Акмалова 2005: 235]. Семантический модуль СОСТОЯНИЕ представлен ассоциатами 自由 / свобода (18), 家和万事兴 / семейная гармония и процветание (7), 家庭和睦 / семейная гармония (7), 幸福安康 / поздр. счастья и здоровья (6), 睡觉 / сон (6), 阖家团圆 / вся семья вновь собралась вместе (5), 幸福的家庭都是相似的, 不幸的家庭各有各的不幸 / Все счастливые семьи похожи друг на друга, а у несчастных семей есть свои несчастья (5), 幸运 / везение (4), 团圆 / счастливое окружение (4), 安居乐业 / спокойно жить и быть довольным своей работой (4), 平安 / спокойствие, благополучие (4), 和平 / мир (3), 旅行 / путешествие (3), 心满意足 / быть полностью удовлетворённым (2), 开心 / быть в хорошем настроении (2), 无忧无虑 / ни печали, ни забот (2), 精神富足 / духовный достаток (2), 成功 / удача (2), 团团圆圆 / воссоединяться (2), 和谐 / гармония (2), 婚姻 / брак (2), 幸福生活 / счастливая жизнь (2), 精神富足 / духовный достаток (2), 富裕 / достаток (2), 中奖 / выиграть в лотерею, 做自己想做的事 / делать то, что сам хотел, 没有烦恼 / никаких забот, 没有烦心事 / никаких забот, 独处 / быть одному, 金钱无忧 / никогда не заботиться о деньгах, 经济独立 / экономическая (материальная) независимость, 前程似锦 / прекрасные перспективы, 家财万贯 / очень богатая семья, 安稳度日 / жить спокойно, 真心的笑 / смех от души, 重逢 / снова встретиться, 真好 / хорошо, 事业有成 / успех в карьере, 芝麻开花节节高 / поговорка. неуклонно подниматься вверх, 有目标有理想 / иметь цели и идеалы, 甜蜜 / сладостный, 努力 / усилия, 微笑 / улыбка, 幸福像花儿一样 / счастье как цветы, 灿若舒锦 / яркий и блестящий, 美好 / прекрасный, 完美 / идеальный, 温馨 / теплый и уютный, 有福同享, 有难同当 / делить и

счастье, и невзгоды, 知足 / довольствоваться своей участью, 笑口常开 / постоянно улыбаться, 平安喜乐 / спокойствие и радость, 无拘无束 / ничем не связанный, 自洽 / самосогласованный, 眉开眼笑 / сияющее лицо, 好事成双 / удачи приходят парой, 万事如意 / исполнения желаний во всем, 万事顺遂 / благополучия во всех начинаниях, 顺心顺意 / пусть всё будет так, как вы хотите, 春风得意马蹄疾 一日看尽长安花 / стихи, описывающие достижение цели и хорошее настроение, 但愿人长久, 千里共婵娟 / стихи, описывающие о том, что несмотря на расстояние, влюбленные люди хотят жить вместе и долго, 两情若是长久时, 又岂在朝朝暮暮 [唐圭璋 1965: 459] / стихи, описывающие настоящую любовь, независимо от времени, 人有三寡 / *поговорка*. мало говорить, мало поступать и мало хотеть, 一生幸福 / счастье на всю жизнь, 灵魂的充盈 / богатая душа, 安心 / спокойствие, 被爱 / быть влюбленным, 国泰民安 / мирная страна и спокойный народ, 同频共振 / синхронные колебания, 热爱 / страсть к чему, 有收获 / достижение, 不幸中的万幸 / *поговорка*. чудесным образом, удивительно, 家国安康 / родина и страна благополучны, 万家灯火 / миллионы семей зажигают свет, 久旱逢甘霖 / длительная засуха встречается с обильными дождями, 生活如意 / жизнь радостна, 工作顺利 / работа налажена, 学业有成 / успех в учёбе, 成绩斐然 / выдающиеся достижения, 事业有成 / успешная карьера, 陪伴 / сопровождение, 所愿皆可得 / все мечты сбывались.

2. Семантический модуль ЛЮДИ (117): 健康 / здоровье (28), 家庭 / семья (23), 家人 / родные (11), 朋友 / друг (10), 友情 / дружба (5) · 父母 / родители (2) · 妈妈 / мама (2) · 孩子 / дети (2), 爸爸 / папа, 爱人 / муж и жена, 人生 / жизнь человека 白头偕老 / жить вместе до старости, 有福同享, 有难同当 / делить и счастье, и невзгоды, 儿女双全 / есть и дочь, и сын, 科技 / наука, 教育 / образование, 长命百岁 / долголетие, 出去玩 / погулять, 不上课 / не учиться, 见帅哥 / встреча с красавчиком, 买衣服 / купить одежду, 灵魂的充盈 / богатая душа, 爱自己 / любить себя, 友谊长存 / дружба сохранится на век, 好友相伴 / рядом сопровождают друзья, 梦想 / мечта, 运动 / спорт, 眉开眼笑 / сияющее лицо, 独立的自我 / самостоятельный человек, 时间 / время, 选择 / есть выбор, 家国安康 / родина и страна благополучны, 万家灯火 / миллионы семей зажигают свет, 生活如意 / жизнь радостна, 工作顺利 / работа налажена, 学业有成 / успех в учёбе, 成绩斐然 / выдающиеся достижения, 事业有成 / успешная карьера, 自身 / сам, 自己 / я сам, 陪伴 / сопровождение, 午休 / обеденный перерыв [千亿].

3. Семантический модуль ЭМОЦИИ (113)

Эмоции, как неотъемлемая и значительная составляющая человеческой жизни, затрагивают человеческий язык, и играют немалую роль в его формировании. Когнитивная лингвистика относит эмоции к концептуальной картине мира, представляющей собой структурированную совокупность знаний человека о мире, и в то же время, к языковой, опосредующей эту систему знаний человека знаковым способом [Стародубцева 2021: 57]. Семантический модуль ЭМОЦИИ представлен ассоциатами 爱情 любовь (13), 阖家欢乐 / семейная радость (11), 家庭美满 / счастливая семья (9), 美满 / прекрасный и полный (напр. о жизни) (9), 快乐 / радость (7), 知足常乐 / цени то, что имеешь, и всегда будешь счастлив (6), 幸福美满 / поздр. счастья и благополучия (5), 幸福 / счастливый (5), 友情 / дружба (5), 如履薄冰 / проявлять чрезвычайную осторожность (3), 其乐融融 / радоваться (3), 心想事成 / исполнения всех желаний (3), 爱 / любить (3), 心满意足 / быть полностью удовлетворённым (2), 开心 / быть в хорошем настроении (2), 无忧无虑 / ни печали, ни забот (2), 亲情 / родственные чувства (2), 阖家幸福 / вся семья счастлива (2), 合家美满 / счастливая семья, 真心的笑 / смех от души, 真好 / хорошо, 甜蜜 / сладостный, 微笑 / улыбка, 幸福像花儿一样 / счастье как цветы, 灿若舒锦 / яркий и блестящий, 美好 / прекрасный, 完美 / идеальный, 温馨 / тёплый и уютный, 笑口常开 / постоянно улыбаться, 平安喜乐 / спокойствие и радость, 万事如意 / исполнения желаний во всех, 万事顺遂 /

благополучия во всех начинаниях, 顺心顺意 / пусть всё будет так, как вы хотите, 一生幸福 / счастье на всю жизнь, 安心 / спокойствие, 被爱 / быть влюбленным, 热爱 / страсть к чему, 生活如意 / жизнь радостна, 所愿皆可得 / все мечты сбывались.

4. Семантический модуль **БОГАТСТВО (24)**: 钱 / деньги (15), 价值 / цена, 财富 / богатство, 财富自由 / финансовая свобода, 自给自足 / самостоятельность и независимость, 金钱无忧 / никогда не заботиться о деньгах, 经济独立 / экономическая (материальная) независимость, 家财万贯 / очень богатая семья, 经济的发展 / развитие экономики, 中产 / со средним достатком.

5. Семантический модуль **«ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ» (20)**: 钱 / деньги (15), 足球 / футбол, 自行车 / велосипед, 索尼镜头 / объектив sonu, 猫 / кошка, 财富 / богатство.

6. Семантический модуль **«ЕДА» (17)**: 美食 / вкусная еда (6), 吃喝 / есть и пить (3), 三餐四季 / трехразовое питание и четыре сезона (2), 串串 / китайский шашлык, 吃饱穿暖 / сытно есть и тепло одеваться, 夏天的冰淇淋, 冬天的围炉煮茶 / мороженое летом и горячий чай зимой, 火锅 / хого (китайский способ приготовления горячих блюд из овощей, мяса и др.), 团圆饭 / ужин в кругу семьи.

7. Семантический модуль **«ПРИРОДА» (12)**: 大自然 / природа, 金风玉露一相逢 便胜却人间无数 / стихи, описывающие золотую осень, 幸福像花儿一样 / счастье как цветы, 太阳 / солнце, 猫 / кошка, 养狮子老虎 / заводить льва и тигра, 大雁南飞 / дикий гусь летит на юг, 阳光 / лучи солнца 晚风 / вечерний ветер 落日 / солнце на закате, 花好月圆 / красивые цветы и полная луна, 阳光明媚 / яркое солнце.

8. Семантический модуль **«СОБЫТИЕ» (9)**: 春节 / праздник весны, 足球 / футбол, 出去玩 / погулять, 不上课 / не учиться, 见帅哥 / встреча с красавчиком, 买衣服 / купить одежду, 团圆饭 / ужин в кругу семьи, 运动 / спорт, 选择 / есть выбор.

9. Семантический модуль **«ПРОСТРАНСТВО» (6)**: 和平强大的国家 / мирная и могучая страна, 国家安定和平 / мирная и спокойная страна, 幸福近在眼前 / счастье прямо перед глазами, 国泰民安 / мирная страна и спокойный народ, 出生在中国 / рождение в Китае, 大雁南飞 / дикий гусь летит на юг.

Заключение

Анализ семантических модулей показал, что в ядро ассоциативно-вербального поля члена оппозиции СЧАСТЬЕ входят семантические модули СОСТОЯНИЕ, ЛЮДИ и ЭМОЦИЯ в диапазоне реакций от 113 до 126, в зону ближней периферии включаются реакции семантических модулей БОГАТСТВО, ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ в диапазоне свыше 20 реакций, остальные модули с частотой встречаемости менее 20 реакций отнесены к зоне дальней периферии. Формируя интегральный образ СЧАСТЬЕ в китайском языке, можно составить представление об актуализации категории СЧАСТЬЕ в языковом сознании носителей китайского языка, которая позволяет члену лингвокультурного сообщества структурировать физическое и социальное пространство по отношению к самому себе и себе подобным. Образ счастья в ментальном лексиконе китаеязычных испытуемых представлен как хорошее, активное физическое, душевное и психологическое состояния, к которому человек стремится всю жизнь. СЧАСТЬЕ – также очень важная эмоция, выражающая желания, надежды, чаяния и любовь людей к жизни и ко всему.

Список литературы

1. Акмалова Ф. Ш. Семантическая и формально-структурная репрезентация категории «состояние»: на материале английского, немецкого и русского языков: дисс. ... канд. филол. наук. Ижевск, 2005. 235 с.
2. Арекеева Ю. Е. Моделирование ассоциативно-вербального поля категории "他人的" // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. 2023. Т. 33. № 6. С. 1307–1320.

3. Гридина Т. А. Ассоциативный потенциал слова и его реализация в речи (явление языковой игры) : автореф. ... д-ра филол. наук. М., 1996. 52 с.
4. Зубарева Е. О., Шустова С. В. Концептуальное поле «Миграция»: опыт лингвистического моделирования. М. : URSS. 2022. 180 с.
5. Леонтьев А. А. Слово в речевой деятельности: Некоторые проблемы общей теории речевой деятельности. М. : Наука, 1965. 248 с.
6. Стародубцева Е. А. Некоторые актуальные вопросы изучения эмотивной семантики // Вестник Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института 2021. № 1. С. 57–62.
7. Cramer Ph. Word Association. New York ; London : Academic Press, 1968. 178 p.
8. 唐圭璋. 《全宋词》[M]. 北京 : 中华书局 · 1965 : 459. (Тан Гуйчжан. Полное собрание цы-поэзии Сунской династии [M]. Пекин : Китайская книжная палата, 1965. 459 с.
9. 千亿. URL: <https://w.qianyix.com> (дата обращения: 26.03.2025).
10. Tengxun Wenjuan URL: <http://wj.qq.com/> (дата обращения: 02.08.2024).

References

1. Akmalova F. SH. Semanticheskaya i formal'no-strukturnaya reprezentatsiya kategorii «sostoyaniye» : na materiale angliyskogo, nemetskogo i russkogo yazykov [Semantic and formal-structural representation of the category “state”: based on the English, German and Russian languages]. PhD thesis, Izhevsk, 2005, 235 p. (In Russ.).
2. Arekeyeva YU. E. Modelirovaniye assotsiativno-verbal'nogo polya kategorii "他人的" [Modeling the associative-verbal field of the category "他人的"]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya: Istoriya i filologiya* [Bulletin of Udmurt University. Series: History and Philology]. 2023, vol., 33, no. 6, pp. 1307-1320. (In Russ.).
3. Gridina T. A. Assotsiativnyy potentsial slova i yego realizatsiya v rechi (yavleniye yazykovoy igry) [The associative potential of a word and its implementation in speech (the phenomenon of language play)]. Doctoral dissertation, Moscow, 1996, 52 p. (In Russ.).
4. Zubareva E. O., Shustova S. V. Kontseptual'noye pole «Migratsiya»: opyt lingvisticheskogo modelirovaniya [The conceptual field of “Migration”: an experience of linguistic modeling]. Moscow, URSS, 2022, 180 p. (In Russ.).
5. Leont'yev A. A. Slovo v rechevoy deyatel'nosti: Nekotoryye problemy obshchey teorii rechevoy deyatel'nosti [Word in speech activity: Some problems of the general theory of speech activity]. Moscow, Nauka, 1965, 248 p. (In Russ.).
6. Starodubtseva E. A. Nekotoryye aktual'nyye voprosy izucheniya emotivnoy semantiki [Some current issues in the study of emotive semantics]. *Vestnik Moskovskogo informatsionno-tekhnologicheskogo universiteta - Moskovskogo arkhitekturno-stroitel'nogo instituta* [Bulletin of the Moscow Information Technology University - Moscow Institute of Architecture and Civil Engineering]. 2021, no. 1, pp. 57-62. (In Russ.).
7. Cramer Ph. Word Association. New York, London, Academic Press, 1968, 178 p.
8. Tan Guychzhan. Polnoye sobraniye tszy-poezii Sunkoy dinastii [Complete Zi Poetry of the Song Dynasty]. Pekin, Kitayskaya knizhnaya palata, 1965, 459 p. (In Ch.).
9. 千亿. (In Ch.). Available at: <https://w.qianyix.com> (accessed: 26.03.2025).
10. Tengxun Wenjuan. Available at: <http://wj.qq.com/> (accessed: 02.08.2024).

Информация об авторе

Бай Линсяо – преподаватель, Чэндуский университет иностранных языков.

Information about the author

Bai Lingxiao – Lecturer, Chengdu University of Foreign Languages.

Статья поступила в редакцию 20.04.2025; одобрена после рецензирования 20.05.2025; принята к публикации 25.06.2025.

The article was submitted 20.04.2025; approved after reviewing 20.05.2025; accepted for publication 25.06.2025.

Евразийский гуманитарный журнал. 2025. № 4. С. 77–87.
Eurasian Humanitarian Journal. 2025. No. 4. P. 77-87.

Научная статья

УДК 82.03

EDN: UWQNWA

doi:10.17072/2587-6589-2025-4-77-87

<https://elibrary.ru/uwqnwa>

ОСОБЕННОСТИ ТРАНСЛЯЦИИ МИГРАЦИОННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В ЖАНРЕ ВЕРЛИБРА (НА МАТЕРИАЛЕ СТИХОТВОРЕНИЯ ДЖ. СКАРБРО «TENANTRY»)

Екатерина Олеговна Зубарева¹, Полина Павловна Чернышева²

^{1,2} Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия

¹ fialka21-85@mail.ru

² lina-linapavlovna@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются особенности и трудности трансляции жанра верлибра в миграционной литературе на русский язык. Авторы исследуют языковые средства и приемы, отражающие тему миграции в англоязычной поэзии и способы их передачи на русский язык. Жанр верлибра, несмотря на отсутствие рифмы, относится к поэзии, его содержание и структура идентичны конвенциональному стихотворению. Поэтический перевод представляет собой сложную задачу, а в сочетании с многоаспектной темой миграции, сложность перевода повышается, что обусловлено множественными интерпретациями в зависимости от индивидуальности, творческого мышления и личного опыта переводчика. При таком виде перевода возникает внутренний конфликт. С одной стороны, задачей переводчика является полное воссоздание оригинала текста: от стиля и интонационного рисунка до экстралингвистических компонентов. С другой стороны, современные концепции предполагают возможности проявления собственного «Я» при интерпретации поэтического текста для того, чтобы построить диалог с целевой аудиторией, что делает его более творческим и свободным.

Ключевые слова: миграционная литература, верлибр, миграция, поэтический перевод, индивидуальная интерпретация.

Для цитирования: Зубарева Е. О., Чернышева П. П. Особенности трансляции миграционной литературы в жанре Верлибра (на материале стихотворения Дж. Скарбро «Tenantry») // Евразийский гуманитарный журнал. 2025. № 4. С. 77–87. <https://doi.org/10.17072/2587-6589-2025-4-77-87>. EDN: UWQNWA

Original article

FEATURES OF THE TRANSLATION OF MIGRATION LITERATURE IN THE GENRE OF VERLIBRA (BASED ON J. SCARBROUGH'S POEM “TENANTRY”)

Ekaterina O. Zubareva¹, Polina P. Chernysheva²

^{1,2} Perm State University, Perm, Russia

¹ fialka21-85@mail.ru

² lina-linapavlovna@mail.ru

Abstract. The article is analyzed the features and difficulties of translating the genre of verlibra in migration literature into Russian. The authors explore linguistic means and techniques reflecting the theme of migration in English-language poetry and ways of their transmission into Russian. The genre of verlibra, despite the lack of rhyme, belongs to poetry, its content and structure are identical to a conventional poem. Poetic translation is a complex task, and in combination with the multidimensional theme of migration, the complexity of translation increases, due to multiple interpretations depending on the personality, creative thinking and personal experience of the translator. This type of translation creates an internal conflict. On the one hand, the translator's task is to completely recreate the original text: from the style and intonation pattern to the extralinguistic components. On the other hand, modern concepts suggest the possibility of expressing one's own "I" when interpreting a poetic text in order to build a dialogue with the target audience, which makes it more creative and free.

Keywords: migration literature, verlibra, migration, poetic translation, individual interpretation.

For citation: Zubareva E. O., Chernysheva P. P. Features of the Translation of Migration Literature in the Free Verse Genre (based on J. Scarbrough's poem "Tenantry"). Eurasian Humanitarian Journal. 2025;4:77-87. (In Russ.). <https://doi.org/10.17072/2587-6589-2025-4-77-87>. EDN: UWQNWA

Введение

Перевод художественной литературы представляет собой сложную задачу. Необходимо сохранить и авторский замысел, и его индивидуальный стиль, и эмоциональный фон произведения. Поэтический перевод вызывает еще большие трудности, обусловленные гиперболизацией эмоциональности и чувственности, которая достигается благодаря использованию фонетических, лексических, синтаксических и стилистических средств выразительности. Очень важно определить общую стратегию перевода. С одной стороны, переводчик может поставить целью полное воссоздание оригинала: от стиля и интонационного рисунка до экстралингвистических компонентов. С другой стороны, переводчик может выбрать более творческий подход к переводу и проявить свое собственное «Я» для того, чтобы построить диалог с читателем. Поэтический перевод подразумевает разные интерпретации, которые зависят от индивидуальности, творческого мышления и личного опыта переводчика. В связи с чем часто встает вопрос о субъективности или «правильности» переводческих решений. Переводчику свойственно делать сознательный и интуитивный выбор из множества вариантов вне зависимости от научных принципов [Кушнина, Аликина 2021: 276]. Множественность интерпретаций и вариантов перевода подтверждает идею о том, что «на смену традиционному представлению о переводчике-инструменту приходит представление о переводчике-личности, что поднимает целый ряд вопросов о принципиальной множественности интерпретации текста оригинала» [Корнаухова 2011: 176]. В данной работе мы придерживаемся концепции сохранения авторской мысли, но при этом допускаем отклонения от индивидуального стиля автора и собственные творческие решения в зависимости от контекста для того, чтобы наиболее точно передать эмоциональность произведения с учетом тематики миграции, целевой аудитории и языка перевода.

В качестве материала для анализа особенностей перевода миграционной литературы выбран жанр верлибра. Адаптация самого верлибра как жанра представляет особую сложность, поскольку стихотворение в прозе считается одним из наименее изученных жанров в литературе. В русской литературе жанр начал широко использоваться относительно недавно: с начала XX в., в то время как в европейской культуре поэзии данный вид версификации используется с античных времен [Тюпа 2007: 58]. При определении верлибра важно обозначить, что несмотря на отсутствия рифмы, такой вид стихотворения нельзя считать прозой, поскольку его содержание и особенности синтаксиса идентичны конвенциональному стихотворению.

В статье анализируется верлибр «Tenantry», написанный Дж. Скарбро. Выбранный верлибр отличается диспропорцией в количестве печатных знаков и количестве слов, обусловленной особенностью структуры произведения: стихотворение поделено на строки из 2–3 слов, каждая строка представляет собой словосочетание или односоставное

предложение. Такая организация текста придает ему отрывистый ритм с элементом незавершенности высказывания. Автор таким образом изображает смену впечатлений во время непрерывных перемещений своего лирического героя, также это может быть аллегорией на смену видов за окном во время путешествия.

Название стихотворения является одним из ключевых моментов в переводе. Лексема *tenantry* в русском языке имеет аналоги *арендатор*, *наниматель* [Мультитран], очень часто встречается в текстах официально-делового стиля (в договорах и законодательных актах). Проведя предпереводческий анализ и учитывая общий смысл всего произведения принято решение адаптировать название к более широкой реалии русского языка, понятной простым читателям. Авторы, используя экспликацию, предлагают более выразительный с точки зрения художественности вариант *временный постоялец*, что не нарушает замысел автора. Согласно словарям, лексема *постоялец* толкуется как «жилец, съемщик небольшого жилья» [Академик.ру] и использованное нами словосочетание является равноценной лексической заменой. Для иллюстрации примеров переводческих решений выбран следующий алгоритм визуализации: текст оригинала, подстрочный перевод, перевод, выполненный авторами.

Always in transit we were always temporarily in exile, each new place seeming after a while and for a while our home.	Всегда в пути, мы всегда были временно в изгнании, каждое новое место казалось через некоторое время и на какое-то время нашим домом.	Всегда в пути, всегда мы были временно в изгнании, каждый ранее незнакомый уголок земли, со временем и лишь на время, становился нашим домом.
--	--	--

В примере используется лексико-семантическая замена фразы *new place* и выражение эксплицируется в *ранее незнакомый уголок земли*. Использование уменьшительно-ласкательного суффикса акцентирует внимание на небольших размерах любой страны в масштабах большой планеты.

Такое решение обосновано тем, что предложенный вариант соответствует художественному стилю и глубоко отражает тему миграции: каждая страна – это обособленный кусочек, уголок земли, обладающий своими собственными культурными, природными, экономическими особенностями.

Предложенная авторами замена рассматривается как эквивалент только в рамках данного контекста. Пример содержит фразу *after a while and for a while*, которая имеет значение непродолжительности времени и относится к «акклиматизации» мигранта к новой реальности. К тому же она является синонимом лексики *temporarily*, которая используется в первой части предложения, чтобы отразить этот авторский прием предлагается перевод с сохранением семантического повтора – *со временем и лишь на время*. Во второй части предложения автор использует солецизм, то есть допускает грамматическую ошибку, которая не искажает общий смысл фразы. Данный прием заключается в том, что после подлежащего стоит причастие, а не глагол: *each new place seeming*, что нарушает строгий грамматический порядок слов в предложении. Для сохранения ритмичности данной фразы при переводе используется перестановка и лексико-грамматическая замена лексики *seeming*, что соответствует нормам языка перевода. Отметим, что с первых строк автор подчеркивает вынужденный характер миграции, ассоциируя ее с изгнанием.

Because no matter how far we traveled on the edge of strangeness in a small county.	Потому что независимо от того, как далеко мы заходили на край странностей в маленьком графстве.	И не важно, как далеко заносила нас судьба, на край неизвестности в маленьком неизвестном округе.
--	---	--

Пример иллюстрирует рефлексии автора о гнетущем чувстве пустоты и одиночества, которое испытывает мигрант в чужой стране, что выражено с помощью метафоры *the edge of strangeness*, обозначающей *the state or quality of being strange* [Collins Dictionary], что

обуславливает предложенный вариант перевода – *край неизвестности*. Главной задачей было сохранить ритмизацию благодаря повтору лексемы *неизвестность* и ее словоформ. Для поэтичности и выразительности произведения в языке перевода выражения *how far we traveled*, используется грамматическая замена залога и лексическая замена основного глагола, что приводит к такой трансформации как *заносила нас судьба*.

Более частый и привычный вариант перевода глагола *to travel* – *путешествовать* не передает ту экспрессию внешнего воздействия, которая заложена в смысле произведения и обычно ассоциируется просто с приятной поездкой с целью познания мира или отдыха, в оригинале автор вкладывает отличное от основного значение, подчеркивая не собственное желание к перемещению, а вынужденное. Замена активной грамматической конструкции на пассивную позволяет подчеркнуть «безвольность» агенса. Такой переход агенса в пациенс также можно считать художественным приемом переводчика.

Такая модификация определяется стремлением к приданию «фатальности» совершаемого перемещения. Стоит обратить внимание, что оборот «заносит судьба» часто встречается в произведениях русской литературы. В Национальном корпусе русского языка (далее НКРЯ) зафиксировано много примеров, в которых используется данный оборот.

Лесной этот край – малая родина; Россия, Союз – большая, а там и иные края и страны, куда поэта заносила судьба [А. Т. Твардовский. Рабочие тетради (1958) // «Знамя» (1989), НКРЯ]; *И куда-куда, не заносила судьба их победные дворянские головы с признаками и без признаков благородного происхождения на лице!* [А. И. Эртель. Записки Степняка (1883), НКРЯ].

Проанализировав примеры из русской литературы и сопоставив лексему *traveled* в произведении «Tenantry», можно полагать, наш перевод является более уместным в данном жанре и в контексте произведения. В примере проявляется национально-культурная специфика, выраженная лексемой *county*, которая представляет собой реалию и обладает разным значением в британском и американском вариантах английского языка и содержит экстралингвистический компонент, который выражается в разном восприятии по причине уникальной для каждой страны системы административного деления.

Для адекватной трансляции лексемы на русский язык мы обратились к словарям. Кембриджский словарь предлагает следующие определения:

1. *a political division of the UK or Ireland, forming the largest unit of local government, or the largest political division of a state in the US* (политическое подразделение Великобритании или Ирландии, образующее крупнейшую единицу местного самоуправления, или крупнейшее политическое подразделение штата в США);

2. *behaving in a way that is typical of rich people with a high social position who live in large houses in the countryside* (типичное поведение богатых людей с высоким социальным положением, которые живут в больших домах в сельской местности) [Cambridge Dictionary: эл. ресурс]. Также были изучены синонимы в русско-английских словарях лексемы *county*: *графство, округ, тюрьма* [Multitran].

Далее был изучен экстралингвистический контекст. Джордж Скарбро родился в штате Теннесси (США) в многодетной семье фермера. Он обучался в разных университетах по всей стране. В 2005 г. стал почетным доктором Мемориального университета Линкольна. Главной темой его творчества стало описание деревенских пейзажей, южных штатов и жизнь людей, живущих в этих условиях [Poetry Foundation].

Таким образом нами выбран вариант перевода лексемы *county* как *округ*. Данный вариант, с одной стороны, позволяет отразить культурную маркированность, с другой стороны, является знакомой для русского читателя. В административном делении Российской Федерации также встречается термин «округ», например, Центральный федеральный округ, Ненецкий автономный округ.

... the earth ran before us down red clay roads blurred with summer dust, banked with winter mud.	Земля бежала перед нами по красным глиняным дорогам, размыты летней пылью, покрытых зимней грязью.	Земля бежала и бежала перед нами красными глиняными дорогами, покрытыми то летней пылью , то зимней слякотью .
---	--	--

В переводе сохраняется метафора с элементом олицетворения – *the earth ran*. В тексте оригинала олицетворение используется для создания динамической картинке: идя по дороге, у которой будто нет конца, путнику кажется, что он бежит за кем-то. В вышеприведенном контексте олицетворение является ключевым аспектом произведения.

Адаптация такого приема на русский язык не представляет трудности, поскольку в русской поэтической традиции олицетворение природы и природных явлений является одним из наиболее часто используемых приемов. В переводе предлагается дупликация глагола *ran*, которая в русском языке часто используется для описания длительности какого-либо действия, что, свою очередь, подчеркивает мысль автора. В переводе иллюстрируется бесконечность перемещений как в оригинальном тексте, при этом авторы перевода не нарушают мысль автора, но используют дополнительный художественный прием, чтобы глубже ее раскрыть.

В примере используется и другой прием выразительности, выраженный антитезой *summer / winter – лето / зима*. Автор подчеркивает процессуальность миграции, которая не зависит ни от сезона, ни от погодных условий.

В тексте оригинала использованы различные лексемы для описания дорог в разные сезоны года: *banked* с основной дефиницией *to keep your money in a particular bank, or to put money into a bank* [Cambridge Dictionary] и *blurred – difficult to see* [там же]. Перевод лексемы *blurred* не составил особой сложности, поскольку все значения, зафиксированные в англоязычных словарях [Merriam Webster, Cambridge Dictionary, WoordHunt] являются синонимичными. Сложность возникла с адаптацией лексемы *banked*, поскольку включает следующие разнородные значения: 1. сгребать в кучу; наваливать; 2. делать насыпь; окружать валом, насыпью; 3. громоздиться, вздыматься; 4. запруживать; 5. окружать, окаймлять.

При переводе мы использовали значения из пункта два, поскольку они лучше подходят по смысловому компоненту к метафоре о дороге. В данном контексте был использован прием опущения, глаголы *to blur* и *to bank* имеют общее значение – *покрывать*, скорее всего автор использует два глагола, которые начинаются с одной согласной и заканчиваются на –ed для поддержания ритма. Также стоит обратить внимание, что для сохранения ритмического рисунка произведения, мы переводим лексемы *dust* и *mud* в форме инструментатива, поскольку именно в такой падежной форме у русских эквивалентов совпадают окончания. В оригинале данные лексемы образует ритм за счет того, что одно слово начинается с d, другое им заканчивается.

It was the measurable, pleasurable earth that was home. Nobody who loved it could ever be really alien.	Это была измеримая, приятная земля, которая была домом. Никто, кто любил ее, никогда не мог быть по-настоящему чужим.	Это была маленькая, уютная земля, ставшая домом. Те , кто любил ее, не был ей на самом деле чужим.
--	---	---

В этом примере автор использует эпитет, который сопровождается морфемной эпифорой *measurable, pleasurable earth*. В переводе используется лексическая замена лексем *pleasurable* – уютная и *measurable* – маленькая, а также грамматическая замена придаточного предложения на причастие. Согласно словарям английского языка *measurable* может иметь значение *измеримый, осязаемый, заметный, небольшой* [Merriam Webster, Cambridge Dictionary]. Опираясь на контекст, мы выбираем наиболее подходящее значение лексемы *measurable* и переводим ее как *маленькая*. Лексема *pleasurable* имеет значение *приятный*

[там же]. Сочетание *приятная земля* не воспринимается носителями русского языка, исходя из списка синонимов лексемы *приятный* в русском языке, предположили, что для данного контекста подходит замена на *уютный*, так как автор произведения ассоциирует новое место с домом.

Во втором предложении данного отрывка предлагается использование приема антонимического перевода с синтаксическими изменениями. Так, буквальный перевод фразы имеет следующую форму: «никто, кто любил ее никогда не мог быть по-настоящему чужим». Для русского языка эта фраза является лексически избыточной за счет двойного отрицания. Мы заменили отрицательное местоимение *nobody* на указательное местоимение, а также произвели грамматическую замену модального предложения на простое.

Its tough clay, deep loam, hill rocks, small flowers were always the signs of a homecoming.	Ее прочная глина, глубокий суглинок, камни на холмах, маленькие цветы всегда были признаками возвращения домой.	Ее твердая глина, глубокая плодородная почва, каменные холмы, маленькие цветы всегда были признаками возвращения домой.
--	---	--

Земля – ключевой объект в культуре разных народов, земля является признаком стабильности и безопасности. Для мигранта «заземление» на новом месте и в то же время сохранение крепких связей с родиной является инструментом выживания в чужой стране. Этот факт отображает важность представленного отрывка для структуры произведения в целом, поэтому в переводе сохраняется подробное описание земли, несмотря на то, что лексемы *clay* и *loam* [Merriam Webster]. являются синонимами, обладающие основным значением – *глина* или *почва*, и можно было одну из них опустить. Но следуя за автором, мы сохраняем однородные члены предложения и перечисления, используя разные синонимы.

We wound down through them to them, and the house we came to, whispering with dead hollyhocks or once in spring sill-high in daisies , was unimportant.	Мы спускались через них к ним, и к дому, к которому мы пришли, шепчущий мертвыми падубами или однажды весной заросший маргаритками, было неважно.	Мы спускались через них к ним, и шелестевший сухими мальвами или как-то весной заросший ромашками , дом, к которому мы пришли, был неважен.
---	---	--

При переводе данного примера используется лексическая замена лексемы *whispering* (от инфинитивной формы глагола *to whisper*) с основным значением *making a sibilant sound* («издающий свистящий звук») [Merriam Webster]. Однако, поскольку лексема описывает «действия» растений, при переводе предлагается вариант *шелестевший*. Такая адаптация лексемы обоснована достижением «естественности» текста. Глагол *шелестеть* чаще используется для описания звуков, издаваемых растениями (листьями, травами, сухими стеблями) и точнее передаёт задумку автора о передаче звука шороха сухих растений.

В примере автор использует метафору *dead hollyhocks*. В словаре зафиксировано следующее определение лексемы *dead*: *not now living* (неживой на данный момент) [Cambridge Dictionary]. В русском языке лексема *мертвый* имеет сильную экспрессивную коннотацию, то есть словосочетание «мертвые растения» будет звучать непривычно и резко. Для описания высохшего растения чаще употребляются определения «увядший», «сухой», «засохший». Именно поэтому в переводе мы используем демегафоризацию данной фразы, не нарушая смысл произведения.

Пример иллюстрирует национально-культурную специфику, которая выражается через описание природы и лексему *hollyhocks*. Этот фактор играет ключевую роль при адаптации текста, поскольку переводчику нужно ознакомиться с биографией автора, чтобы понять, какая местность и ее особенности описываются в произведении. Исходя из вышеприведенной биографической справки, можно сделать вывод о том, что речь идет о горной местности штата Теннесси, известной своими долинами и горными хребтами. Данная

экстралингвистическая информация определила перевод названий растений в соответствии с местом их обитания: *hollyhocks* – мальвы (*штокрозы*), *daisies* – ромашки [WoordHunt: эл. ресурс].

Лексема *daisy* оказалась более сложной с точки зрения перевода, поскольку перед нами стоял выбор из двух вариантов растений ромашки и маргаритки, что связано с лингвокультурным компонентом. В контексте данного стихотворения, на наш взгляд, более корректным переводом будет являться *ромашка*, поскольку в реалиях штата Теннесси (как и США) не существует такого растения как *маргаритка*. Данная лексема с таким значением в английском языке функционирует исключительно в пределах Европы и Азии.

В данном отрывке при переводе используется инверсия, которая была необходима во избежание перегруженности предложения. При дословном переводе текста оригинала на русский язык сразу две конструкции, относящиеся к существительному «дом», следуют друг за другом. Это вызывает сложности восприятия образов, поскольку читателю становятся непонятны связи всех элементов предложения. Таким образом, именно обратный порядок слов стал эффективным инструментом для адаптации конкретного предложения.

Wherever it stood, it stood in earth, and the earth welcomed us, open, gateless, one place as another.	Где бы он ни стоял, он стоял в земле, и земля принимала нас, открыто, без ворот, одно место как другое.	Где бы он ни стоял, стоял на земле, и земля принимала нас открыто, с широко распахнутыми дверьми , одно место похоже на другое.
--	---	--

Приведенный пример содержит несколько лексических повторов *stood* и *earth*, это помогает автору сохранять ритмичность произведения. В переводе все повторы сохраняются и без помех для понимания, также позволяет сохранить ритм. Лексический повтор *earth* в оригинале и в переводе вполне объясним, поскольку тема земли является ключевой в произведении, автор акцентирует внимание читателя на важности для каждого мигранта поддерживать связь с родной землей, которая становится синонимом дома или семьи. Также в переводе используется антонимический перевод с экспликацией, что помогает сохранить образность художественного стиля: *gateless* – с широко распахнутыми дверьми.

And each place seemed after a while and for a while our home: because the county was only a mansion kind of dwelling in which there were many rooms.	И каждое место казалось через некоторое время и на какое-то время нашим домом: потому что графство было лишь особняком, жилищем в котором было много комнат.	И каждый уголок земли со временем и лишь на время , становился домом: потому что округ был лишь особняком , жилищем с множеством комнат.
---	--	--

В данном отрывке повторяется фраза, из самого первого предложения стихотворения *each new place seeming after a while and for a while our home*, которую мы перевели как *каждый уголок земли, со временем и лишь на время, становился домом*, поэтому в этом отрывке мы также дублируем перевод.

Лексема *mansion* обладает национально-культурной спецификой: *a large and impressive house: the large house of a wealthy person* (большой и впечатляющий дом; огромный дом состоятельного человека) [The Britannica Dictionary]. В англоязычных странах *mansion* имеет тесную ассоциацию с богатством и резиденциями. Этот тип зданий является неотъемлемой частью культуры и истории Великобритании, США, Австралии. В России культура особняков возникла в XIX в. и пришла из Франции.

В русском языке лексема *особняк* не обладает национально-культурной спецификой, поскольку просто описывает благоустроенный дом городского типа, предназначенный для одной семьи и для отдельного учреждения [Академик.ру]. Однако среди ряда других

синонимов, таких как *усадьба* (отдельный дом с примыкающими к нему строениями, угодьями; в сельской местности: участок земли при доме), *вилла* (загородный дом, дача) и *коттедж* (одноквартирный индивидуальный городской или сельский жилой дом с участком земли), лексема *особняк* является более близкой по смыслу.

Также в примере использован прием стяжения через изменение придаточного предложения *dwelling in which there were many rooms – жилищем, с множеством комнат*. Данный прием необходим, чтобы избежать перегруженности предложения, что может заметно усложнить восприятие образа дома. Использование сложноподчиненного предложения в тексте оригинала обусловлено грамматическим строем английского языка, который не позволяет исключение данного оборота, поскольку он играет большую смыслообразующую роль.

And always the earth was the new floor under us, the blue pinewoods the walls rising around us, the windows the openings in the blue trees through which we glimpsed, always farther on, sometimes beyond the river, the real wall of the mountain, in whose shadow for a little while we assumed ourselves safe, secure and comfortable as happy animals in an unvisited lair.	И земля всегда была новым полом под нами, голубые сосновые леса – стенами, возвышающимися вокруг нас, окна – проемами в синих деревьях, сквозь которые мы видели, всегда дальше, иногда за рекой, настоящую стену горы, в тени которой мы ненадолго чувствовали себя в безопасности, в безопасности и комфорте, как счастливые животные в невиданном логове.	И всегда земля была новым полом под нами, синие сосны – стенами, возвышающимися вокруг нас, а окна – просветы между синими деревьями, через которые мы смотрели куда-то далеко, за реку, на настоящую стену из гор, в чьей тени мы лишь на время были в безопасности, в безопасности и комфорте как счастливые животные в своем неприступном логове.
---	--	--

Вышеупомянутый контекст содержит несколько метафор, которые сравнивают природу с предметами домашнего интерьера: автор называет землю – полом, сосны – стенами и так далее. Данные метафоры отражают задумку автора о сужении масштабов мира до размеров дома. Таким образом реализуется идея о том, что никто не может быть чужаком в другой стране, если наша планета – это дом, где места хватит всем.

Такой приём создаёт эффект антропоморфимизации природы, подчёркивая её защитную, уютную функцию. При трансляции данного отрывка сохранение метафор соответствует нормам русского языка и не препятствует пониманию текста.

В переводе использован прием лексической замены глагола *to assume*. Согласно словарю, лексема может иметь несколько значений:

1. *to think that something is true or probably true without knowing that it is true* (думать, что что-то является правдой или вероятно истинным, не зная, что это правда);
2. *to begin to have (a particular appearance or quality)* (начать обладать чем-то);
3. *to make yourself have (an appearance that does not show your true feelings)* in order to deceive someone (заставить себя иметь (вид, не показывающий реальных чувств);
4. *to place yourself in (a particular position or posture)* (занять определенное положение (позу));
5. *to accept (a responsibility, debt, etc.)* (принимать на себя (ответственность, долг и т. д.) [The Britannica Dictionary].

В контексте данного произведения ни одно из значений, на которые мы можем опираться при подборе синонима, не удовлетворяет смысловым требованиям. По этой причине мы заменили данную лексему на лексему *были*.

Отметим, что в тексте оригинала автор применяет лексический повтор, который можно рассматривать как плеоназм, обусловленный синонимичностью лексем *safe* и *secure*, поскольку согласно словарю, лексема *secure* является полноценной заменой лексемы *safe*

[Thesaurus.com]. Однако, опущение одной из синонимичных лексем не представляется возможным по причине ее важности для смыслового и структурного компонентов верлибра, именно поэтому в переводе предлагается дубликация лексемы *безопасность*.

В переводе авторы предлагают лексическую замену *unvisited* – *непреступный*. Лексема *unvisited* входит в концепт понимания «защищенности» или «безопасности» как в русском, так и в английском языках. Несмотря на то, что словари предлагают такие синонимы, как *not well-known* (*незнакомый*), *unusual* (*необычный*) [Thesaurus.com], авторский вариант не нарушает логику произведения, являясь эквивалентным переводом, задача которого передать смысл и образ для воздействия на читателя.

which is why perhaps no house we ever lived in stood behind a fence, no door we ever opened had a key.	вот почему, возможно, ни один дом, в котором мы когда-либо жили, не стоял за забором, ни одна дверь, которую мы когда-либо открывали, не имела ключа.	вот почему, возможно, ни в одном доме, где мы жили, не было забора, ни одна дверь не была заперта.
--	--	---

Данный отрывок отражает использование антонимичного перевода. Антонимичный перевод применен к фразе *stood behind a fence, no door we ever opened had a key*. Он необходим для соблюдения художественного стиля. Так, в авторском переводе субъектная конструкция заменяется на безличную конструкцию, поскольку литературные нормы русского языка допускают такие замены. Данная трансформация необходима и в эстетических целях, чтобы текст произведения не был перегружен оборотами.

Заключение

Проанализировав перевод миграционного верлибра можно заключить, что основной трудностью является адаптация языковых реалий на русский язык и сохранение определенного ритма, так как не все приемы автора, использованные с этой целью, удастся передать в языке перевода. При переводе англоязычного произведения на тему миграции важно не упустить национально-культурный компонент и подобрать правильный эквивалент, понятный целевой аудитории. Очень важно сохранять замысел автора, ритмику и черты художественного стиля.

Перевод верлибров о миграции представляет особую сложность для переводчика, поскольку миграция не является тем процессом, который переживает каждый человек. Процесс перемещения многогранен, часто обусловлен необходимостью, а не желанием. Тематика накладывает на переводчика дополнительную нагрузку – необходимо обладать широким кругозором и углубленными лингвокультурологическими и экстралингвистическими знаниями. Исходя из проведенного анализа и результатов нашей работы, можно определить несколько факторов, влияющих на выбор переводческих решений: жанр произведения, тематика произведения, авторский стиль и национально-культурная специфика.

Особенности жанра верлибра обусловила широкое использование лексико-грамматических трансформаций для сохранения его структуры. Необходимы изменения на лексическом уровне, подбор синонимов, для создания ритмического рисунка стихотворения. Переводчику миграционной поэзии необходимо понять смысл и мотивацию использования тех или иных средств выразительности (чаще всего использовались метафоры и сравнения) и правильно перевести.

Отдельно стоит отметить особое восприятие процесса миграции в английской картине мира. Для носителя английского языка миграция связана с бесконечным путешествием и тоской по родине и семье, носит скорее вынужденный характер. Это связано с тем, что такие страны как Великобритания, США и Австралия обладают стабильной экономикой и политической системой, переезд из родной страны в основном связан с получением нового места работы или желанием увидеть другую реальность. Ключевой лексемой всего произведения является лексема *earth*, сам процесс описывается через описание и изменение природы.

Список литературы

1. Академик. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/962914> (дата обращения: 01.02 – 30.04.2025).
2. Корнаухова Н. Г. Перевод vs. версия: виды манипуляции в художественном переводе // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2011. № 2 (14). С. 176–183.
3. Кушникова Л. В., Аликина Е. В. Объективный и субъективные факторы в семиотическом пространстве перевода // Балтийский гуманитарный журнал. 2021. Т. 10. № 4 (37). С. 275–279.
4. Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: июнь 2025).
5. Тюпа В. П. Стихотворение в прозе: проблема жанровой идентичности // Новый филологический вестник. 2007. № 2(5). С. 58–65.
6. Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (дата обращения: 01.11.2024 – 01.05.2025).
7. Collins Dictionary. URL: <https://www.collinsdictionary.com/> (дата обращения: 01.11.2024 – 01.05.2025).
8. Merriam Webster Dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/measurable> (дата обращения: 05.01 – 01.05.2025).
9. Multitran. URL: <https://www.multitran.com/> (дата обращения: 01.11.2024 – 01.05.2025).
10. Poetry Foundation. URL: <https://www.poetryfoundation.org/poets/george-scarbrough> (дата обращения: 05.01 – 01.05.2025).
11. Reverso Context. URL: context.reverso.net (дата обращения: 01.11.2024 – 01.12.2024).
12. The Britannica Dictionary. URL: <https://www.britannica.com/dictionary/assume> (дата обращения: 05.01 – 01.05.2025).
13. Thesaurus.com. URL: <https://www.thesaurus.com/> (дата обращения: 01.04 – 01.05.2025).
14. WoordHunt. URL: <https://woordhunt.ru/> (дата обращения: 01.04 – 01.05.2025).

References

1. Akademik. Available at: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/962914> (accessed: 01.02.2025 – 30.04.2025).
2. Kornauhova N. G. Perevod vs. versiya: vidy manipulyacii v hudozhestvennom perevode [Translation vs. version: manipulation types in literary translation]. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* [Bulletin of Irkutsk State Linguistic University]. 2011, no. 2 (14), pp. 176–183 (In Russ.).
3. Kushina L. V., Alikina E. V. Ob"ektivnyj i sub"ektivnye faktory v semioticheskom prostranstve perevoda [Objective and subjective factors in the semiotic space of translation]. *Baltijskij gumanitarnyj zhurnal* [Baltic Humanitarian Journal]. 2021, T. 10, no. 4 (37), pp. 275–279.
4. Nacional'nyj korpus russkogo yazyka. Available at: <https://ruscorpora.ru> (accessed: June 2025).
5. Tyupa V. P. Stihotvorenie v proze: problema zhanrovoj identichnosti [A Prose poem: the problem of genre identity]. *Novyj filologicheskij vestnik* [New Philological Bulletin]. 2007, no. 2(5), pp. 58–65 (In Russ.).
6. Cambridge Dictionary. Available at: <https://dictionary.cambridge.org/> (accessed: 01.11.2024 – 01.05.2025).
7. Collins Dictionary. Available at: <https://www.collinsdictionary.com/> (accessed: 01.11.2024 – 01.05.2025).
8. Merriam Webster Dictionary. Available at: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/measurable> (accessed: 05.01 – 01.05.2025).
9. Multitran. Available at: <https://www.multitran.com/> (accessed: 01.11.2024 – 01.05.2025).
10. Poetry Foundation. Available at: <https://www.poetryfoundation.org/poets/george-scarbrough> (accessed: 05.01 – 01.05.2025).
11. Reverso Context. Available at: context.reverso.net (accessed: 01.11.2024 – 01.12.2024).
12. The Britannica Dictionary. Available at: <https://www.britannica.com/dictionary/assume> (accessed: 05.01 – 01.05.2025).
13. Thesaurus.com. Available at: <https://www.thesaurus.com/> (accessed: 01.04 – 01.05.2025).
14. WoordHunt. Available at: <https://woordhunt.ru/> (accessed: 01.04 – 01.05.2025).

Информация об авторах

Е. О. Зубарева – кандидат филологических наук, доцент, кафедра лингвистики и перевода, Пермский государственный национальный исследовательский университет;

П. П. Чернышева – студент, факультет современных иностранных языков и литератур, Пермский государственный национальный исследовательский университет.

Information about the authors

E. O. Zubareva – Ph. D. (Philology), Associate Professor, Department of Linguistics and Translation, Perm State University;

P. P. Chernysheva – Student, Faculty of Modern Foreign Languages and Literatures, Perm State University.

Статья поступила в редакцию 15.05.2025; одобрена после рецензирования 20.06.2025; принята к публикации 25.08.2025.

The article was submitted 10.05.2025; approved after reviewing 20.06.2025; accepted for publication 25.08.2025.

Евразийский гуманитарный журнал. 2025. № 4. С. 88–98.
Eurasian Humanitarian Journal. 2025. No. 4. P. 88-98.

Научная статья
УДК 811.133.1(092)
EDN: XSFQTC
doi:10.17072/2587-6589-2025-4-88-98

<https://elibrary.ru/ksfqtc>

ТРАДИЦИИ ПРОСВЕЩЕНИЯ В ПРОЗЕ Э.-Э. ШМИТТА

Лариса Владимировна Серебрякова¹, Анна Сергеевна Лыцова²

^{1,2} Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь, Россия

¹ serebryakova_lv@pspu.ru

² ann.lystsova.mir@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена одной из актуальных проблем литературоведения – литературной традиции, значимость которой заключается в оживлении «старого» посредством поиска в нем «живого», нового. Проблема преемственности опыта в современном искусстве стоит довольно остро и рассматривается как один из законов развития литературы. Более того, она волнует как исследователей, так и самих авторов. В этом смысле большой интерес представляет творчество Э.-Э. Шмитта, который лишь отчасти вписывается в постмодернистскую парадигму, однако не пренебрегает творческими экспериментами в области формы произведений. Сам Шмитт считает себя последователем французских просветителей, а потому в своих текстах часто обращается к литературному опыту Монтескье, Вольтера, Дидро. Отмечен новаторский характер литературного творчества философов-просветителей, в частности, философской повести и эпистолярного романа как универсальных жанров для изложения общественно значимых философских идей. Художественный прием «остранения», часто используемый просветителями, например, Вольтером и Монтескье, обращение к восточной тематике и актуализация культурологической и философской проблемы «восток-запад», мотив странствия / путешествия широко представлены в произведениях Шмитта. Нашей целью было выявить просветительские традиции в области жанра в творчестве Э.-Э. Шмитта, на примере романов «Улисс из Багдада» и «Оскар и Розовая Дама». Роман «Улисс из Багдада» сопоставим с философской повестью Вольтера «Кандид, или Оптимизм» и отчасти с «Персидскими письмами» Ш. Монтескье, а в романе «Оскар и Розовая Дама», одном из самых сложных в жанровом отношении произведений Шмитта, прослеживается эпистолярная традиция.

Ключевые слова. Э.-Э. Шмитт, литературная традиция, Монтескье, Вольтер, Дидро, философская повесть, эпистолярная проза, современная французская проза, эпоха Просвещения.

Для цитирования: Серебрякова Л. В., Лыцова А. С. Традиции просвещения в прозе Э. Э. Шмитта // Евразийский гуманитарный журнал. 2025. № 4. С. 88–98. <https://doi.org/10.17072/2587-6589-2025-4-88-98>. EDN: XSFQTC

Original article

TRADITIONS OF ENLIGHTENMENT IN THE PROSE OF E. E. SCHMITT

Larisa V. Serebryakova¹, Anna S. Lystsova²

^{1,2} Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm, Russia

¹ serebryakova_lv@pspu.ru

² ann.lystsova.mir@gmail.com

Abstract. This article explores a pressing issue in literary studies: literary tradition, the significance of which lies in reviving the “old” through searching for the “living” and new within it. The problem of the continuity of experience in contemporary art is a pressing one and is considered one of the laws of literary development. Moreover, it concerns both researchers and authors themselves. In this regard, the work of E.-E. Schmitt is of particular interest. Although he only partially fits into the postmodern paradigm, he did not neglect creative experimentation in the field of literary form. Schmitt himself considers himself a follower of the French Enlightenment, and therefore, in his texts, he frequently draws on the literary experience of Montesquieu, Voltaire, and Diderot. The innovative nature of the literary work of the Enlightenment philosophers is noted, particularly the philosophical novella and the epistolary novel as universal genres for the presentation of socially significant philosophical ideas. The artistic device of “estrangement”, often employed by Enlightenment figures such as Voltaire and Montesquieu, the appeal to Eastern themes, and the actualization of the cultural and philosophical “East-West” problem, as well as the motif of wandering/journey, are widely present in Schmitt's works. Our goal was to identify Enlightenment traditions in the genre of E.-E. Schmitt's work, using the novels “Ulysses of Baghdad” and “Oscar and the Pink Lady” as examples. Ulysses of Baghdad is comparable to Voltaire's philosophical novella *Candide, or Optimism* and, to some extent, to Montesquieu's “Persian Letters”, while “Oscar and the Pink Lady, one of Schmitt's most complex works in terms of genre, demonstrates the epistolary tradition.

Keywords: E. E. Schmitt, literary tradition, Montesquieu, Voltaire, Diderot, philosophical novel, epistolary prose, modern French prose, the Age of Enlightenment.

For citation: Serebryakova L. V., Lystsova A. S. The Radiance of Enlightenment in the Prose of E.-E. Schmitt. Eurasian Humanitarian Journal. 2025;4:88-98. (In Russ.). <https://doi.org/10.17072/2587-6589-2025-4-88-98>. EDN: XSFQTC

Введение

Имя французского писателя и драматурга Эрика-Эмманюэля Шмитта (род. 1960) широко известно как во Франции, так и в нашей стране. На родине его книги издаются с 1994 года, российский же читатель познакомился с творчеством Шмитта через несколько лет. Если первые тиражи были сравнительно небольшими, то ситуация начала меняться после выхода повести «Мсье Ибрагим и цветы Корана» в 2001 году, а через год ошеломительный успех приносит повесть «Оскар и Розовая дама», которая на протяжении шестидесяти недель находилась в списке бестселлеров и по сей день является визитной карточкой писателя.

Творчество Э.-Э. Шмитта уникально по своей природе. Философская проблематика и синтетизм жанровых форм делают его произведения особенно интересными для исследователей. В связи с этим актуальным для «шмиттоведов» является вопрос о том, можно ли отнести писателя к числу постмодернистов. Сам же Шмитт этой идее противится, называя себя исключительным гуманистом, и все, что есть в его произведениях, он взял от предшественников. И здесь можно говорить о продолжении Шмиттом литературной традиции. Однако заметим, что данный вопрос оказался в фокусе научных исследований сравнительно недавно.

Обращение писателя к традиционным жанровым формам косвенно поднимается в статье А. С. Сорокиной «Творчество Э.-Э. Шмитта в контексте постмодернистских идей» [Сорокина 2008], в которой сделан вывод, что писателю чуждо постмодернистское мировидение, несмотря на то что в области жанровых форм он является экспериментатором. Чуть позднее, в 2015 г., осмыслить творчество Шмитта с точки зрения постмодернистских категорий попытается и Ю. У. Матенова в статье «Улисс из Багдада: постмодернистское дервишество».

Более основательно к изучению проблемы традиции в творчестве писателя подошла О. О. Ленькова, обратившись к его драматическим произведениям сначала в статье «Драма Э.-Э. Шмитта “Гость”» и затем в магистерской диссертации «Драматургия Э.-Э. Шмитта: традиции и новаторство», в которой подробно анализирует влияние Д. Дидро на драматургию писателя, в частности в области жанровой природы, и справедливо отмечает, что «духовное становление Шмитта складывалось преимущественно под влиянием мыслителей эпохи Просвещения» [Ленькова 2011: 216], поскольку он, являясь кандидатом философских наук, посвятил свое диссертационное исследование вопросу метафизики Дидро.

Влияние просветителей на творчество Э.-Э. Шмитта изучала Ю. У. Матенова, посвятив этому ряд научных статей: «Преломление просветительских литературных традиций в романе Э.-Э. Шмитта “Эликсир любви”», «Реминисценции романа о Тристане и Изольде в романе Э.-Э. Шмитта “Эликсир любви”», «Диалог с прошлым в творчестве Э.-Э. Шмитта».

Обзор литературы свидетельствует о неугасающем научном интересе к творчеству писателя: подробно изучена как поэтика, так и проблематика, предпринята попытка осмыслить место Э.-Э. Шмитта в контексте постмодернистских идей и выявить влияние литературной традиции разных эпох на творчество писателя, однако ни разу не предпринималась попытка проанализировать традиции французского Просвещения в прозе Э.-Э. Шмитта.

Основная часть

Проблема традиции в литературе

Понятие «традиция» может трактоваться с разных позиций – филологической и / или социально-философской. Так или иначе, в любой области наук за традицией стоит идея преемственности, именно поэтому многие исследователи рассматривают понятие «традиции» в связке с понятием «новаторство». В функциональном плане традиция выступает посредником между прошлым и современностью, способом хранения и передачи опыта, который сам по себе включается в жизнь и является каноничным [Апресян 2001: 496–497].

Значимость культурной традиции заключается в оживлении «старого» посредством поиска в нем «живого», однако отмечается, что следование традиции не может быть и не должно быть слепым и механическим – традиция должна быть осмыслена.

Традиция реализуется на нескольких уровнях: на уровне влияния, заимствования или канона. Включение традиционных явлений литературы может быть намеренным, а может спонтанным. Привлечение традиции и ее реализация могут осуществляться как на уровне содержания литературного произведения, так и на уровне формы, когда используются так называемые литературные универсалии. Обращение к традиции может реализоваться на тематическом, жанровом, стилистическом, национальном уровнях или на уровне художественных приемов.

Жанровая традиция – самая частотная в литературе. О. И. Зуева-Заливко отмечает, что жанр является как бы обязывающим, потому что фиксирует и особенности повествования, и виды конфликтов, и виды пафоса и затрагивает даже тематику произведения [Зуева-Заливко 2013].

Каждое поколение писателей выбирает из предшествующего опыта именно то, что ценно для его времени, и либо осмысляет этот опыт с точки зрения своей современности, либо строго придерживается канона, что происходит в современной литературе крайне редко.

Жанровая парадигма литературы французского Просвещения

Как известно, XVIII век – это время расцвета нарративных жанров: еще в период раннего Просвещения ведущим во французской литературе становится жанр философской повести (романа) и эпистолярный роман.

Вся деятельность французских просветителей была направлена на критику абсолютизма и церкви, в целом существующего миропорядка. Философская повесть стала тем универсальным жанром для изложения общественно значимых, философских идей не только интеллектуальной элите, но и не очень искушенному в философии читателю. «Философская повесть – это жанр-гибрид. Это и эссе, и памфлет, поскольку автор высказывает или высмеивает в некоторые идеи, и вместе с тем это повесть о воображаемых событиях» [Моруа 1992: 41].

Подобная жанровая неопределенность объясняется тем, что они обладают признаками сразу нескольких жанров: плутовского романа, аллегории, восточной сказки, романа-путешествия, романа воспитания и пр. Как отмечает А. Д. Михайлов, в эпоху Просвещения специального жанрового определения к повестям не применялось, чаще всего всё так же продолжала называть романами или же использовали такие термины, как «история», «новелла» и чаще всего «сказка». Причины такого определения исследователи видят в частотном обращении просветителей к восточной иносказательности, как и в целом к восточному колориту, что позволило писателям позаимствовать некоторые художественные приемы в разработке сюжета – это линейное разворачивание интриги и мотив путешествия, в ходе которого герой сталкивается с самыми разными испытаниями [Михайлов 1989].

Для того, чтобы подвергнуть пересмотру мир, высветить все проблемы общества, – а просветители стремились именно к этому, – необходимо выйти за его пределы, воспринять глазами постороннего, не вовлеченного человека, посмотреть на него через другую «оптику», позволяющую кардинально разрушить существующие стереотипы. Излюбленным просветителями художественный прием – прием «остранения», который, согласно В. Б. Шкловскому, меняет структуру поля восприятия: «не приближение значения к нашему пониманию, а создание особого восприятия предмета, создание видения его, а не узнавания», «вывод вещи из автоматизма восприятия» [Шкловский 1990: 62].

Просветители используют этот художественный прием на уровне пространственной организации: помещают своего героя в чуждое ему пространство (географическое, культурное, политическое, социальное) и изображают это пространство его глазами – в этом реализуется попытка вывести человека из привычной ему культуры и таким образом расширить или даже изменить горизонт видения.

В попытках добиться объективности изображения реальности широко использовал прием «остранения» и Вольтер. В философской повести «Кандид, или Оптимизм» (1759) разворачивается широкая картина жизни современного человечества в разных сторонах земного шара. Размышляя о проблеме предустановленной гармонии добра и зла в мире, Вольтер в «Кандиде» центр тяжести переносит на зло социальное: бесчинства и глупость, бесчеловечные законы, написанные людьми, торжествуют по всей земле, независимо от того, живешь ты в Америке, Европе или Азии.

Среди обрушившихся на голову героев повести несчастий и испытаний, испытания стихийные занимают незначительное, второстепенное место, а войны, костры инквизиции, зверства солдат и похождения католических священников, похищения людей и суды над заключенными – нелепые и смехотворные, заканчивающиеся, однако не смехом, а самыми настоящими казнями, бесконечно следуют друг за другом. Вольтер предлагает посмотреть на современную ему жизнь и на мировую историю глазами Кандида, наивного юноши, который не понимает ничего в том, что вокруг него происходит. Именно такому взору и раскрывается вся существующего нелепость миропорядка. Для привлечения читательского интереса просветители использовали известные сюжеты и образы, наполняя их новым, актуальным содержанием. Например, актуализировали жанр восточной сказки, воспользовавшись модой на ориенталистику.

Одним из первых философов-просветителей, который обратился к восточной тематике, стал Шарль-Луи де Монтескье, стоявший у истоков французского просвещения: в 1721 году вышло в свет его раннее сочинение под названием «Персидские письма» и сразу привлекло внимание читателей. Основным содержанием книги является переписка знатных персов Узбека и Рика, прибывших во Францию, их мнения и суждения о нравах европейцев. Путешествие Узбека и его письма к друзьям и знакомым являются некой попыткой объективного осмысления разных точек зрения, по Шкловскому, Монтескье использует прием «остранения». Поместив героев в чужой для них мир, Монтескье противопоставляет две цивилизации – восточную и западную, пытаясь понять «природу вещей» и сравнивая их по разным критериям: культурным, политическим, религиозным и т. д.

Стоит отдельно отметить, что литература эпохи Просвещения в целом тяготеет к эпистолярным жанрам, ибо эпистолярная форма повествования дает автору намного больше свободы. Письмо используется в духе идеи «воспитания» и развивается по двум направлениям: письма-памфлеты и письма-новеллы и письма-бытовые зарисовки, письма-признания. «Персидские письма» Ш. Монтескье мы отнесем к письмам первого порядка: они дают отклик на животрепещущие темы, в данном случае – осуждение французского абсолютизма.

Отдельно стоит сказать и о мотиве путешествия в литературе Просвещения. Особенность и одновременно сложность философского путешествия заключается в том, что оно не требует обычного наполнения опыта и знаний, как жанр обычного путешествия, оно тяготеет, скорее, к более глобальным размышлениям о мире в целом. Так, путешествие становится основой сюжета для произведений просветителей, ибо позволяет выйти за рамки привычных представлений об обыденных вещах и расширить культурный опыт.

Жанровые особенности произведений Э.-Э. Шмитта в контексте литературной традиции

Как уже было сказано выше, Э.-Э. Шмитт – писатель-экспериментатор, творчество которого вызывает среди исследователей немало споров, и один из таких – это отношение Шмитта к постмодернизму. Хронологически мы можем отнести его творчество к этому направлению, однако анализ произведений показывает, что это отнюдь не так. Сам же писатель говорит: «Я, скорее, не постмодернист, а гуманист – в последнем, во всяком случае, я не сомневаюсь» [Шмитт 2005].

Проза и драматургия Шмитта привлекают читателя легкостью и ясностью изложения вечных, философских проблем. Шмитт находится в постоянном поиске таких жанровых форм, которые в полной мере отразят его философский взгляд на мир, доступно и понятно, так как это могли делать французские просветители XVIII столетия.

«Улисс из Багдада»

Роман «Улисс из Багдада» (2008) рассказывает историю скитаний иракского юноши, который бежит от тоталитарного режима собственного государства. Сюжет романа имеет двухуровневую организацию. На первом плане – авантюрно-приключенческий сюжет – это путь Саада Саада из Ирака в Лондон. Второй уровень – глубинный – отсылает к мифологическим сюжетам об Одиссее и Энее в поэмах Гомера и Вергилия и помогает выйти на философское содержание, которое раскрывается на фоне путешествий героя. «Улисс из Багдада» представляет собой одиссею иракца, стремящегося покинуть страну, разрушенную вторжением США, и обосноваться в Европе. Юноша, вдохновленный европейскими литературными шедеврами из отцовской библиотеки, воспринимает Европу как освободительную контркультуру, основанную на свободе, даруемой гуманистическими ценностями.

В манере между утопией и разочарованием Шмитт описывает эмоциональные метания главного героя между идеализацией европейской жизни и негодованием по поводу нечеловеческих условий в его предполагаемой «обетованной земле». «Улисс из Багдада» по своей жанровой природе сопоставим с вольтеровским «Кандидом». Оба героя – скитальцы, оказавшиеся в чужом для них пространстве, оба героя сталкиваются с трагическими событиями, в том числе с войной, и ищут для себя лучше жизни. Сближает авторов и нарративная организация текстов. Повествование начинается с беды: у Саада – война и смерть близких, у Кандида – расставание с Кунигундой.

Двуплановый сюжет романа включает в себя как конкретно-исторические события, так и события, разворачивающиеся на уровне авантюрного сюжета. На первый взгляд, может показаться, что Шмитт воссоздает классическую схему греческого авантюрного романа: встреча – разлука – испытания – воссоединение [Бахтин 1975: 237–238], однако, у Шмитта классическая схема авантюрного сюжета нарушается включением конкретно-исторических

реалий: Саад Саад становится нелегальным эмигрантом и лишается перспективы счастливого будущего. Как и подобает классике Просвещения, ведущий мотив в романе – мотив пути, путешествия: герой находится в странствиях – страны от Ирака до Англии – перемещаясь в физическом смысле, то есть мы можем говорить о реальном путешествии героя. Казалось бы, «Улисс из Багдада» вобрал в себя характерные черты приключенческой литературы: деятельный герой, сильный духом, проходит через огромное количество трудностей и испытаний и стремится к познанию себя и мира, однако пространственная организация гораздо сложнее. Попадая в мир Востока, Саад анализирует, сравнивает и оценивает – Шмитт вслед за просветителями использует прием «остранения»: помещает героя в «чужое» для него пространство – в Европу и дает возможность увидеть мир «со стороны».

Однако, есть еще и метафизическое странствие героя: оно выражено внутренними диалогами Саада Саада с погибшим отцом. К слову, диалогизм – одна из ведущих особенностей произведений Э.-Э. Шмитта. Диалог становится своего рода ключом к философским рассуждениям и поиску истины. Эти внутренние диалоги являются внутренним голосом героя, отмечает Ю. У. Матенова, и режиссируют путешествие по сценарию гомеровской «Одиссеи» [Матенова 2015: 67]. Так, мы можем трактовать образ отца героя как волшебного помощника, что отсылает нас к жанру сказки.

«Улисс из Багдада» сопоставим с вольтеровским «Кандидом». Оба героя, Саад и Кандид, – вынужденные скитальцы, оказавшиеся в чужом для них мире, оба героя становятся участниками или свидетелями трагических событий и войн. Оба произведения находят близость с романом воспитания / становления: Саад Саад, преодолевая жизненные трудности, закаляется, становится сильнее и мудрее, избавляется от наивных представлений о мире так же, как Кандид в результате своего путешествия познает жизненную мудрость и развенчивает философию оптимизма. Но у Шмитта нет сатирического пафоса Вольтера. И если Вольтер дает урок «мещанской мудрости», которая сводится к принятию жизни такой, какая она есть, то Шмитт дает урок «гуманистической мудрости», которая кроется в добродетели.

Особенности же жанра философской повести кроются в столкновении противоположных философских парадигм, что подчеркивает проблему толерантности и свободы выбора. Шмитт, подобно Вольтеру, противопоставляет две идеологии: диктатуры и демократии. По своей жанровой природе «Улисс из Багдада» синтетичен. В канву авантюрного сюжета Шмитт умело включил фантастические и мифологические элементы, и компоненты авантюрного романа.

«Оскар и Розовая Дама»

«Оскар и Розовая Дама» (2002), пожалуй, одно из самых сложных в жанровом определении произведений писателя. С проблемой жанра мы сталкиваемся еще на этапе определения «Оскара» как повести или как рассказа, и сложность в первую очередь возникает из-за различий в терминологии отечественного и французского литературоведения. Однако, неправильно будет пытаться соотнести терминологию разных литературоведческих концепций, поэтому при анализе жанровых особенностей мы будем учитывать жанровые особенности, выделяемые как в отечественном литературоведении, так и в зарубежном.

Во французском литературоведении и по определению самого автора «Оскар и Розовая Дама» является произведением жанра «*recit*». Обратившись к франкоязычным энциклопедическим словарям, мы увидим, что синонимом данному понятию является термин «*narration*», что означает «повествование», а трактуется само определение следующим образом: «*Développement oral ou écrit rapportant des faits vrais ou imaginaires*» (пер. авторский: «Устное или письменное повествование о реальных или вымышленных фактах») [Encyclopédie «Larousse»].

В понятие «*recit*» французское литературоведение включает все малые жанры – и рассказ, и повесть – и противопоставляет его роману: «*Il s'identifie au conte et à la nouvelle, narrations paradigmatiques et apologétiques...*» (пер. авторский: «Он [жанр] тождественен сказке и новелле / рассказу, апологии и парадигматическому повествованию...») [Encyclopédie «Larousse»]. Наряду с этим отмечается приключенческий характер сюжета, присутствие очевидных характерных трансформаций и закрытая композиция.

Опираясь на терминологический аппарат отечественного литературоведения, мы остановимся на определении «Оскара и Розовой Дамы» как повести, то есть произведения, имеющем небольшой объем, одну основную сюжетную линию, сдержанность в описании, хроникальный сюжет, воспроизводящий естественное течение жизни.

В «Оскаре» рассказывается история больного раком десятилетнего мальчика, который в течение 12 дней проходит весь жизненный путь длительностью в 100 лет. Шмитт выстраивает две временные оси:

- Реальное время – то, которому подчиняются основные события и все действующие лица;
- Метавремя, которое представляет собой личное время главного героя – его жизненный путь.

Мальчик не просто проживает жизнь в ускоренном темпе, он взрослеет, с каждым днем постигая законы жизни. Сначала он ведет себя и рассуждает как ребенок, ведомый эмоциями, говоря о том, что его родители – трусы, которые и его считают таким же, однако с каждым днем Оскар становится более зрелым и меняет свое мнение: он начинает понимать родителей и прощает их. Родители и ребенок как бы меняются местами: Оскар ведет себя как взрослый человек, тогда как его родители ведут себя как дети, не знающие, что делать в сложившейся ситуации.

В девяносто лет к Оскару пришло прозрение. Бог открыл ему свою тайну: «Нужно каждый день смотреть на мир, как будто видишь его в первый раз» [Шмитт 2021]. И Оскар попросил, чтобы бог сделал такое же чудо для его родителей и для Пегги. В возрасте ста лет Оскар рассуждает уже как старый умудренный опытом старик, начинает поучать. Он пишет в письме к богу: «Чем старше становишься, тем сильнее проявляется вкус к жизни» [Шмитт 2021]. И здесь утверждается его позиция Родителя.

Поднимая экзистенциальные вопросы о жизни и смерти, Шмитт утверждает философское содержание произведения, а герой, сталкиваясь с новыми знаниями, ставит под сомнения уже имеющиеся, вследствие чего переживает трансформацию, так мы приходим к определению повести как философской.

Но стоит отметить, что философская повесть Шмитта не повторяет в точности философской повести Вольтера: здесь авантюрно-приключенческий сюжет сменяется аскетичной обстановкой больницы, он не находится в странствиях. Кроме того, мы обнаруживаем и элементы философской сказки, несмотря на то что обстановка, окружающая Оскара вполне материальная, а автор в первую очередь сосредоточен на идейном содержании, настоящим чудом оказывается встреча с Розовой Дамой, а затем и знакомство с Богом. Сам факт «общения» с Богом посредством писем уже является для Оскара чем-то иррациональным, как и возможность пройти весь жизненный путь за 12 дней.

Притчевый характер повествования усиливает его морализаторский и дидактический пафос. Здесь же мы наблюдаем жанровые модификации, которые в первую очередь обусловлены коммуникативной задачей автора, поэтому, говоря о конкретизации жанрового определения «Оскара и Розовой Дамы», есть смысл обратиться к речевым жанрам. Так, М. М. Бахтин выделяет несколько стилистически-композиционных единств, на которые обычно распадается романное целое [Бахтин 1975]:

1. Прямое авторское литературно-художественное повествование.
2. Стилизация различных форм устного бытового повествования (сказ, притча).

3. Стилизация различных форм полулитературного бытового повествования (письма, дневники).

4. Различные формы литературной, но внехудожественной речи (моральные, философские, научные рассуждения).

5. Стилистически индивидуальные речи героев.

Так, в произведениях Шмитта сочетаются формы устного бытового повествования – притчи, формы полулитературного повествования – письма и стилистически индивидуальные речи героев.

«Оскар и Розовая Дама» – повесть, написанная в письмах. В этом смысле мы можем говорить и о включении эпистолярного жанра. Но перед нами не эпистолярный роман в чистом виде: Шмитт экспериментирует с самой природой эпистолярного жанра, меняя коммуникативную задачу: Оскар обращается к нематериальному собеседнику – к Богу и не получает ответов на свои письма, что усиливает исповедальный характер и психологизм героя.

Как отмечает О. О. Ленкова, «в языковом отношении «Оскар и Розовая Дама» лишь отдаленно откликается на эпистолярные романы XVIII века» [Ленкова 2012: 251–252]. Взглянув на роман с точки зрения стилистики, мы отмечаем, что перед нами своего рода адаптированная эпистолярная форма: в письмах все еще сохраняются обращения («Дорогой Бог»), затем излагается суть письма – его основное содержание, после следует прощание («До завтра. Целую») и подпись («Оскар»). Некоторые письма содержат присущий данному виду общения постскрипtum.

Важно отметить взаимодействие эпистолярной формы с другими жанрами. «Оскар...» прежде всего определяется как повесть, поскольку основу повествования занимают статичные компоненты: описание душевных состояний героев, тогда как авантюрно-событийный ряд отходит на второй план [Ленкова 2012: 251–252] – и в этом кроется, пожалуй, единственное, но главное отличие от эпистолярного философского просветительского романа Франции. Роднит жанры, главным образом, трансформация героев. Каждый из героев проходит путь становления – взросления, что позволяет говорить и об элементах романа воспитания. Заслуживает внимания и понимание «комического» самим Шмиттом.

В отличие от постмодернистов, он не использует агрессивные формы, а следуя традиции Просвещения, совмещает трагическое и комическое, используя юмор и иронию, свойственные просветительским жанрам, что усиливает художественную реалистичность философской повести. Шмитт, подобно Вольтеру, изображает мир таким, каков он есть.

Если говорить о жанровой специфике творчества Э.-Э. Шмитта в соотношении с просветителями Франции, то стоит отметить, что автор усложняет уже укоренившийся жанр не структурными элементами, а содержанием, что в первую очередь связано с его коммуникативной целью – выразить свои философские взгляды в максимально легкой доступной форме, которому во французской поэтике соответствует жанр «recit».

Заключение

Проблема изучения литературной традиции в современном литературоведении является особенно актуальной, поскольку современная литература и особенно литература постмодерна предполагает намеренное обращение к традиции, как правило, с целью разрушения канонических форм. Однако Э.-Э. Шмитт не вписывается в эту постмодернистскую концепцию: несмотря на то что писатель не использует жанровые формы в их каноническом виде, он не разрушает жанр, а дополняет его, создавая новые смыслы и новые жанровые модификации.

Э.-Э. Шмитт – поклонник и последователь французских просветителей. Обращаясь к жанровой парадигме эпохи Просвещения, он не просто заимствует канонические формы, а адаптирует их к современности.

Обращаясь к жанру философского романа или повести, Шмитт усложняет авантюрно-приключенческий и ориентальный сюжет включением античных и библейских мифологем. Однако приключенческая составляющая все еще находится в подчинении глубинного философского содержания, которое базируется на идеях гуманизма и вновь отсылает нас к эпохе Просвещения. Философский роман у Шмитта становится своего рода апологией толерантности, как, например, роман «Улисс из Багдада».

Вольтеровская форма философской повести у Шмитта усложняется включением эпистолы и ослаблением авантюрно-приключенческого сюжета. В то время, как герои Вольтера проходят становление, странствуя по миру, герой повести «Оскар и Розовая Дама» Шмитта проходит становление в метафизическом временном плане.

Характерной чертой произведений Э.-Э. Шмитта является повествование от первого лица, что позволило бы отнести его повести и романы к мемуарам, однако автор сохраняет особенности эпистолярной прозы – выдерживает жанр письма. Его эпистолярная проза носит исключительно монологический характер, что подчеркивает исповедальный характер произведения, поскольку, как правило, адресант является воплощением нематериальным.

Эпистолярные формы пользуются у Шмитта огромной популярностью, включая в эпистолярный разные жанровые формы, он создает синтетический жанр, а «монологическое повествование «перерастает» в межжанровую полифоническую романную форму, характеризующуюся модификациями внутри жанровой системы: исповедальный роман, психологический, философский, антивоенный...» [Шевякова].

Языковое оформление писем также сближает эпистолярные произведения Э.-Э. Шмитта с произведениями XVIII века: простота лексики, использование сленга и разговорных конструкций, сохранение маркированности, как и подобает жанру письма, воспроизведение диалогов в синхронии – все это отсылает нас к эпистолярной прозе эпохи Просвещения. Писатель меняет лишь коммуникативную природу писем, теперь это письма становятся письмами «в никуда», или самому себе.

Таким образом, ценности, которые писатель позаимствовал у эпохи Просвещения, обнаруживаются в философском содержании его произведений, свободным сочетанием различных жанровых форм, концептуальности образов. Опираясь на традиции, заложенные просветителями, Шмитт тем не менее сохраняет свою творческую индивидуальность

Список литературы

1. Апресян Р. Г., Гуссейнов А. А. Этика : энциклопедический словарь. М. : Гардарики, 2001. 671 с.
2. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики: исследования разных лет. М. : Художественная литература, 1975. С. 496–501.
3. Вольтер. Кандид, или Оптимизм / пер. с фр. М. : Художественная литература, 1971. 84 с.
4. Зуева-Заливко О. И. К проблеме определения литературной традиции // Молодежный сборник научных статей «Научные стремления». 2013. № 8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-probleme-opredeleniya-literaturnoy-traditsii> (дата обращения: 18.06.2023).
5. Ленькова О. О. Драма Э.-Э. Шмитта «Гость» и литературные традиции просвещения // Сборник работ 68-й научной конференции студентов и аспирантов Белорусского государственного университета: в 3-х ч.: ч. 3. Минск : БГУ, 2011. С. 215–218.
6. Ленькова О. О. Природа и структура современного французского эпистолярного романа («Оскар и Розовая дама» Э.-Э. Шмитта) // Материалы международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Витебский государственный университет имени П. М. Машерова. 2012. С. 251–252.
7. Матенова Ю. У. Улисс из Багдада: постмодернистское дервишество // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология, 2015. № 3. С. 65–70.
8. Михайлов А. Д. Французская повесть эпохи Просвещения // Французская повесть XVIII века. М. : Правда, 1989. С. 5–22.
9. Монтескье Ш. Персидские письма. Размышления о причинах падения римлян. М. : Канон-Пресс-Ц: Кучково поле, 2002. 511 с.

10. Моруа А. Вольтер // Литературные портреты. Собр. соч. в шести томах. Т. 6. М. : Пресса, 1992.
11. Сорокина А. С. Творчество Э.-Э. Шмитта в контексте постмодернистских идей // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2008. № 67. С. 251–255.
12. Шевякова Э. Н. Современная французская проза рубежа веков: модификация романной формы : автореф. ... д-ра. филол. наук. URL: <http://www.famous-scientists.ru/list/4425> (дата обращения: 22.06.2023)
13. Шкловский В. Б. О теории прозы. Искусство как прием. М., 1990. URL: <https://www.opojaz.ru/manifests/kakpriem.html> (дата обращения: 12.03.2025).
14. Шмитт Э.-Э. Оскар и Розовая Дама : повести / пер. с фр. А. Браиловского, М. Брусовани, Д. Мудролюбовой, Г. Соловьевой. СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2021. 400 с.
15. Шмитт Э.-Э. Улисс из Багдада / пер. с фр. А. Беляк. СПб. : Азбука – Аттикус, 2014. 256 с.
16. Шмитт Э.-Э. Я не постмодернист, я гуманист. Эрик-Эммануэль Шмитт, интервьюер Татьяна Кондатович // Радио свободы. 2005. URL: <https://www.svoboda.org/a/105942.html> (дата обращения: 5.12.2018).
17. Encyclopédie “Larousse”. URL: <https://www.larousse.fr/encyclopedia/divers/r%C3%A9cit/86219>

References

1. Apresyan R. G., Gusseyinov A. A. *Etika [Ethics]. Entsiklopedicheskiy slovar', Moscow, Gardariki, 2001, 671 p. (In Russ.)*.
2. Bakhtin M. M. *Voprosy literatury i estetiki: issledovaniya raznykh let [Questions of Literature and Aesthetics: Research from Different Years]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura, 1975, pp. 496-501. (In Russ.)*.
3. Vol'ter. *Kandid, ili Optimizm [Candide, or Optimism]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura, 1971, 84 p. (In Russ.)*.
4. Zuyeva-Zalivko O. I. K probleme opredeleniya literaturnoy traditsii [On the problem of defining literary tradition]. *Molodezhnyy sbornik nauchnykh statey "Nauchnyye stremleniya" [A collection of scientific articles for young people, "Scientific Aspirations"]*. 2013, no. 8. (In Russ.). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-probleme-opredeleniya-literaturnoy-traditsii> (accessed: 18.06.2023). (In Russ.).
5. Len'kova O. O. Drama E.-E. Shmitta «Gost'» i literaturnyye traditsii prosveshcheniya [“The Guest” and the Literary Traditions of the Enlightenment]. *Sbornik rabot 68-y nauchnoy konferentsii studentov i aspirantov Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta [Proceedings of the 68th scientific conference of students and postgraduates of the Belarusian State University]*. Ch. 3, Minsk, BGU, 2011, pp. 215-218. (In Russ.).
6. Len'kova O. O. Priroda i struktura sovremennogo frantsuzskogo epistolyarnogo romana («Oskar i Rozovaya dama» E.-E. Shmitta) [The Nature and Structure of the Modern French Epistolary Novel (Oscar and the Pink Lady by E.-E. Schmitt)]. *Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii studentov, aspirantov i molodykh uchenykh [Proceedings of the International Scientific and Practical Conference of Students, Postgraduates and Young Scientists]*. Vitebskiy gosudarstvennyy universitet imeni P. M. Masherova, 2012, pp. 251-252. (In Russ.).
7. Matenova YU. U. Ulyss iz Bagdada: postmodernistskoye dervishestvo [Ulysses of Baghdad: Postmodern Dervishdom]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya [Bulletin of Tver State University. Series: Philology]*. 2015, no. 3, pp. 65-70. (In Russ.).
8. Mikhaylov A. D. *Frantsuzskaya povest' epokhi Prosveshcheniya [A French novella from the Age of Enlightenment]. Frantsuzskaya povest' XVIII veka [French novel of the 17th century]. Moscow, Pravda, 1989, pp. 5-22. (In Russ.)*.
9. Montesk'ye SH. *Persidskiye pis'ma. Razmyshleniya o prichinakh padeniya rimlyan [Persian Letters: Reflections on the Causes of the Fall of the Romans]. Moscow, Kanon-Press-TS: Kuchkovo pole, 2002, 511 p. (In Russ.)*.
10. Morua A. Vol'ter [Voltaire]. *Literaturnyye portrety [Literary portraits]*. Vol., 6, Moscow, Pressa, 1992. (In Russ.).

11. Sorokina A. S. Tvorchestvo E.-E. Shmitta v kontekste postmodernistskikh idey [The work of E.-E. Schmitt in the context of postmodernist ideas]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena* [Bulletin of the A. I. Herzen State Pedagogical University of Russia]. 2008, no. 67, pp. 251-255. (In Russ.).
12. Shevyakova E. N. Sovremennaya frantsuzskaya proza rubezha vekov: modifikatsiya romannoy formy [Contemporary French Prose at the Turn of the Century: Modification of the Novel Form]. Doctoral dissertation abstract. (In Russ.). Available at: <http://www.famous-scientists.ru/list/4425> (accessed: 22.06.2023)/
13. Shklovskiy V. B. O teorii prozy. Iskusstvo kak priyem [On the Theory of Prose. Art as a Device]. Moscow, 1990. (In Russ.). Available at: <https://www.opojaz.ru/manifests/kakpriem.html> (accessed: 12.03.2025).
14. Shmitt E.-E. Oskar i Rozovaya Dama [Oscar and the Pink Lady]. Translated from French by A. Brailovsky, M. Brusovani, D. Mudrolyubova, G. Solovieva. Saint Petersburg, Azbuka, Azbuka-Attikus, 2021, 400 p. (In Russ.).
15. Shmitt E.-E. Uliss iz Bagdada [Ulysses of Baghdad]. Translated from French by A. Belyak. Saint Petersburg, Azbuka - Attikus, 2014, 256 p. (In Russ.).
16. Shmitt E.-E. YA ne postmodernist, ya gumanist. Erik-Emmanuel' Shmitt, interv'yuyer Tat'yana Kondatovich [I'm not a postmodernist, I'm a humanist. Eric-Emmanuel Schmitt, interviewed by Tatiana Kondatovich.]. *Radio svobody* [Radio Liberty]. 2005. (In Russ.). Available at: <https://www.svoboda.org/a/105942.html> (accessed: 5.12.2018).
17. Encyclopédie "Larousse". Available at: <https://www.larousse.fr/encyclopedia/divers/r/%C3%A9cit/86219> (accessed: 5.12.2018).

Информация об авторах

Л. В. Серебрякова – кандидат филологических наук, доцент,
кафедра теории, истории литературы и методики преподавания литературы,
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет;
А. С. Лыцова – магистр, филологический факультет,
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет.

Information about the authors

L. V. Serebryakova – Ph. D. (Philology), Associate Professor,
Department of Theory, History of Literature and Methods of Teaching Literature,
Perm State Humanitarian Pedagogical University;
A. S. Lyscova – Master's degree, Faculty of Philology,
Perm State Humanitarian Pedagogical University.

Статья поступила в редакцию 10.06.2025; одобрена после рецензирования 20.07.2025; принята к публикации 25.08.2025.

The article was submitted 10.06.2025; approved after reviewing 20.07.2025; accepted for publication 25.08.2025.

Евразийский гуманитарный журнал. 2025. № 4. С. 99–106.
Eurasian Humanitarian Journal. 2025. No. 4. P. 99-106.

Научная статья

УДК 82.09

EDN: ZQKUNK

doi:10.17072/2587-6589-2025-4-99-106

<https://elibrary.ru/zqkunk>

ОБРАЗ АМЕРИКИ В ПОЭЗИИ УОЛТА УИТМЕНА И ПАБЛО НЕРУДЫ: ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ И ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ СХОЖДЕНИЯ И НАЦИОНАЛЬНОЕ СВОЕОБРАЗИЕ

Евгения Владимировна Погадаева

Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия,
motus.animi.continuuus13@gmail.com

Аннотация. В статье предпринимается попытка анализа онтологических и типологических схождений в «Листьях травы» (*Leaves of Grass*, 1855–1892) Уолта Уитмена и «Всеобщей песне» (*Canto General*, 1950) Пабло Неруды. Актуальность работы обусловлена значением творчества Уолта Уитмена и Пабло Неруды для мировой литературы и литератур двух Америк, а также недостаточной изученностью типологических и онтологических схождений в их поэзии. В работе делается вывод о том, что в художественном сознании поэтов, находящихся в поиске бытийственных основ своих становящихся наций, пространственные категории играют ведущую роль: оба поэта создают типологически схожие образы американского пространства, отличающиеся, однако, национальной спецификой. «Общеамериканское» проявляется в поиске поэтами культурно-цивилизационного архетипа идеального общества – Нового Мира. Несмотря на то что модель Нового Мира, предлагаемая поэтами, предстает как надысторическая, мифологическая, универсальная бытийная субстанция, она никогда не оторвана от Америки (у Уолта Уитмена – от США, у Пабло Неруды – от Латинской Америки и от Чили). Национальное своеобразие идеальных локусов поэтов, желающих утвердить инаковость своих культур, проявляется в том, что они базируются на различных пространственных моделях: мир Уолта Уитмена – на модели горизонтального разомкнутого пространства мира-космоса, в котором главенствует ургия, мир Пабло Неруды – на межпространственной модели мира-хаоса, основанного на гонии. Кроме того, поэты выражают разное отношение к завоеванию континента европейцами: Уолт Уитмен, как представитель североамериканской нации, восхищается открытием Америки, Пабло Неруда, как истинный латиноамериканец, напротив, видит в этом акт виоленсии.

Ключевые слова: Уолт Уитмен, Пабло Неруда, «Листья травы», «Всеобщая песнь», «американское», Америка, типологические схождения, онтология.

Для цитирования: Погадаева Е. В. Образ Америки в поэзии Уолта Уитмена и Пабло Неруды: онтологические и типологические схождения и национальное своеобразие // Евразийский гуманитарный журнал. 2025. № 4. С. 99–106. <https://doi.org/10.17072/2587-6589-2025-4-99-106>.
EDN: ZQKUNK

Original article

IMAGES OF AMERICA IN THE POETRY OF WALT WHITMAN AND PABLO NERUDA: ONTOLOGICAL AND TYPOLOGICAL SIMILARITIES AND NATIONAL ORIGINALITY

Evgeniia V. Pogadaeva

Perm State University, Perm, Russia, motus.animi.continuuus13@gmail.com

Abstract. The article attempts to analyse the ontological and typological similarities in Walt Whitman's *Leaves of Grass* (1855–1892) and Pablo Neruda's *Canto General* (1950). The relevance of the study is due to the importance of Pablo Neruda and Walt Whitman in world literature and in the literatures of the two Americas. Moreover, the ontological and typological similarities of their poetics remain insufficiently explored. It is concluded that spatial categories play a major role in the artistic consciousness of the poets: being in search of the ontological foundations of their forming nations, they create typologically similar yet nationally distinctive images of America. The typological convergences are seen in the poets' search for a cultural and civilizational archetype of an ideal society, a New World. Although the poets' image of the New World is presented as an ontological substance, which is suprahistorical and mythological, it is inseparable from America (from the USA in Walt Whitman's poetry, from Latin America and Chile in Pablo Neruda's poetry). The national originality of the *loci amoeni* created by the poets, seeking to affirm the uniqueness of their cultures, is reflected in the different spatial models they use: Walt Whitman constructs an open spatial model of a horizontal world-cosmos based on *urgia*, whereas Pablo Neruda builds an interspatial model of a vertical world-chaos grounded in *gonia*. Furthermore, the poets differ in their attitudes to the European conquest of the American continent: while Walt Whitman, as a North American poet, praises the discovery of America, Pablo Neruda, as a Latin American writer, regards it as an act of *violencia*.

Keywords: Walt Whitman, Pablo Neruda, *Leaves of Grass*, *Canto General*, Americanness, America, typological similarities, ontology

For citation: Pogadaeva E. V. The Image of America in the Poetry of Walt Whitman and Pablo Neruda: Ontological and Typological Similarities and National Identity. Eurasian Humanitarian Journal. 2025;4:99-106. (In Russ.). <https://doi.org/10.17072/2587-6589-2025-4-99-106>. EDN: ZQKUNK

Введение

Творчество двух поэтов-гигантов Уолта Уитмена (1819–1892) и Пабло Неруды (1904–1973), творивших на разных частях американского континента с разницей почти в сто лет, и индивидуально неповторимо, и типологически и онтологически близко.

Онтологические и типологические схождения, которые можно выделить в поэзии Уитмена и Неруды, являются проблемным полем исследования. Первые шаги в этом направлении были сделаны зарубежными учеными. Так, Дж. Нолан в монографии «Poet-Chief: The Native American Poetics of Walt Whitman and Pablo Neruda» (1994) утверждает, что творчество Неруды и Уитмена имеет общие корни: оно вырастает из устного народного творчества индейцев Северной и Южной Америк, обладающих своим по-настоящему американским голосом, шаманским, племенным. Кроме того, Дж. Нолан справедливо замечает, что Неруду и Уитмена нужно рассматривать не в парадигме влияний североамериканского поэта на латиноамериканского – оба творца, по словам ученого, не только создали американский миф, но и сами стали мифами, влияющими друг на друга, переплетающимися, неразрывно связанными (см.: [Nolan 1994]). Среди последних работ, посвященных этой теме, можно выделить диссертационное исследование У. Аллегреззы «Politicizing the Reader in the American Lyric-Epic: Walt Whitman's *Leaves of Grass* and Pablo Neruda's *Canto General*» (2003), в котором ученый обращается к политическим и идеологическим установкам Уитмена и Неруды и рассматривает «Листья травы» и «Всеобщую песнь» как «политические лиро-эпические справочники» демократии и коммунизма соответственно (см.: [Allegrezza 2003]). Другая исследовательница, Д. Рюмо, в статье «Walt Whitman and Pablo Neruda, American Camerados» (2006) отмечает, что связь, существующая между творчеством двух поэтов, прежде всего идейная, а не стилевая: поэзию и Неруды, и Уитмена можно назвать «нечистой» (*poesía impura*)¹ и пространственной. Однако, как утверждает Д. Рюмо, художественное пространство Неруды разворачивается вертикально, в то время как пространство, созданное Уитменом, – горизонтально, пусто и протяженно (см.: [Rumeau 2006]).

¹ Как писал сам Неруда в курируемом им литературном журнале «Зеленый конь поэзии» (*Caballo Verde para la Poesía*), поэзия должна быть «нечистой» (*una poesía sin pureza*), то есть она не может запирается в башню из слоновой кости, отгораживаться от повседневных проблем: настоящий творец должен без прикрас показывать жизнь такой, какая она есть, во всей ее обыденности (см.: [Neruda 2001: 381–382]) – именно этот эстетический принцип, по мнению Д. Рюмо, реализуется в творчестве не только Неруды, но и Уитмена.

Несмотря на то что зарубежные исследователи намечают главные сходства поэтики Уитмена и Неруды, проявляющиеся в их идейном и психологическом содержании, мотивах и поэтических образах, на данный момент ни в зарубежном, ни в российском литературоведении нет работ, посвященных целостному сопоставительному анализу их творчества.

Основная часть

В нашей работе мы сосредоточиваемся в первую очередь на анализе онтологических и аксиологических основ «американского» в лирике Уолта Уитмена и Пабло Неруды, под которым мы вслед за Г. Д. Гачевым понимаем «особое мировоззрение, уникальную шкалу ценностей» [Гачев 1998: 8]. Наиболее ярко они проявляются в воплощенных в «Листьях травы» (*Leaves of Grass*, 1855–1892) Уитмена и «Всеобщей песне» (*Canto General*, 1950) Неруды образах американского пространства, и типологически схожих, и национально своеобразных.

Нельзя не согласиться с А. Ф. Кофманом, что «в литературе практически все пространственные характеристики функционируют гораздо более широко, представляясь одновременно характеристиками психологическими, онтологическими и культурологическими» [Кофман 1997: 25]. Создавая в «Листьях травы» и «Всеобщей песне» образы национальной среды, Уитмен и Неруда выстраивают модели своих культур. «Общеамериканское» в творчестве поэтов наблюдается в формировании нового национального образа мира на основе европейской, англосаксонской и иберийской, матрицы, которая на новой почве по-своему преломляется.

Пространственные категории играют важнейшую роль в американском (североамериканском и латиноамериканском) художественном сознании: обе цивилизации начинались с пространственного опыта – пересечения океана, освоения и колонизации новых земель. Пространство и Уитмена, и Неруды обладает интегрирующей природой, в нем заметно тотальное взаимодействие всего со всем, а также оно находится в состоянии вечного развития, становления, что связано с ощущением поэтами несформированности их культур и желанием замкнуть контуры своих миров, синтезировать в себе все их составляющие и собрать тем самым свою, отличную от европейской, целостность на новых основаниях.

...always substance and increase, always sex, Always a knit of identity, always distinction, always a breed of life.	...вечно материя и рост, вечно секс, Вечно ткань из различий и тождеств, вечно зарождение жизни ¹ . [Whitman 2011: 190].
...una rama nació como una isla, una hoja fue forma de la espada, una flor fue relámpago y medusa, un racimo redondeó su resumen, una raíz descendió a las tinieblas.	...ветка родилась островом, листья были в форме меча, цветок был молнией и медузой, гроздь округлила их итог, корень спустился в сумерки. [Neruda 2022: 121].

Такой космизм мироощущения Уитмена и Неруды хорошо описывают следующие слова М. М. Бахтина: «...Неготовое и открытое тело это ... не отделено от мира четкими границами: оно смешано с миром, смешано с животными, смешано с вещами. Оно космично, оно представляет весь материально-телесный мир во всех его элементах (стихиях)» [Бахтин 1990: 34]. Поэтические миры, строимые Уитменом и Нерудой, предельно метафоричны, символичны и наполнены крайне суггестивными образами. Причем создаваемые поэтами метафоры часто представляют собой гиперметафоры, которые могут быть поняты только на пересечении многих образно-тематических векторов, что создает огромную смысловую насыщенность. Думается, что сгущенная метафоричность поэзии Уитмена и Неруды вызвана сущностным желанием поэтов максимально наполнить ранее пустое художественное пространство Нового Мира.

¹ Здесь и далее перевод – наш. Е.П.

Пространство обоих поэтов природно и одухотворено, что связано не только с их романтическим мироощущением, но и с желанием найти духовный контакт с Новой Землей. Очеловечивая землю и сливая с ней лирического героя, Уитмен и Неруда преодолевали трагический духовный «зазор» между поэтом и его почвой, который возникал как следствие пересечения европейцем культурной и онтологической границы, проходящей между двумя мирами.

В основе метасюжета (термин Н. Л. Лейдермана (см.: [Лейдерман 2010]) книг стихов Уитмена и Неруды, ощущающих несоответствие жизни идеалу гармонического единения людей, лежит имманентно присущий общеамериканскому художественному сознанию поиск культурно-цивилизационного «архетипа» идеального общества, Нового Мира. Новый Мир в их поэзии предстает надысторичным, космичным, универсальным, он существует в мифологическом безвременьи и представляет собой бытийную субстанцию, никогда, однако, не оторванную от Америки (у Уитмена – от США, у Неруды – от Латинской Америки и от Чили). Несмотря на то что в поэзии Уитмена и Неруды ставится глобальный вопрос о перестройке всего человеческого общества, именно американский мир, противопоставленный европейскому, становится наилучшей моделью, в соответствии с которой оно должно существовать.

Lo, the brother orbs around, all the clustering suns and planets, All the dazzling days, all the mystic nights with dreams, Pioneers! O pioneers! These are of us, they are with us...	И кругом братья-планеты, скопления всех солнц и планет, Все сверкающие дни, все таинственные ночи, наполненные снами, Пионеры! О, пионеры! Это все из нас и с нами... [Whitman 2011: 374].
La luna amasó a los caribes, extrajo oxígeno sagrado, machacó flores y raíces. ...el universo iba naciendo otra vez en la arcilla del tarasco...	Луна замесила карибов, извлекла святой кислород, смолола цветы и корни. ...вселенная рождалась заново из глины тарасков... [Neruda 2022: 132].

Типологически схожие модели пространства Уитмена и Неруды, обладают национальной спецификой. Уитмен в «Листьях травы» строит модель разомкнутого пространства, представляющего собой бескрайний и неизмеримый космос, в котором все упорядочено, что отражает особенности североамериканского рационалистического типа мышления и особенно проявляется в поэмах «Песня о себе» (*Song of Myself*), «Начиная с Поманок» (*Starting from Paumanok*), «Пионеры! О, пионеры!» (*Pioneers! O Pioneers!*), «Песня большой дороги» (*Song of the Open Road*).

Expanding and swift, henceforth, Elements, breeds, adjustments, turbulent, quick and audacious...	Отныне все расширяется и стремительно движется, Стихии, поколения, навыки – все в бурном, быстром и дерзком вихре... [Whitman 2011: 186–187].
---	---

Такое пространство основывается на современной Уитмену Америке и связано в первую очередь с темой свободы, выбором собственной судьбы, и его закономерным символом выступает пионер. Кроме того, в пионерстве нашла выражение невероятная сила духовных потенций американского континента, которому суждено освещать всем остальным единственно правильный демократический путь и раздвигать границы мира. Пространство разомкнутого мира Уитмена протяженно по горизонтали, а время, рождающееся из этого пространства, существует без прошлого и направлено в будущее, что в целом свойственно североамериканскому художественному сознанию (см.: [Гачев 1998: 195]).

See, vast trackless spaces, As in a dream they change, they swiftly fill, Countless masses debouch upon them...	Посмотрите на безграничные пространства, Они меняются, как во сне, с огромной скоростью наполняются, Бесчисленными массами людей, которые разливаются по ним... [Whitman 2011: 177].
---	--

...We to-day's procession heading, we the route for travel clearing, Pioneers! O pioneers!	...Сегодня за собой колонну мы ведем, прокладываем путь для будущих походов, Пионеры! О, пионеры! [Ibid.: 374].
--	---

Неруда во «Всеобщей песне» представляет несколько иную модель – модель межпространственности¹, типичную для латиноамериканской культуры с ее «пограничной», синтетичной природой: его лирический герой застревает на границе между двумя мирами, «своим» (индейским) и «чужим» (испанским), Архаикой и Современностью, и символом этого пограничного мира становится Мачу-Пикчу (поэма «Вершины Мачу-Пикчу» (*Alturas de Macchu Picchu*). Идеальный Новый Мир, по Неруде, является хаотичным, иррациональным, он может быть познан только чувственно, в чем проявляются особенности латиноамериканского сознания, познающего мир внерационалистическим интуитивным способом:

Oh, Wilkamayu de sonoros hilos,... qué idioma traes a la oreja apenas desarraigada de tu espuma andina? <...> Qué dicen tus destellos acosados? Tu secreto relámpago rebelde antes viajó poblado de palabras?	О, звучаще струящаяся Уилкамайу ² ,... на каком языке говоришь ты на ухо, только что вырванное из твоей андской пены? <...> О чем говорит твой плененный блеск? Твоя тайная мятежная молния не была ли раньше полна слов? [Neruda 2022: 147].
---	---

Кроме того, Новый Мир Неруды предельно теллуричен: в его основе лежит не современная поэту действительность, как у Уитмена, а время расцвета автохтонных цивилизаций американского континента, пребывающих в поэтическом мире Неруды в состоянии первозданности и безвременья, *in illo tempore*.

Pero anduve entre llores zapotecas y dulce era la luz como un venado, y era la sombra como un párpado verde.	Но я шел по цветам сапотеков, и свет был сладок, как олень, и тень была зеленым веком. [Ibid.: 119].
Orinoco, déjame en tus márgenes de aquella hora sin hora...	Ориноко, пусти меня в свои берега, пребывающие во времени без времени... [Ibid.: 126].

Пространство нерудовского мира одновременно горизонтально, протяженно, как пространство Уитмена, и вертикально, направлено вглубь континента к его сакральному центру³ (при этом вертикаль бытия в его мире доминирует).

Arruga y extensión diseminaba la semilla del viento sobre las plumas de la cordillera espesa luz de germen y pezones, aurora ciega amamantada por los ungüentos terrenales de la implacable latitud lluviosa, de las cerradas noches manantiales, de las cisternas matutinas.	Борозда и протяженность рассыпала семя ветра на перья горного хребта густой свет ростка и сосков, слепая заря, вскормленная земным бальзамом безжалостной дождливой широты, закрытых родниковых ночей, подземных утренних вод. [Ibid.: 120].
---	--

Время, определяемое пространством, движется из настоящего в прошлое («Yo duermo entonces con el sueño / de una semilla, de una larva, / y las escalas de Querétaro / bajo contigo» («Я засыпаю сном / семени, личинки / и по ступеням Керетаро / спускаюсь с тобой» [Ibid.: 130]),

¹ «Разомкнутое пространство», «межпространственность» – выделяемые А. Ф. Кофманом встречающиеся в латиноамериканской и мировой литературе пространственные модели (см.: [Кофман 1997: 67–74]).

² Обращаясь к протекающей под Мачу-Пикчу реке Урубамбе, лирический герой называет ее древним индейским именем Уилкамайу (*Wilkamayu*).

³ Под «сакральным центром» А. Ф. Кофман понимает квинтэссенцию сущности латиноамериканского мира, точку в пространстве, «где происходит максимальная актуализация прошлого» [Кофман 1997: 57].

однако не всегда становится возможным установить, где кончается один временной пласт и начинается другой, что напоминает эффект палимпсеста. Несмотря на то что история предстает как вневременная субстанция, обращение к ней позволяет поэту, чувствующему сущностную потребность в самоидентификации, в процессе поиска своих корней переосмыслить весь предшествующий ему опыт.

Можно сказать, что в национальном образе мира Уитмена преобладает ургия, Неруды – гония (по Г. Д. Гачеву, под ургией понимается искусственно сделанное с помощью труда, под гонией – естественное и порожденное природой (см.: [Гачев 1998: 20])¹. Совершенный человек Неруды естественен и сотворен природой (неслучайно поэт предлагает свою космогонию в поэмах «Земной светильник» (*La Lámpara en la Tierra*) и «Великий океан» (*Gran Océano*), в нем нет ничего искусственного. Природа, существующая в мире поэта как онтологическая категория, властвует над человеком, который не способен и не желает противопоставить ей себя.

...agua desconocida, sol malvado, ola de cruel espuma, tiburón acechante, dentadura de las cordilleras antárticas, diosa serpiente vestida de plumas y enrarecida por azul veneno, fiebre ancestral inoculada por migraciones de alas y de hormigas, tembladerales, mariposas de aguijón ácido...	...незнакомая вода, гибельное солнце, волна злой пены, подстерегающая акула, зубчатая гряда атлантических гор, богиня-змея, одетая в перья и покрытая синим ядом, наследственная лихорадка, переносимая миграциями птиц и муравьев, болотистая почва, бабочки с едким жалом... [Neruda 2022: 129].
--	---

Истинный американец в поэтическом мире Уитмена – в первую очередь «самосделанный человек» (self-made man), доверяющий себе, творец и передовой строитель Нового Мира, гармонично сочетающий в себе природное и технократическое. Яркой репрезентацией такого мироощущения является установка Уитмена произвести в «Песне о топоре» (*Song of the Broad-Axe*) замену природного национального символа Америки, орла, искусственным, воплощающим собой чистую ургию, – топором². В поэтическом мире Уитмена топор становится универсальным инструментом творчества и приравнивается к перу – так и поэт формирует образы (*shapes*) Нового мира, Америки, идеального локуса, авангарда мира.

The main shapes arise! Shapes of Democracy total, result of centuries, Shapes ever projecting other shapes, Shapes of turbulent manly cities, Shapes of the friends and home-givers of the whole earth, Shapes bracing the earth and braced with the whole earth.	Главные образы возникают! Образы Демократии, взятой в ее тотальности, достигаемой веками, Образы, создающие всё новые образы, Образы бурных мужественных городов! Образы друзей, готовых предоставить кров, по всей земле, Образы, крепящие всю землю и крепнущие вместе со всей землей.[Whitman 2011: 341].
--	--

Кроме того, находясь в поиске бытийных основ своей цивилизации, Уитмен и Неруда вынуждены воссоздавать в своей поэзии архетипический акт открытия Америки, который реализуется у поэтов по-разному. Уитмен как истинный североамериканец, в основе сознания которого лежит доктрина «Предопределения судьбы» (Manifest Destiny), подчеркивающая исключительность американцев, их особую судьбу, безгреховность их деяний перед богом, восхищается открытием Америки.

¹ Г. Д. Гачев отмечает ургийность Космо-Психо-Логоса США, проявляющуюся в том числе в «Листьях травы» Уитмена (см.: [Гачев 1998: 187–216]).

² Идея поэмы долго продумывалась Уитменом, что можно заметить в его заметках, сделанных еще до публикации первого издания «Листьев травы» 1855 г., где Уитмен ставит себе следующую задачу: «Сделать его [топор] символом Америки, способным заменить орла» [Notes and Fragments 1899: 33].

Americanos! conquerors! marches humanitarian! Foremost! century marches! Libertad! masses!	Americanos! победители! марши гуманистов! Передовые! марши века! Свобода! массы! [Ibid.: 177].
--	---

Для Неруды, напротив, завоевание американского континента становится воплощением вселенской виоленсии (*violencia*),¹ положившей конец мифу о совершенном Новом Мире.

Madre de los metales, te quemaron, te mordieron, te martirizaron, te corroyeron, te pudrieron más tarde, cuando los ídolos ya no pudieron defenderte.	Мать металлов, тебя сожгли, тебя искушали, тебя измучили, тебя разъели, тебя погубили тогда, когда идола уже не смогли защитить тебя. [Neruda 2022: 128].
---	--

Заключение

Основу североамериканской и латиноамериканской ментальностей, нашедших выражение в «Листьях травы» Уитмена и «Всеобщей песне» Неруды, составил процесс самоидентификации становящихся наций, проходивший и в отталкивании от европейского, и в противопоставлении ему. Огромную роль в общеамериканском художественном сознании Уитмена и Неруды играют пространственные категории, определяющие всю картину миров, создаваемых поэтами. Оба поэта, находящиеся в поиске бытийственных основ своих становящихся наций и стремящиеся утвердить их инаковость, моделируют архетипы идеального Нового Мира, совершенного американского общества, *locus amoenus*. Поэтическое пространство Уитмена и Неруды, создающих тотальный и всеохватывающий образ утопического Нового Мира, обладает интегративно-синтезирующим характером. Несмотря на его надысторическую и мифологическую природу, оно отличается америкоцентризмом.

Типологически схожие образы художественных миров, рисуемых поэтами, национально своеобразны. Они основываются на различных пространственных моделях: Уитмен создает модель разомкнутого пространства мира-космоса, движущегося вперед под знаком пионерства, Неруда – межпространственную модель мира-хаоса, характеризующегося теллуристической природой. Такие пространственные модели определяют категорию времени в поэзии Уитмена и Неруды: если у Уитмена существует только план настоящего и будущего, то у Неруды временные пласты настоящего и прошлого накладываются друг на друга и становятся неразличимы. Кроме того, поэты выражают разное отношение к завоеванию континента европейцами: для Уитмена освоение земель американцами – нечто закономерное, предначертанное, то, чем следует восхищаться. Неруда, напротив, осуждает конкисту, считая ее разрушительным актом.

Список литературы

1. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М. : Художественная литература, 1990. 543 с.
2. Гачев Г. Д. Национальные образы мира. Курс лекций. М. : Академия, 1998. 432 с.
3. Кофман А. Ф. Латиноамериканский художественный образ мира. М. : Наследие, 1997. 320 с.
4. Лейдерман Н. Л. Теория жанра. Исследования и разборы. Екатеринбург : Уральский государственный педагогический университет, 2010. 904 с.
5. Allegrezza W. Politicizing the Reader in the American Lyric-Epic: Walt Whitman's Leaves of Grass and Pablo Neruda's Canto General: PhD thesis. Louisiana State University, 2003. 239 p.
6. Dorfman A. Imaginación y Violencia en América. Santiago de Chile : Editorial Universitaria, 1970. 224 p.
7. Neruda P. Obras Completas IV. Nerudiana Dispersa I. 1915-1964 / ed. por H. Loyola. Barcelona : Galaxia Gutenberg, 2001. Vol. 4. 1343 p.
8. Neruda P. Canto General. Madrid: Cátedra, 2022. 653 p.

¹ Термин, разрабатываемый в работах А. Дорфмана (см.: [Dorfman 1970]), А.Ф. Кофмана (см.: [Кофман 1997: 273–287]).

9. Nolan J. Poet-Chief: The Native American Poetics of Walt Whitman and Pablo Neruda. Albuquerque : University of New Mexico Press, 1994. 270 p.
10. Notes and Fragments / ed. by R. M. Bucke. London, Ontario, Canada : A. Talbot & Co., 1899. 211 p.
11. Rumeau D. Walt Whitman and Pablo Neruda, American Camerados // *Revue Française d'Études Américaines*. 2006. № 2. P. 47–62. URL: <https://shs.cairn.info/journal-revue-francaise-d-etudes-americaines-2006-2-page-47?lang=en> (accessed: 05.10.2025).
12. Whitman W. Leaves of Grass. New York : Library of America, 2011. 757 p.

References

1. Bakhtin M. M. Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura srednevekov'ya i Renessansa [Rabelais and His World]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura, 1965, 543 p. (In Russ.)
2. Gachev G. D. Natsional'nye obrazy mira [National World Images. Lecture Course]. Moscow, Academia, 1998, 432 p. (In Russ.).
3. Kofman A. F. Latinoamerikanskii khudozhestvennyi obraz mira [Latin American World Image]. Moscow, Nasledie, 1997, 320 p. (In Russ.).
4. Leyderman N. L. Teoriya zhanra. Issledovaniya i razbory [Genre Theory. Studies and Analyses]. Yekaterinburg, Ural'skiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet, 2010, 904 p. (In Russ.).
5. Allegrezza W. Politicizing the Reader in the American Lyric-Epic: Walt Whitman's Leaves of Grass and Pablo Neruda's Canto General. PhD thesis, Louisiana State University, 2003, 239 p.
6. Dorfman A. Imaginación y Violencia en América. Santiago de Chile, Editorial Universitaria, 1970, 224 p.
7. Neruda P. Obras Completas IV. Nerudiana Dispersa I. 1915-1964. Ed. por H. Loyola, Barcelona, Galaxia Gutenberg, 2001, vol. 4, 1343 p.
8. Neruda P. Canto General. Madrid, Cátedra, 2022, 653 p.
9. Nolan J. Poet-Chief: The Native American Poetics of Walt Whitman and Pablo Neruda. Albuquerque, University of New Mexico Press, 1994, 270 p.
10. Notes and Fragments. Ed. by R. M. Bucke. London, Ontario, Canada, A. Talbot & Co., 1899, 211 p.
11. Rumeau D. Walt Whitman and Pablo Neruda, American Camerados. *Revue Française d'Études Américaines*. 2006, no 2, pp. 47-62. Available at: <https://shs.cairn.info/journal-revue-francaise-d-etudes-americaines-2006-2-page-47?lang=en> (accessed: 05.10.2025).
12. Whitman W. Leaves of Grass. New York, Library of America, 2011, 757 p.

Информация об авторе

Е. В. Погадаева – преподаватель, кафедра лингвистики и перевода,
Пермский государственный национальный исследовательский университет.

Information about the author

E. V. Pogadaeva – Lecturer, Department of Linguistic and Translation,
Perm State University.

Статья поступила в редакцию 10.04.2025; одобрена после рецензирования 20.04.2025; принята к публикации 25.06.2025.

The article was submitted 10.04.2025; approved after reviewing 20.04.2025; accepted for publication 25.06.2025.

УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ

1. Вы направляете нам статью, оформленную в соответствии с требованиями на электронный адрес редакции (lanaschust@mail.ru).
2. Редакционный совет рассматривает Вашу статью (60 дней).
3. При успешном рецензировании редакция высылает Вам ответ о приеме статьи.
4. Журнал выходит в соответствии с графиком.

Все статьи, размещенные на сайте, находятся в открытом доступе и могут быть использованы для цитирования, копирования, распечатывания и другого некоммерческого использования с соблюдением авторских прав.

Сайт журнала: <https://press.psu.ru/index.php/ehj>

Научное издание

ЕВРАЗИЙСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ ЖУРНАЛ

2025. № 4.

Редактор: С. В. Шустова
Компьютерная верстка: Л. Н. Голубцова
Переводчик: Н. Н. Меньшакова
Секретарь: Н. П. Сюткина

Подписано в печать 08.12.2025. Дата выхода в свет 09.12.2025.
Формат 60×84/8. Усл. печ. л. 12,56. Тираж 500 экз. Заказ № 3075.

Адрес учредителя и издателя: 614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15.

Адрес редакции: 614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15.

ФГАОУ ВО «Пермский государственный
национальный исследовательский университет».

Факультет современных иностранных языков и литератур.

Отпечатано с готового оригинала-макета в ООО «Типограф»

Адрес: 618554, Пермский край, г. Соликамск, Соликамское шоссе, 17.

Территория распространения – Российская Федерация, зарубежные страны.

Подписка на журнал осуществляется на сайте «УРАЛ-ПРЕСС»:

<https://www.ural-press.ru/catalog/97266/8754715/>

Подписной индекс: 015009

Распространяется бесплатно.

Перепечатка материалов из журнала допускается
только по согласованию с редколлегией.